

СТРУКТУРА СОВЕТСКОГО ПРАВА

1975

ВВЕДЕНИЕ

Постановка научных проблем обусловлена достигнутым уровнем развития данной области знания. Накопившийся научный материал, выявленные наукой назревшие потребности общественного развития, обогащение и совершенствование методологии исследований, степень использования достижений философской мысли — все это предопределяет своеобразие научного поиска, направление анализа.

На современном этапе развития советской юридической науки назрела необходимость по-новому подойти к научной характеристике таких вопросов, как строение юридической нормы, вид норм, система права, и, связав их воедино, исследовать структуру права в целом.

Этому и посвящена книга. В ней за основу взяты философские идеи системно-структурного подхода в той их части, которая касается состава и закономерных связей элементов сложных систем¹.

Если право, правосознание, нормативные и индивидуальные акты, правоотношения — словом, все части юридической надстройки образуют цельный, взаимодействующий во всех своих частях механизм регулирования общественных отношений, то и сами нормы — основа механизма правового регулирования — выступают в качестве единой структурно-сложной регулятивной системы. Вот в этой плоскости, т.е. в плоскости социалистического права как системы юридических норм, и рассматривается в настоящей работе его структура.

¹ В настоящей работе исходными являются теоретические положения о системе и структуре, которые в современной литературе разрабатываются В.Г. Афанасьевым, И.В. Блаубергом, Р.А. Зобовым, Э.С. Маркаряном, Н.Ф. Овчинниковым, В.К. Прохоренко, В.Н. Садовским, В.И. Свицерским, М.И. Сетровым, В.С. Тютинным, А.И. Уемовым, Э.Г. Юдиным и другими советскими философами. Использованы в работе и теоретические положения о системах и структурах, которые выдвинуты советскими юристами, занимающимися философскими проблемами правоведения.

Не вдаваясь в полемику по ряду еще не решенных, дискуссионных проблем, автор стремился взять на вооружение все ценное, что выдвинуто в философской литературе, и самим фактом использования тех или иных положений конкретно подтвердить их конструктивный характер. Разумеется, приходилось учитывать то своеобразие, которое свойственно подходу к вопросам системы и структуры в теоретических построениях отдельных авторов. Однако это своеобразие при исследовании структуры права оказалось не столь существенным, как могло показаться на первый взгляд: именно здесь, при характеристике права, обнаружилось, что в теоретических положениях различных авторов по ряду пунктов существует значительное сходство.

На советское социалистическое право распространяются о б щ и е з а к о н о м е р н о с т и сложных системных объектов. Право является цельным системным образованием, единым организмом, которому свойственны иерархическое строение, интегративные (интегральные) качества, генетические и функциональные связи и т.д.

Структура представляет собой особый (инвариантный) аспект системы, выражающий упорядоченность элементов, их композицию, способ связи между ними, их внутреннюю организацию¹. Для структуры характерны устойчивое единство элементов, их отношений и целостности системы². Структуру можно обрисовать как своего рода закон связи элементов — такой закон, который выражает упорядоченность, устойчивость (инвариантность) отношений между элементами³. А это означает, что структура обеспечивает сохранение целостности, единства

¹ Более широкую трактовку структуры дает Д.А. Керимов. Он связывает понятие «структура» с понятием «целое». Однако под «целым» Д.А. Керимов в отличие от И.В. Блауберга, В.С. Тюттина, Э.Г. Юдина и др., понимает не единство элементов, свойственное высокоорганизованным системам, а всякие совокупности, причем не только системные, но и суммативные, неорганизованные (см.: *Керимов Д.А.* Философские проблемы права. М.: Мысль, 1972. С. 247–248, 250 и сл.).

Такая широкая трактовка структуры дискуссионна. Нужно еще выяснить, в какой мере можно говорить о «закономерных связях» применительно к суммативным совокупностям, например к совокупности норм, скомпонованных в результате хронологической инкорпорации. Не достаточно ли в отношении их ограничиваться понятием «состав»? Да и вообще не потеряет ли в трактовке Д.А. Керимова понятие «структура» той четкости, качественной определенности, которые присущи этому понятию при системной его интерпретации? Во всяком случае, знаменательно, что автор при рассмотрении закономерных связей в правовых образованиях ориентируется на «системные целые», где действительно могут быть обнаружены закономерные связи между элементами.

Вместе с тем сама идея «правовой целостности» (включая суммативную) плодотворна. Но это — другая «целостность», отличная от той, в отношении которой в философии выработано понятие структуры. На специфику целостных системных объектов указывает и Д.А. Керимов (Советское государство и право. 1971. № 7. С. 18).

² См.: *Овчинников Н.Ф.* Структура и симметрия // Системные исследования: Ежегодник, 1969. М.: Наука, 1969. С. 119; см. также: *Тюттин В.С.* Отражение, система, кибернетика. М.: Наука, 1972. С. 19–21; *Маркарян Э.С.* Вопросы системного рассмотрения культуры и человеческой деятельности // Исторический материализм как теория социального познания и деятельности. М.: Наука, 1972. С. 204–205; *Блауберг И.В., Юдин Э.Г.* Становление и сущность системного подхода. М.: Наука, 1973. С. 133.

³ Автор этих строк в ранее опубликованных статьях присоединился к определению В.И. Свидерского, полагающего, что структура есть закон связи элементов. В последнее время указанное определение в ряде пунктов подвергалось критике (Д.А. Керимов, Э.С. Маркарян и др.). Действительно, оно нуждается в уточнении: не всякий закон связи системного целого выражает его структуру. В то же время надо видеть, что мысль В.И. Свидерского о закономерном характере связей, выражающих структуру, оказалась конструктивной, плодотворной, и поэтому с приведенными уточнениями выражение «закон связи» имеет право на существование.

явления¹ как системы, образует его каркас (скелет), при помощи которого организуется, упорядочивается содержание данного явления².

Именно такая структура свойственна праву. Оно состоит из определенных компонентов — отраслей, институтов, норм, которые образуют элементы единой упорядоченной закономерной организации содержания, единую композицию, систему строения элементов (что составляет структуру права — каркас (скелет) его содержания).

Вместе с тем советское социалистическое право представляет собой социальную систему³, имеющую политическую природу. В соответствии с этим право и его структура характеризуются с п е ц и ф и ч е с к и м и з а к о н о м е р н о с т я м и.

Прежде всего право является неотъемлемой частью всей общественной системы — советского социалистического общества в целом. Особенности права коренятся в экономическом базисе социалистического общества, его политической структуре, в политической организации, где направляющей и руководящей силой выступает Коммунистическая партия. Отсюда следует, что право, как и иные социально-политические институты, нельзя отнести к разряду саморегулирующихся системных образований (в нем есть лишь отдельные саморегулирующиеся стороны, некоторые управляющие механизмы). Право — не просто открытая система, т.е. непосредственно зависимая от среды, а система надстроечного и в этом отношении производного порядка. Вот почему «право, как и политическая организация социалистического общества, не может интерпретироваться лишь с точки зрения управляющей системы»⁴.

Право должно рассматриваться, кроме того, в качестве составного элемента других системных социальных образований высокого порядка, связанных главным образом с действием субъективного фактора общественного развития в качестве части системы социально-го (государственного) управления, а также всей системы социальных

¹ В.Г. Афанасьев подчеркивает, что в системе структура играет огромную роль. Она «связывает компоненты, преобразует их, придавая некую общность, целостность». Автор продолжает: «Без устойчивых связей, взаимодействия компонентов, то есть без структуры, система перестала бы существовать как данное конкретное целое» (*Афанасьев В.Г. О системном подходе в социальном познании // Вопросы философии. 1973. № 6. С. 103*).

² См.: *Керимов Д.А. Философские проблемы права. С. 313*.

³ О своеобразии социальных систем см.: *Сорокин В.Д. О специфике социальных управляющих систем // Правоведение. 1971. № 4. С. 44—49*.

⁴ *Явич Л.С. Право и общественные отношения (Основные аспекты содержания и формы советского права). М.: Юрид. лит., 1971. С. 142*.

норм¹. Особо важно учитывать управленческую природу права², его роль в нормативном закреплении общих программ социального управления, в обеспечении действенности, эффективности управленческого процесса.

Весьма существенно, далее, что право имеет политическую природу, классово-волевое содержание. В социалистическом обществе оно представляет собой возведенную в закон государственную волю всего советского народа во главе с рабочим классом. Отсюда следует, что в существовании и развитии права важное значение имеют субъективные факторы, момент «целеполагания». Это относится также к структуре социалистического права; причем последняя в большей степени, чем структура иных социальных явлений (например, экономических), зависит от внешней формы, через которую действует субъективный фактор.

Специально следует указать на связь права с государством. Право есть такая система регулирования, функционирование которой взаимосвязано с деятельностью государства. Единство права и государства — главная системообразующая связь, через которую выражаются требования экономического базиса, воплощаются политические интересы, опосредствуется действие субъективных факторов.

Таким образом, исследуя структуру советского права, необходимо постоянно учитывать надстроечную, социально-политическую, классовую природу правового регулирования в социалистическом обществе. И дело не только в том, что в составе и соотношении структурных подразделений советского права проявляются его социалистическая, антиэксплуататорская сущность, его направленность на строительство коммунизма, его подлинно демократические, гуманистические принципы. Сам подход, угол зрения при характеристике структуры советского права *должен отражать своеобразие права как социально-политической системы, его специфические закономерности, его социальную ценность.*

Проблема структуры советского права — сравнительно новая общетеоретическая проблема, выражающая современное философское видение правовых явлений.

Отсюда проистекают особенности смыслового содержания, которые имеет понятие «структура права» в отличие от традиционного по-

¹ См.: Яковлев В.Ф. Гражданско-правовой метод регулирования общественных отношений: Автореф. дис. ... докт. юрид. наук. Свердловск, 1972. С. 5.

² См.: Горшенев В.М. Способы и организационные формы правового регулирования в социалистическом обществе. М.: Юрид. лит., 1972. С. 3—17.

нения «система права». Это — не дань модной терминологии, а изменение угла зрения, обусловленное современной философской разработкой теории систем.

На первый взгляд в настоящей работе рассматриваются те же самые вопросы, которые обычно освещались в монографиях и учебниках по теории права: состав и соотношение отраслей и институтов, виды норм и др. Но это лишь на первый взгляд.

В действительности характеристика тех же самых вопросов под углом зрения структурно-элементных отношений позволяет раскрыть важный аспект *права как системы*, высветить новые грани в традиционной проблематике, поставить новые вопросы, а тем самым не только придать качественно новые оттенки, но и охватить понятием «структура права» различные виды и уровни структур, промежуточные образования и т.д.

С удовлетворением следует отметить, что в последние годы сделаны определенные шаги в непосредственной разработке вопросов структуры советского права (исследования О.С. Иоффе, Д.А. Керимова, В.Д. Сорокина, В.М. Чхиквадзе и Ц.А. Ямпольской, А.Ф. Черданцева, А.Ф. Шебанова, В.Ф. Яковлева¹ и др.). Вопросы структуры права разрабатываются и в юридической литературе зарубежных социалистических стран².

Проблема явно назрела и подготовлена для решения развитием философии, общей теории права, отраслевых юридических наук.

¹ См.: *Иоффе О.С.* Структурные подразделения системы права (на материалах гражданского права) // Ученые записки ВНИИСЗ. Вып. 14. М., 1968; *Керимов Д.А.* Проблема целостности в праве // Советское государство и право. 1971. № 7; *Он же.* Философские проблемы права; *Сорокин В.Д.* Административно-процессуальное право — отрасль права // Советское государство и право. 1969. № 8; *Чхиквадзе В.М., Ямпольская Ц.А.* О системе советского права // Советское государство и право. 1967. № 9; *Черданцев А.Ф.* Системность норм права // Сборник ученых трудов СЮИ. Вып. 12. Свердловск, 1970; *Шебанов А.Ф.* Система законодательства как научная основа кодификации // Советское государство и право. 1971. № 12; *Яковлев В.Ф.* Гражданско-правовой метод регулирования общественных отношений. Свердловск, 1972.

² См., например: *Опа лек К.* Problemy metodologiczne nauki prawa. Warszawa, 1962; *Захариев В.* Структура на социалистическата държава и право. София, 1970; Теория на социалистическото право. София, 1973.

ГЛАВА ПЕРВАЯ

ОБЩАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА СТРУКТУРЫ СОВЕТСКОГО ПРАВА

1. Понятие структуры советского права

1. Марксистско-ленинская юридическая наука при исследовании права концентрирует внимание на его обусловленности экономическим базисом классового общества, на его классово-волевом, политическом содержании – тех ключевых характеристиках, которые в соответствии с требованиями метода материалистической диалектики позволяют раскрыть основные стороны, свойства и функции этого сложного, многогранного социально-политического явления.

Вместе с тем наша наука не упускает из поля зрения и особенности права, относящиеся к его форме, в том числе такое его свойство, как *системность*.

Исходное методологическое значение для понимания этой особенности права имеет следующий сформулированный Ф. Энгельсом методологический тезис: «Право должно не только соответствовать общему экономическому положению, не только быть его выражением, но также быть *внутренне согласованным* выражением, которое не опровергало бы само себя в силу внутренних противоречий»¹.

Три момента представляются здесь особо важными. В о - п е р - в ы х, Ф. Энгельс рассматривает внутреннюю юридическую согласованность как закономерность права: оно должно быть согласованным, так же как и должно быть выражением общего экономического положения. В о - в т о р ы х, внутренняя юридическая согласованность касается права в целом, всего выражения экономического положения, а не только, например, увязки нормативных актов, законов. В - т р е т ь и х, это именно юридическая согласованность, целостность, единство, исключающие для права возможность опровержения самого себя в силу внутренних противоречий.

Ф. Энгельс подчеркивал необходимость юридической согласованности (систематического изложения) и отдельных подразделений правовой системы. В частности, он указывал на государственное и гражд-

¹ Маркс К., Энгельс Ф. Соч. Т. 37. С. 418.

данское право как на такие обусловленные экономическим базисом социальные явления, которые обладают относительной самостоятельностью и которые в силу этого «сами по себе поддаются систематическому изложению и требуют такой систематизации путем последовательного искоренения всех внутренних противоречий»¹.

Юридическая согласованность правовой системы каждого государства имеет две стороны: а) в н е ш н ю ю — непротиворечивость, систематизированность, недопустимость наличия в праве положений, которые не были бы согласованы; б) в н у т р е н н ю ю — единство, целостность правовой системы государства, подчинение ее единым началам, сквозным юридическим принципам².

Свойство системности характеризует главным образом внутреннюю юридическую согласованность права. Право каждого государства существует и функционирует в качестве единой, юридически цельной, внутренне согласованной системы общеобязательных норм, выражающих требования экономического базиса классового общества. Важнейшей же стороной внутренне согласованной системы и является его структура — закономерная организация (скелет) его элементов.

Обратимся теперь к особенностям структуры советского права, одна из которых характеризует его принадлежность к определенному классу (типу) системных объектов, а другая — тот «поворот», который присущ рассмотрению структуры права в рамках юридической науки.

2. В философской литературе выделяются три класса совокупностей объектов: п е р в ы й — неорганизованная совокупность, иногда ее называют «суммативное целое», в т о р о й — неорганичная система, или же «просто» организованная, и т р е т ь й — органичная система³.

¹ Маркс К., Энгельс Ф. Соч. Т. 21. С. 312.

² Значительное внимание праву как юридически согласованной системе (главным образом с точки зрения ее внешней стороны — непротиворечивости) уделил М.Т. Баймаханов в кн. «Противоречия в развитии правовой надстройки при социализме» (Алма-Ата, 1972. С. 165–173, 193 и сл.). Польский правовед Г. Рот различает четыре аспекта единства социалистического права: социологическое единство, телеологическое (по цели) единство, материальное единство, формальное единство (см.: *Rot H. Jedność i podziały systemu prawa socjalistycznego*. Wrocław, 1971. S. 38–58).

³ См.: Блауберг И.В., Садовский В.Н., Юдин Э.Г. Системный подход в современной науке // Проблемы методологии системного исследования. М.: Мысль, 1970. Аналогичный взгляд высказал И.В. Блауберг в рамках проблемы целостности. Он различает: неорганизованную совокупность, организованное целое и органичное целое (см.: *Блауберг И.В. Проблема целостности в марксистской философии*. М.: Выssh. shk., 1963. С. 53).

Первый из указанных классов — это явление чисто суммативного порядка, которое вообще не относится к системам¹.

Системные объекты в строгом смысле распадаются, таким образом, на два основных типа: организованные и органичные системные образования. И те и другие — именно системные объекты. Их одинаково «характеризует наличие связей между элементами и появление в целостной системе новых свойств, не присущих элементам в отдельности. Связь, целостность и обусловленная ими устойчивая структура — таковы отличительные признаки любой системы»².

В то же время между просто организованной и органичной системами существуют довольно важные различия. Если первая есть соединение в известную целостность относительно обособленных элементов, то вторая — «физически» неделимое, саморазвивающееся целое³.

Правда, в чистом виде различия между указанными классами системных объектов обнаруживаются в основном на фактическом материале технических и естественных наук, в частности биологии. Например, организованная система — совокупность взаимосвязанных организмов на локальной территории, органичная — данный живой организм как таковой. Социальные явления под эти два класса могут быть подведены лишь с известной натяжкой (организованная система — шествующая на празднике колонна демонстрантов, органичная — развитое государство, самоуправляющаяся общественная организация). Но все же рассматриваемые два класса системных объектов образуют своего рода классические типы, главные ориентиры, позволяющие разобраться во всем многообразии системных образований⁴.

К какому же классу (типу) системных объектов принадлежит право?

При ответе на поставленный вопрос необходимо прежде всего учитывать системность права, его качество внутренней юридической согласованности.

¹ Неорганизованная суммативная совокупность, пишут И.В. Блауберг и Э.Г. Юдин, «лишена системного характера» (*Блауберг И.В., Юдин Э.Г.* Становление и сущность системного подхода. С. 177).

² Там же.

³ См. там же. С. 177–178.

⁴ Этого не учитывает В.Д. Сорокин который утверждает, что социальные объекты образуют особый, четвертый класс совокупностей наряду с неорганизованными совокупностями, организованными и органичными образованиями (см.: *Сорокин В.Д.* О специфике социальных управляющих систем // Правоведение. 1971. № 4. С. 4). Да и вообще главные отличительные особенности социальных систем находятся в иной плоскости, нежели признаки, положенные в основу трехчленной классификации совокупностей (к тому же, как уже отмечалось, неорганизованные совокупности вообще не являются системами).

В этой плоскости право каждого государства тяготеет к типу органических систем.

Правда, при формировании права того или иного государства оно первоначально состоит из отдельных разрозненных, подчас несогласованных между собой юридических предписаний.

Неразвитая правовая система представляет собой только более или менее организованное неорганичное целое¹. Однако по мере развития и усложнения правового регулирования, обусловленного развитием объективных общественных процессов, и, следовательно, по мере возрастания необходимости внутренней юридической согласованности норм в результате законодательной деятельности государства происходит накопление правовой системой таких черт, которые свойственны органичному целому². Специфику права как органичной системы и имел в виду Ф. Энгельс, когда писал: «Чем сложнее становится... законодательство, тем более отличается способ его выражения от того способа, в котором выражаются обычные экономические условия жизни общества. Законодательство представляется как бы самодовлеющим элементом, который находит оправдание своему существованию и обоснование своему дальнейшему развитию не в экономических отношениях, а в собственных внутренних основах, хотя бы, скажем, в «понятии воли»³.

Весьма высокий уровень органичности свойствен советскому социалистическому праву. Высокоорганизованный характер социалистических общественных отношений, целенаправленность развития

¹ Об этом ярко свидетельствуют правовые документы прошлого. Даже те нормативные акты, которые по своему внешнему облику могли быть отнесены к разряду кодифицированных (например, Сборник законов царя Хаммурапи, Хеттские законы, Законы XII таблиц, Салическая правда и др.), по сути дела представляли собой более или менее «организованные» компиляции, в самом облике которых отсутствовало четкое отраслевое деление, группировка по институтам. (Например, в Салической правде нормативные предписания группировались по таким «институтам», как «О вызове на суд», «О краже свиней», «О том, кто схватит свободную женщину за руку, за кисть или за палец» и т.д.)

² Здесь, кроме того, нужно принимать во внимание особенности отдельных структурных общностей (семей правовых систем). Национальные правовые системы типа англосаксонского (общего) права так и не приняли характера структурно-развитых, замкнутых правовых образований. Р. Давид пишет: «Правовые системы романогерманской правовой семьи образуют стройный ансамбль, «замкнутые системы»... Английское право — система открытая: оно выступает как метод, который позволяет разрешить любой вопрос, но не содержит норм, подлежащих применению в любых обстоятельствах» (Давид Рене. Основные правовые системы современности. М.: Прогресс, 1967. С. 302).

³ Маркс К., Энгельс Ф. Соч. Т. 18. С. 272–273.

общества, единство воли советского народа, возрастающая руководящая роль Коммунистической партии – все это требует последовательной юридической согласованности советской правовой системы, ее функционирования в качестве органичного целого.

Таковы особенности структуры советского права, обусловленные его объективным качеством внутренней юридической согласованности. Но здесь нужно учитывать и особенности классово-волевого содержания права, его принадлежность к сфере надстройки, общественного сознания.

Прежде всего само качество внутренней юридической согласованности выражает одно из противоречий, свойственных правовой форме общественного регулирования. «Ход «правового развития», – писал Ф. Энгельс, – состоит по большей части только в том, что сначала пытаются устранить противоречия, вытекающие из непосредственного перевода экономических отношений в юридические принципы, и установить гармоническую правовую систему, а затем влияние и принудительная сила дальнейшего экономического развития опять постоянно ломают эту систему и втягивают ее в новые противоречия»¹. Ведь при последовательном осуществлении требования внутренней юридической согласованности всех нормативных предписаний «точность отражения экономических отношений нарушается все больше и больше»². Поскольку уже сложилась более или менее гармоническая правовая система, каждое новое правовое предписание должно вписываться в нее, т.е. должно быть издано с учетом существующих правовых принципов, всей системы действующего права. При формулировании новых (изменении старых) правовых предписаний, подчеркивает Ф. Энгельс, «следует... считаться со всей системой уже существующего права»³.

Таким образом, тенденция к предельной юридической согласованности, гармоничности правовой системы наталкивается на влияние и «принудительную силу» дальнейшего развития общественных отношений, и прежде всего экономического развития. Значит, «в праве налицо две противоположные тенденции: 1) к обеспечению единства, согласованности и непротиворечивости правовой системы, 2) к нарушению этого единства, согласованности и непротиворечивости права. Обе эти тенденции коренятся в материальных основах существования общества и находятся в посто-

¹ Маркс К., Энгельс Ф. Соч. Т. 37. С. 418.

² Там же.

³ Там же. Т. 21. С. 312.

янном противоборстве, отражая сложный диалектический характер общественной жизни»¹.

Правда, в условиях социалистического общества действие указанных двух противоборствующих тенденций смягчено отсутствием в общественной жизни антагонистических противоречий, научно организованной законодательной деятельностью социалистического государства, высоким динамизмом права, подчеркнутой В.И. Лениным быстротой законодательной деятельности². Но и в социалистическом обществе право представляет собой такую регулирующую систему, внутренняя согласованность которой может в определенной степени нарушаться самим ходом экономического развития.

Кроме того, необходимо иметь в виду и отмеченные ранее особенности права как специфической социальной системы, в частности ее принадлежность к сфере надстройки, к общественному сознанию.

Целостность права, его внутренняя юридическая согласованность могут нарушаться в силу причин субъективного порядка (влияние науки, законодательных традиций, а также недостатков в организации правотворческой работы и др.). Правильно отмечено в литературе, что, например, совокупность норм Особенной части советского уголовного права «не может рассматриваться как завершенная логическая система, построенная по одним и тем же правилам. Так как уголовное законодательство создавалось на протяжении длительного исторического периода и неоднократно изменялось, система норм Особенной части представляет собой довольно пеструю картину», причем «некоторые... нормы относятся к так называемым пересекающимся классам, и их признаки совпадают между собой, так что разграничение подчас становится невозможным»³.

Следовательно, советское право как система — это такое специфическое социальное явление, которое представляет собой *нечто среднее*,

¹ Баймаханов М.Т. Противоречия в развитии правовой надстройки при социализме. С. 172. Автор правильно обращает внимание на то, что лежащая в основе права общественная жизнь характеризуется рядом противоречий, а отражающее ее право старается предстать в виде внутренне согласованной, гармоничной, непротиворечивой системы. Он отмечает: «Полной согласованности в развитии общественной жизни, с одной стороны, и права — с другой, нет. Право движется как бы «прерывисто», «скачкообразно», постоянно делает «остановки»... В праве момент прерывности вырисовывается довольно четко: само по себе оно не изменяется. Для этого требуются дополнительные правотворческие действия» (Там же. С. 193).

² См.: Ленин В.И. Полн. собр. соч. Т. 45. С. 248.

³ Кудрявцев В.Н. Общая теория квалификации преступлений. М.: Юрид. лит., 1972. С. 147.

промежуточное между «просто» организованной и органичной системами. В нем сочетаются, сосуществуют черты и того и другого, удельный вес которых является величиной подвижной, переменной: в зависимости от социально-классовой природы, степени развития, исторических условий национальная правовая система обладает различным уровнем органичности. Здесь есть и своего рода закономерность: в праве заложена потенция быть органичным образованием, но завершенной органичной системой оно никогда быть не может.

Специфику права как промежуточной, подвижной по своей «классности» правовой системы необходимо учитывать при выработке правовой политики, при решении правотворческих задач. Отставание законодательства, недостатки в правотворческой работе, несовершенство в юридической технике отбрасывают право к типу «просто» организованных систем. Напротив, чем выше уровень отработанности, совершенства законодательства, тем ближе право к типу органичных системных образований и тем, следовательно, в большей степени оно способно оказывать эффективное системное воздействие на общественную жизнь.

3. В соответствии с профилем юридической науки, ее теоретико-прикладной направленностью понятие «структура права» имеет в правоведении свой «поворот», специфический смысловой оттенок.

Как правильно отмечено в философской литературе, «сложный объект обычно представляет собой иерархическое, полиструктурное, многоуровневое образование..., и характер структуры, связей и отношений, выделяемых в нем той или иной наукой и являющихся предметом ее изучения, существенным образом зависит от степени ее развития и применяемых ею исследовательских средств»¹. Применительно же к юридической науке надо добавить, что характер изучения зависит здесь еще от того, насколько глубоко, сообразно потребностям познания в рамках правоведения, необходимо проникновение, «погружение» в те устойчивые закономерные связи, которые образуют структуру права.

Юридическая наука представляет собой теоретико-прикладную область знаний, в органическом единстве решающую познавательные и прикладные, практические задачи. Конечно, далеко не каждое из теоретических положений, разрабатываемых в правоведении, должно быть непосредственно увязано с вопросами юридической практики. Но по своему содержанию, по своей нацеленности они должны ин-

¹ Блауберг И.В., Юдин Э.Г. Становление и сущность системного подхода. С. 168.

тегрироваться в общую систему юридических знаний, не отрываться от почвы действующего законодательства и в конечном счете служить юридической практике во всем ее многообразии.

А это определяет уровень, степень использования в настоящей работе общетеоретических положений о системах и структурах (к тому же нередко в философских работах, сориентированных на системы и структуры в сфере технических и естественных наук, в частности биологии). Они употребляются не только с учетом социально-политической природы права, его особенностей как системы, но и в той мере, в какой это необходимо для решения назревших задач советской юридической науки¹.

С рассматриваемых позиций важно то, что первоначально структура системного объекта предстает в виде *его строения*, выражающего прежде всего, *состав*, «набор» компонентов, частей данного образования².

Эта начальная фаза исследования структуры системного объекта для юридической науки представляется настолько существенной, что в правоведении в соответствии с его теоретико-прикладной направленностью понятие «структура» *прежде всего* охватывает *строение права*.

Структура права при такой трактовке выражается в первую очередь в реальной внутренней расчлененности данной национальной правовой системы, дифференцированности, в «наборе» ее составных компонентов — отраслей, институтов, норм, их элементов.

Лишь при таком подходе к структуре права возможно решение теоретико-практических задач, стоящих перед юридической наукой. Кон-

¹ Именно поэтому в настоящей книге проявлена известная сдержанность в применении ряда общенаучных положений о системах и структурах (например, положений о результирующей структуре, глобальной структуре и т.п.). Хотя некоторые из такого рода положений могут быть подтверждены на правовом материале, соответствующая юридическая проблематика еще не назрела и, очевидно, требуется какое-то время для того, чтобы стало ясным, в какой степени они могут способствовать углубленной характеристике структуры советского права.

² «Структура развивающейся органической системы, — пишет В.С. Добрянов, — выступает прежде всего как *определенный состав* компонентов объекта» (*Добрянов В.С. Методологические проблемы теоретического и исторического познания*. М.: Мысль, 1968. С. 15).

С еще большей определенностью по рассматриваемому вопросу выступает В.Г. Афанасьев. Автор отмечает (что особенно важно в отношении социальных систем): «Для познания и управления обществом как системой, равно как и любой подсистемой в его рамках, важно раскрыть их *с о с т а в*, «*н а б о р*» *к о м п о н е н т о в*, выяснить их субстанциальную природу, поскольку все другие характеристики системы в значительной мере зависят от ее состава» (*Афанасьев В.Г. О системном подходе в социальном познании // Вопросы философии*. 1973. № 6. С. 102).

кретное содержание юридических норм может быть усвоено с необходимой полнотой лишь «по частям», т.е. в соответствии с реальным строением права. С учетом своеобразия строения права, его подразделенности на части проводятся систематизация и кодификация законодательства, определяется система нормативных юридических актов, совершенствуется юридическая техника, решаются некоторые вопросы применения права.

Вместе с тем характеристика строения права является исходной базой для рассмотрения его структуры как закона устойчивых связей элементов содержания. «Можно, конечно, сказать, — пишет Н.Ф. Овчинников, — что, выявляя части объекта, мы в результате такого расчленения получаем знание состава (простое перечисление элементов), а не структуры. Однако познание структуры невозможно, если не указан состав»¹.

На эту особенность изучения структуры права указывают и другие авторы. «Знание состава, — отмечает В.С. Тюхтин, — позволяет перейти к выявлению главной характеристики системы — ее структуры, организации»².

Следовательно, изучение состава компонентов советского права не только имеет в нашей науке самостоятельное значение, но и служит первой необходимой ступенью для познания структуры в строгом, точном смысле. На этом, более глубоком, этапе познания структуры права вырисовываются устойчивая упорядоченность его элементов, свойственные им отношения порядка, композиции (генетические и функциональные связи; интегративные свойства и др.). Вот здесь-то советское право и предстает в виде единой, внутренне юридически согласованной системы, цельного правового организма³.

По мере усложнения задач, решаемых советской юридической наукой, все большего «погружения» научной мысли в структурные связи будет изменяться и содержание понятия «структура права»; центр тяжести в нем все более будет перемещаться от моментов строения, состава к моментам, которые выражают отношения упорядоченности,

¹ Овчинников Н.Ф. Структура и симметрия // Системные исследования: Ежегодник, 1969. С. 116.

² Тюхтин В.С. Отражение, система, кибернетика. С. 17. По мнению Э.С. Маркаряна, «познание системы начинается с дифференциации составляющих ее элементов. Эта задача... предполагает прежде всего... классификацию элементного состава системы» (Маркарян Э.С. Вопросы системного рассмотрения культуры и человеческой деятельности // Исторический материализм как теория социального познания и деятельности. С. 192).

³ Эта сторона исследования системы советского права правильно оттенена Д.А. Керимовым (см.: Керимов Д.А. Философские проблемы права. С. 270, 278).

интегрированности, целостности. Однако, видимо, оно сохранит и моменты, выражающие строение, состав реальных структурных подразделений советского права.

2. Основные подразделения структуры советского права. Виды структур

1. Первое, что необходимо выяснить при рассмотрении вопроса, вынесенного в заголовок, — это признаки, на основе которых оказывается возможным выделить подразделения структуры, их виды.

Вполне понятно, что поскольку речь идет о с т р у к т у р е права, то его подразделения могут быть лишь такие образования, которые обладают признаками *элемента*.

Применительно к праву можно указать на два таких признака. В о - п е р ы х, данное явление (норма, институт, отрасль) должно отличаться *цельностью*, т.е. выступать на определенном уровне структуры в качестве «нерасчлняемого целого»¹. Это значит, что все части данного явления связаны такой степенью внутренней организации, общности, которая делает их нерасторжимыми, образующими свою прочную системную структуру. Во-в т о р ы х, данное явление должно обладать способностью взаимодействия с другими явлениями на соответствующем уровне, такого взаимодействия, в результате которого оно вместе с иными явлениями образует структуру следующего, более высокого уровня².

¹ Н.Ф. Овчинников отмечает: «Элементы делимы в себе, но они неделимы по отношению к существенным отношениям системы, элементами которой они являются. Но если фиксированы структурные отношения объекта (а объект — всегда система), то в таком случае элементы необходимо предстают как неделимые части системы» (Системные исследования: Ежегодник, 1969. С. 117). По мнению И.В. Блауберга и Э.Г. Юдина, под элементом «имеется в виду минимальный компонент системы или же максимальный предел ее расчленения» (*Блауберг И.В., Юдин Э.Г.* Становление и сущность системного подхода. С. 184).

² См. об этом, например: *Добринов В.С.* Методологические проблемы теоретического и исторического познания. С. 12 и сл. Автор, в частности, пишет: «Понимание структуры требует учета не только состава компонентов, но также и *способа их связи и взаимодействия*» (С. 15).

В отношении отраслей права необходимость использования структурных признаков отметил В.Д. Сорокин (см.: Административно-процессуальное право — отрасль права // Советское государство и право. 1969. № 8). И хотя автор не связал структурные признаки с юридическим своеобразием структуры права (он поставил их в один ряд с признаком предмета регулирования), сама ориентировка на то, чтобы рассматривать отрасли права в качестве элементов системы, оказалась плодотворной.

Однако структурные признаки¹ есть лишь внешние показатели существования того или иного подразделения в качестве элемента.

С точки зрения своего содержания каждое структурное подразделение в правовой системе — *юридически своеобразное явление*.

Если «что-то» в материи права не отличается определенной юридической спецификой, оно вообще не выделяется в правовой системе. И тогда сама постановка вопроса о подразделениях в структуре, их цельности, взаимодействии и т.д. отпадает. Ведь речь идет о с а м о м праве, о юридической согласованности в его содержании.

Характеризуя юридическую специфику структурных подразделений советского права, необходимо прежде всего заметить (и это обстоятельство представляется существенно важным: оно поможет в решении ряда вопросов в последующем), что она *выражается в нескольких чертах, в нескольких показателях*.

Главный из них — *особенности регулятивных свойств права, приемов воздействия на общественные отношения*. Как правильно отмечено в литературе, «право отличается от иных средств социального управления не столько кругом охватываемых отношений, сколько формой, способом воздействия на отношения», и потому «особенности правового воздействия на отношения оказываются юридическими признаками самого права, раскрывают его своеобразие как особого средства социального управления»².

Наиболее ярко эта черта юридического своеобразия выражена в основных отраслях права, в которых особенности приемов регулятивного воздействия воплощаются в отраслевых методах и механизме регулирования.

Вполне понятно поэтому, что особый метод регулирования рассматривается ныне большинством авторов в качестве главного юридического критерия деления норм права на отрасли. Специфика в приемах регулирования свойственна и другим подразделениям правовой системы. Например, даже различия между регулятивными и охранительными нормами заключаются в способе воздействия на поведение людей: регулятивные нормы устанавливают права и обязанности субъ-

¹ В литературе правильно обращается внимание на то, что структурные признаки распространяются не только на отрасли, но и на институты, а также, разумеется, на все другие основные подразделения правовой системы (см.: *Ант А.Ф., Кененов А.А.* К вопросу об элементах и структуре советского права // Вестник МГУ. Серия «Право». 1973. № 3. С. 50).

² *Яковлев В.Ф.* Гражданско-правовой метод регулирования общественных отношений. С. 10, 11.

ектов, охранительные — предусматривают меры государственно-принудительного воздействия на правонарушителей.

Юридическое своеобразие права наряду с непосредственно регулятивными свойствами выражается в *интеллектуально-волевом, юридическом содержании* правовых норм. А отсюда многим подразделениям правовой системы свойственны особые принципы. Каждое подразделение системы характеризуется своим «набором» общих положений, понятий, терминов.

Наконец, одним из выражений структуры являются *особенности во внешней форме права, в системе законодательства*; причем первичные структурные подразделения — правовые предписания — вообще представляют собой единство государственно-властного веления и его внешнего словесно-документального выражения в тексте нормативного юридического акта.

Таким образом, юридическое своеобразие подразделений структуры права выражается в показателях тройкого рода:

регулятивные свойства (метод регулирования, приемы воздействия, механизм и др.);

интеллектуально-волевое содержание (принципы права, общие положения и пр.);

внешняя форма права (известная обособленность в законодательстве)¹.

2. Советское право — *полиструктурная* регулятивная система: ему, как и иным целостным системным образованиям, свойственна известная иерархия структур². В советском праве, в частности, могут быть выделены особый слой структурных образований, которые можно назвать комплексными, а также идеальные структуры — логические нормы, юридические конструкции, регулятивная и охранительная подсистемы.

Однако как бы ни была сложна иерархия структур в праве, ее стержнем является *главная структура*, выражающая строение права, его дифференциацию на нормы, институты, отрасли.

¹ Вместе с тем надо видеть, что «степень специфики» структурных черт (в особенности системной целостности) и юридического своеобразия тех или иных подразделений правовой системы неодинаковы. Отсюда различен уровень их объективизации в правовой системе. Д.А. Керимов пишет: «Уровень устойчивости правовой организации может быть различен в зависимости от характера связи между ее частями. «Шкала» этой устойчивости движется от относительно слабой к абсолютной сильной, необходимой связи ее частей» (Керимов Д.А. Философские проблемы права. С. 249).

² «Основным признаком целостного образования, — пишут В.И. Свидерский и Р.А. Зобов, — можно считать наличие иерархии структур» (Свидерский В.И., Зобов Р.А. Новые философские аспекты элементарно-структурных отношений. Изд-во ЛГУ, 1970. С. 72).

Разумеется, этой триадой (норма, институт, отрасль) не исчерпывается сложное строение права. Указанные звенья характеризуют лишь главные вехи правовой системы. Кроме норм, институтов, отраслей, которые являются необходимыми элементами правовой системы и потому «обязательно следуют один за другим»¹, есть и такие, не всегда необходимые правовые образования, как субинституты и подотрасли. Особое место в правовой системе занимают правовые принципы².

При более подробном анализе могут быть выделены и иные подразделения (например, ассоциации норм, объединения институтов, семьи отраслей). Но все это подразделения *в одной плоскости*, концентрирующиеся вокруг упомянутой выше триады. Именно в данной плоскости подразделения правовой системы в наибольшей степени объективированы. Они представляют собой юридически завершенные звенья, отличающиеся полным (на каждом уровне) набором юридических свойств, черт юридического своеобразия, юридической цельностью, способностью взаимодействия с другими звеньями. Поэтому-то нормы, институты, отрасли (а также право в целом), как будет показано в последующем, и определяют уровни структуры советского права.

Подразделения главной структуры могут быть названы основными. В частности, основными являются отрасли главной структуры – советское государственное право, советское трудовое право, советское уголовное право и т.д.

3. Указывая на основные звенья структуры советского права (нормы, институты, отрасли), необходимо учитывать особенности их построения в связи с федеративным характером Советского государства.

В советской юридической литературе федеративный характер нашего государства учитывается при рассмотрении системы законодательства³, ее отдельных областей – уголовного⁴, гражданского⁵. Во-

¹ *Иоффе О.С.* Структурные подразделения системы права (на материалах гражданского права) // Ученые записки ВНИИСЗ. Вып. 14. С. 51.

² См. там же.

³ См.: *Шебанов А.Ф.* Система законодательства как научная основа кодификации // Советское государство и право. 1971. № 12.

⁴ См.: *Кирич В.А.* Союзный и республиканский уголовный закон. М.: Юрид. лит., 1970.

⁵ См.: *Толстой Г.К.* Кодификация гражданского законодательства в СССР: Автореф. дис. ... докт. юрид. наук. Изд-во ЛГУ, 1970; *Поленина С.В.* Система советского гражданского законодательства и основные тенденции ее развития: Автореф. дис. ... докт. юрид. наук. М., 1971; *Она же.* Система советского гражданского законодательства // Советское государство и право. 1971. № 6, и др.

просы же структуры права, и в частности деление его по отраслям, в большинстве случаев освещаются в целом, применительно ко всей правовой системе Советского государства.

Между тем своеобразие организации государственного единства в СССР, выраженного в существовании единого союзного государства, которое объединяет суверенные советские социалистические республики¹, проявляется в структуре советского права.

Действительно, если обратиться непосредственно к самой ткани права, то окажется, что значительная часть нормативных предписаний многих основных отраслей состоит из норм, существующих в форме республиканского законодательства. Да и кодифицированные отраслевые акты, в развернутом виде закрепляющие нормативные обобщения отрасли, ее строение, содержание основных институтов, представляют собой республиканские кодексы — гражданский, процессуальные, о браке и семье, законов о труде и др. А это не только порождает особую группу функциональных («вертикальных») связей между нормами союзного и республиканского законодательства², но и означает, что советское право имеет *специфическое федеративное структурное построение*³, *выступает в виде союзно-республиканского права*.

Союзно-республиканский характер советского права выражен, с одной стороны, в том, что в каждой союзной республике основные отрасли права являются национальными суверенными подсистемами. Поэтому в принципе вполне обоснованно говорить о существовании советского административного права Узбекской ССР, советского трудового права Армянской ССР, советского гражданского права РСФСР и т.д.

¹ См.: Марксистско-ленинская общая теория государства и права. Социалистическое государство. М.: Юрид. лит., 1972. С. 252 и сл.

² См.: *Кирич В.А.* Функциональные связи правовых норм // Советское государство и право. 1972. № 5. С. 31–32. Автор отмечает: «Если систему советского законодательства представить себе графически, в виде расположенных в двух плоскостях и последовательно размещенных рядов правовых норм (законодательство общесоюзное/законодательство республиканское), где каждый ряд соответствовал бы отрасли законодательства, а нормы соединить между собой линиями, отражающими все виды их функциональных связей, то эти линии образовали бы сложнейшую сеть переплетений» (С. 31).

³ Указывая на то, что структурными элементами правовой системы являются нормы, институты, отрасли, А.И. Королев пишет: «В федеративных государствах правовая система имеет еще более сложную структуру, ибо в качестве ее элементов, помимо перечисленных выше, выступают, например, и определенным образом обособленные правовые системы суверенных субъектов федерации» (*Королев А.И.* О понятиях сущности, содержания и формы государства и права // Правоведение. 1973. № 4. С. 15–16).

С другой стороны, будучи национальными подсистемами, каждая из указанных отраслей в рамках той или иной союзной республики представляет собой *отрасль единого советского социалистического права*. Было бы неверным изображать отрасль советского права как механическую сумму национальных подсистем и норм общесоюзного законодательства. Соотношение здесь совсем иное, более сложное – диалектическое¹.

Для любой отрасли советского права характерно глубокое единство, выражающее начала пролетарского интернационализма, общие интересы и волю многонационального советского народа, общность экономического и государственного строя нашей страны, ее политической организации, руководимой Коммунистической партией Советского Союза. Это глубокое единство заключается в том, что, в о - п е р ы х, нормы общесоюзного законодательства (Основ) имеют значение первичной базы для всех иных нормативных положений, в том числе принимаемых в порядке республиканского законодательства, в о - в т о р ы х, и республиканские нормы, базирующиеся на единых Основах, в большинстве своем совпадают (хотя и содержат в ряде случаев специфические решения, особые детализирующие и варианты нормы).

Следовательно, в каждой союзной республике функционирует единое советское административное право, единое советское гражданское право, единое советское трудовое право и т.д. Вместе с тем в каждой республике *та же самая отрасль права выступает в виде национальной суверенной подсистемы*. Отсюда в практической деятельности, в частности при решении юридических дел компетентными органами, непосредственной основой юридических действий являются нормы, содержащиеся в республиканском законодательстве.

Такой (диалектический) характер структуры советского права отражается на системе законодательства. Союзное и республиканское законодательство следует рассматривать в качестве не изолированных (только взаимодействующих), а глубоко взаимопроникающих сфер. Основы и соответствующий республиканский кодекс представляют собой нерасторжимую «пару» кодифицированных актов: они существуют и функционируют в единстве, в виде единой системы.

¹ Как правильно подметил А.А. Ушаков, «общесоюзное и республиканское право – не какое-то механическое объединение, а двуединая согласованная система, в которой главенство принадлежит общесоюзному праву» (Ушаков А.А. О функциональной и федеративной структуре системы советского общенародного права // Ученые записки Пермского государственного университета. № 284. Пермь, 1973. С. 8).

4. Специфической, «наслаивающейся» структурой в правовой системе социалистического общества являются *вторичные, комплексные образования*.

В советской юридической литературе давно уже подмечен факт существования в системе советского права своеобразных комплексных подразделений. Таковы, например, морское право, исправительно-трудовое право, жилищное право, строительное право и т.д. Аналогичные образования могут быть найдены и на уровне правовых институтов (например, право государственной собственности, институт хозяйственного договора). Что это за образования?

Предпринятые в юридической литературе попытки охарактеризовать их в качестве основных отраслей и институтов, т.е. подразделений главной структуры, ни к чему не привели. Да и не могли привести. Нормативные положения комплексных образований имеют юридически разнородный характер, общие нормы и положения этих образований довольно скудны. Их содержание в значительной степени покрывается подразделениями главной структуры — основными отраслями и институтами.

В последнее время получил распространение взгляд, согласно которому указанные образования представляют собой подразделения не в самом праве, а в системе законодательства¹.

Действительно, морское право, жилищное право, хозяйственный договор и т.д. объективируются в системе нормативных юридических актов. Но только ли? Не означает ли факт обособления соответствующих сфер законодательства, что имеются определенные особенности и в содержании правового регулирования?

Здесь достойно пристального внимания то обстоятельство, что комплексные образования обособляются не в любых нормативных юридических актах, а главным образом в актах кодифицированных. Эти акты, как правильно пишет В.Ф. Яковлев, «не представляют собой лишь механического соединения норм», они «служат той внешней формой, в которой происходит согласование норм разных отраслей права, образуются межотраслевые объединения правовых норм»².

Иными словами, комплексные образования реально обособляются не столько потому, что существуют самостоятельные нормативные юридические акты, сколько потому, что при помощи этих актов произошло известное согласование норм, выработаны некоторые общие положения

¹ См., в частности: *Васильев Ю.С., Евтеев М.П.* Кодификация и систематизация законодательства // Советское государство и право. 1971. № 9. С. 11–19.

² *Яковлев В.Ф.* Гражданско-правовой метод регулирования общественных отношений. С. 207.

и приемы регулирования, нормативный материал объединен нормативными обобщениями. Комплексные образования представляют собой довольно прочные правовые общности, состоящие из специальных норм.

Все сказанное свидетельствует о том, что перед нами своеобразное явление – *удвоение структуры права*. Комплексные образования есть *вторичная структура*, которая наслаивается над главной.

Возможность построения системы права в нескольких плоскостях отмечена в юридической литературе уже давно¹. Однако достаточно развернутого обоснования удвоению структуры права до настоящего времени не было дано. Это и обусловило настороженное отношение к выдвинутой идее со стороны многих авторов, опасаящихся, что ее признание подорвет положение об объективном характере системы права².

Между тем если исходить из того, что комплексные образования являются вторичными, наслаивающимися над главной структурой, выражающей строение права, то положение об удвоении структуры ничуть не противоречит его объективному характеру.

Нужно при этом иметь в виду, что правовые общности *могут внешне объективироваться по нескольким показателям*. Объективируясь в главной структуре по основным чертам (в частности, по основным регулятивным свойствам), данные нормативные предписания одновременно по некоторым другим показателям раскрывают свои особенности в иной, вторичной правовой общности.

Необходимость такого рода «двойного проявления» обусловлена богатством и многогранностью правового регулирования ряда общественных отношений, невозможностью вместить все особенности регулирования в рамках одной, хотя бы и главной, структуры. Именно этим и объясняется иерархия структур. Благодаря вторичным структурам в праве, как и в иных целостных системных образованиях, «любой элемент (в данном случае он совпадает с частью целого)... получает возможность реализовать свои новые стороны и свойства не только через механизм той структуры (понимаемой как закон), в которой он является элементом, но одновременно и через механизмы всех других структур иерархии»³.

¹ Мысль о том, что система права строится в нескольких плоскостях, была высказана В.К. Райхером (см.: *Райхер В.К.* Общественно-исторические типы страхования. Изд-во АН СССР, 1947. С. 190).

² К тому же надо видеть, что положение о многоплоскостном строении права с философских позиций может быть осмыслено только на основе положений об иерархии структур, разработанных в философии лишь в последнее время.

³ *Свидерский В.И., Зобов Р.А.* Новые философские аспекты элементарно-структурных отношений. С. 73.

Отсюда, в частности, следует, что во многих случаях отдельное нормативное предписание должно рассматриваться не только с точки зрения особенностей того или иного подразделения главной структуры. В полной мере богатство особенностей и свойств данного предписания нередко раскрывается и еще в одной плоскости — в плоскости вторичных комплексных образований, которым также присущи некоторые черты юридического своеобразия.

Возьмем, к примеру, норму, содержащуюся в ст. 267 Кодекса торгового мореплавания Союза ССР. (Вознаграждение за спасение включает оплату услуг спасателей, расходы, произведенные в целях спасания, а также плату за хранение спасенного имущества.) С точки зрения главной структуры это нормативное предписание относится к советскому гражданскому праву. Его содержание раскрывается в ряде гражданско-правовых норм общей части обязательственного права, в том числе в общих положениях, касающихся исполнения обязательств, возмещения убытков, расходов и др. (ст. 33 Основ гражданского законодательства Союза ССР и союзных республик и др.). В то же время оно подчиняется и общим положениям морского права как комплексной отрасли, в частности нормативным положениям гл. 1, а также ст. 260, определяющей принципы действия соответствующей группы норм, началом справедливости, предусмотренным в ст. 261, 266 КТМ, и т.д.

5. В принципе внутреннее строение правового материала исчерпывается главной и комплексными структурами, выражающими фактическое сочетание и взаимодействие реальных компонентов социалистической правовой системы. Вместе с тем в рамках основных подразделений советского права существует еще одна структура, которая характеризует не сам по себе состав реальных компонентов права, а прежде всего их *композицию*, их скелет, «законы связи», т.е. структуру в точном философском значении этого слова. Ее условно можно назвать *идеальной*.

Существование и функции идеальной структуры связаны со специализацией советского права (см. § 4 настоящей главы). В результате специализации происходит все большее дробление элементов правовой системы. Специализируясь на выполнении весьма узкой группы операций, правовые предписания, институты, да и отрасли права превращаются в «усеченные» положения и их комплексы.

Однако сколько бы ни дробились элементы правовой системы, она все время сохраняет качество цельного правового образования. Все элементы правового организма жестко сцеплены правовой структурой (понимаемой как закон связи элементов содержания). Сама при-

рода, логика права обуславливает наличие своего рода типовых схем, моделей, объединяющих правовой материал как бы изнутри.

Эту функцию и выполняет идеальная структура. Она не наслаивается на главную структуру и, следовательно, не может быть охарактеризована в качестве вторичного образования, а, напротив, представляет собой «идеальный скелет» правовой системы, выражающий природу, логику права как специфического общественного явления.

Идеальную структуру советского права образуют: логические нормы, правовые конструкции, главные подсистемы права.

Л о г и ч е с к а я н о р м а выражает способ (закон) связи правовой системы на уровне ее первичных элементов — правовых предписаний. Это такая связь между нормативными предписаниями, которая выявляет их правовые, государственно-властные свойства. В большинстве случаев логическая норма обнаруживается в нескольких статьях нормативного акта или даже в разных нормативных актах. Например, норма, регламентирующая правовое положение колхозника, выражена в п. 3–7 Примерного Устава колхоза, а также в статьях Гражданского кодекса, устанавливающих недопустимость ограничения правоспособности граждан, в положениях Конституции о правах личности и нормах Особенной части Уголовного кодекса, предусматривающих ответственность за нарушение прав личности. Усиливающийся процесс специализации права приводит к тому, что элементы логических норм все более рассредоточиваются в нормативных актах.

Ю р и д и ч е с к а я к о н с т р у к ц и я, выражая композицию, закон связи правового материала обычно на уровне правовых институтов, представляет собой модели комплексов норм, соответствующих типу или виду правоотношений, юридических фактов и связи их между собой. В каждой отрасли социалистического права существуют устоявшиеся конструкции, отработанные в нормативных актах и юридической наукой. Таковы типические схемы составов преступлений в уголовном праве, в том числе разнообразные общие и специальные составы. Тщательностью отработки юридических конструкций отличается гражданское право (разнообразные конструкции договоров, например: иррегулярная поклажа и иррегулярный заем; «ответственность без вины» и т.д.).

Юридические конструкции как модели связей в правовой системе существенно важны и в процессе познания права, и при толковании юридических норм¹. Но главное, что выражает природу этих конструк-

¹ См.: *Черданцев А.Ф.* Юридические конструкции, их роль в науке и практике // Правоведение. 1972. № 3. С. 12–19.

ций, — их значение как закона связи правовых предписаний. Отсюда и проистекает роль юридических конструкций в организации правового материала. «Юридические конструкции, — пишет А.Ф. Черданцев, — придают нормам права логическую стройность, обуславливают последовательность их изложения, определяют связь между нормами, способствуют полному, беспробельному, четкому урегулированию тех или иных общественных отношений (или их элементов)»¹.

Г л а в н ы е п о д с и с т е м ы п р а в а характеризуют композицию, закон связи правового материала на уровне отраслей права, а отсюда и права в целом. Если право образует целостную систему, то главными ее подсистемами являются регулятивная и охранительная.

На существование в праве двух основных подсистем указал А.А. Ушаков. По его мнению, «изучение правовых норм, составляющих систему советского права, позволяет в зависимости от их функций и структуры, от диалектики правового отражения разбить на две подсистемы. С одной стороны, речь идет о положительных или регулятивных нормах, а с другой — об отрицательных или охранительных нормах»². Правда, автор попытался охарактеризовать эти подсистемы в качестве исходных подразделений главной структуры, причем, как он пишет, «подсистемы регулятивного и охранительного права в свою очередь разбиваются на единицы, которые могут быть названы отраслями, а последние на подотрасли, институты»³. А.А. Ушаков здесь явно не учел того, что регулятивные и охранительные предписания не только в рамках логических норм, но и в отраслях права образуют нерасторжимое единство и поэтому реально «регулятивного права» и «охранительного права» в чистом виде не существует. Однако если несколько изменить угол зрения и рассматривать регулятивную и охранительную подсистемы в качестве идеальной структуры, то указанное деление окажется весьма существенным для понимания сложного строения советского права, закономерных связей образующих его элементов.

Регулятивная и охранительная подсистемы, соответствуя в общем основным функциям советского права (регулятивной и охранительной), выражают своеобразие права как нормативно-властного инструмента социального управления.

¹ Черданцев А.Ф. Юридические конструкции, их роль в науке и практике // Правоведение. 1972. № 3. С. 15.

² Ушаков А.А. Содержание и форма в праве и советское правотворчество: Автореф. дис. ... докт. юрид. наук. Свердловск, 1970. С. 24.

³ Там же. С. 25.

Элементы идеальной структуры советского права (логические нормы, юридические конструкции, главные подсистемы) не образуют единого взаимосвязанного построения. Они выражают логику, «идеальные схемы» основных подразделений, живут внутри них, проявляясь в специфике композиции нормативных предписаний, правовых институтов, отраслей права.

3. Основные черты и особенности структуры советского права

1. Структуре советского права присущи основные черты и особенности, которые свойственны структуре любого системного объекта, близкого по своей природе к классу органичных систем (разумеется, в том специфическом ракурсе, в котором структура права рассматривается в юридической науке). В то же время перед нами структура своеобразного социально-политического общественного явления, принадлежащего к сфере надстройки, неотделимого в своем существовании и развитии от социалистического государства, его правотворческой и правообеспечительной деятельности. А это, естественно, накладывает свою печать на многие черты и особенности структуры советского права.

2. Структура советского права — *многоуровневая* структура¹.

Различают четыре основных ее уровня:

структура отдельного нормативного предписания;

структура правового института;

структура отрасли права;

структура права в целом, т.е. система права (в специальном значении этого термина)².

Право — это функциональная система; отдельные его подразделения обособляются в связи с теми функциями, которые они осуществляют в процессе регулятивного воздействия на общественные отношения. *Особые функции присущи подразделениям советского права и на каждом из указанных уровней.* Если функции нормативных предписаний состоят в обес-

¹ М.И. Сетров отмечает, что установление «в системе устойчивых взаимосвязей элементов отдельных уровней (как в «горизонтальных», так и в «вертикальных» плоскостях), т.е. установление «закона связи» элементов, есть обнаружение структурности системы (Проблемы методологии системного исследования. С. 51).

² Многоуровневый характер структуры права обосновывается и болгарскими учеными-правоведами (В. Захариевым, Я. Яневым). Однако они решают вопрос об уровнях структуры права в ином ключе: с их точки зрения, существуют три (заметим сразу — разноплоскостных) уровня: система права, система источников права (законодательства), структура нормы (см.: *Захариев В.* Структура на социалистическата държава и право. С. 57). Об уровнях структуры права см. также: *Rot H.* Jedność i podziały systemu prawa socjalistycznego. S. 119–120.

печении конкретизированного и детализированного закрепления общих масштабов (эталонов) поведения участников общественных отношений, их прав и обязанностей, мер, гарантирующих обязанности, и т.д., то на последующих, более высоких уровнях правовой системы осуществляются функции, обеспечивающие юридическое согласование правового воздействия, цельное, единое регулирование общественных отношений.

Каждый уровень структуры в соответствии с особенностями осуществляемых функций имеет свою композицию, свой закон связи образующих данное подразделение элементов. Отдельному нормативному правовому предписанию свойственно сочетание таких элементарных частиц, как гипотеза и диспозиция, гипотеза и санкция. На следующем уровне соединяются в единые комплексы регулятивные, охранительные, дефинитивные и некоторые другие предписания. Для самого высокого уровня — системы права (в традиционном понимании этого термина) — характерно сложное сочетание отраслей и составляющих их институтов.

В силу цельности системы советского права все указанные уровни спаяны органическим единством. В чем оно состоит?

Одно из главных проявлений единства всех уровней структуры права заключается в том, что свойства первичных элементов — нормативных предписаний — выражаются и через последующие уровни структуры права. Например, свойства гражданско-процессуального нормативного предписания, регламентирующего принятие судьей дел к производству, проявляются и в общих постановлениях соответствующего института, и в нормах общей части гражданско-процессуального права о подведомственности, подсудности и пр. Сам факт вхождения нормативного предписания в определенный правовой институт, а института — в отрасль права сообщает указанным подразделениям такие особенности, которые свидетельствуют о глубоком взаимопроникновении правовых структур различных уровней.

Именно потому, что структура права едина, изменения структуры на одном уровне нередко сопряжены с изменениями в структуре на других уровнях. Чем сложнее становится структура на более высоких уровнях (институтов, отраслей и др.), тем больше упрощается структура первичного звена правовой системы — правовых нормативных предписаний. И это понятно. Развитая правовая система функционирует как регулятор общественных отношений в своей целостности, в единстве, в сочетании правовых норм, институтов, отраслей. Отдельные же нормативные предписания выступают в «усеченном» виде, в качестве специализированных нормативных положений, посвященных отдельным операциям в процессе правового регулирования.

Органическое единство всех уровней структуры советского права основано на экономическом, классово-волевом, политическом единстве советского права. Оно выражает ту внутреннюю юридическую согласованность юридической формы, о которой писал Ф. Энгельс. Правовая система — это не только расчлененное, дифференцированное социальное образование, но и такое образование, все элементы которого интегрированы.

На значение процессов интеграции в правовой системе необходимо обратить особое внимание¹. Дифференциация, дробная подразделенность правовой системы неотделимы от соединения, интеграции структурных подразделений². Лишь под узким углом зрения, когда структура каждого звена определяется «внутри», перед нами оказываются все более дробные, дифференцированные подразделения — отрасли, потом институты, затем нормы. Если же изменить угол зрения и посмотреть на правовую систему, так сказать, «снизу вверх», то выясняется, что каждое последующее звено является *результатом интеграции элементов предшествующих звеньев*: правовые институты складываются в результате интегрирования нормативных предписаний, отрасли — в результате интегрирования институтов. При этом внутренняя юридическая согласованность права выражается как раз в интегрированности дробных, дифференцированных звеньев правовой системы.

3. Одна из важных особенностей структуры советского права состоит в том, что все образующие ее элементы (за исключением нормативного предписания — первичной клеточки правовой системы) охватываются понятием «*правовая общность*». Правовые общности и выражают начала внутреннего согласования в праве, присущие ему процессы интеграции нормативного материала.

Понятие «правовая общность» имеет широкий смысл. Под правовой общностью понимаются все объединения, все комплексы норм, пусть и не отличающиеся полным набором структурных признаков и показателей юридического своеобразия. Важно лишь, чтобы общность в той или иной мере обособлялась в самом содержании права, имела некоторые, хотя бы и неполные, черты юридического своеобразия.

¹ Об учете в научных представлениях о структуре права не только дифференциации, но и интеграции см.: Советское государство и право. 1967. № 9. С. 34; Керимов Д.А. Философские проблемы права. С. 270, и др.

² «Процессы дифференциации, — пишет М.П. Ринг, — существуют в диалектической взаимозависимости и взаимосвязи с процессами интеграции: дифференциация не протекает без интеграции, а интеграция осуществляется в ходе дифференциации» (Ринг М.П. Правовое регулирование научно-технического прогресса // Советское государство и право. 1972. № 2. С. 115).

разия. Рассматриваемое понятие, следовательно, охватывает и комплексные правовые образования — отрасли, институты.

Будучи максимально широким, понятие правовой общности вместе с тем не лишено определенности по содержанию. К общностям нельзя отнести то, что можно назвать только сферами правового регулирования: такие участки права, которые отличаются единством одного лишь фактического содержания.

В юридической литературе, например, была высказана идея о том, что в результате процессов интеграции в правовой системе возникают обширные «правовые комплексы». По мысли автора этой идеи М.П. Ринга, такого рода «комплексом» является система норм и институтов отраслей, каждая из которых в той или иной мере воздействует на научно-технический прогресс¹.

Действительно, как будет показано ниже, в ряде областей общественных отношений складываются интегрированные комплексные отрасли — правовые общности, отличающиеся известным юридическим единством. Но сконструированный М.П. Рингом «правовой комплекс», по его словам, не является комплексной отраслью². И хотя автор утверждает, что здесь есть «новое качество», однако сам по себе факт воздействия определенных норм и институтов на научно-технический прогресс еще не означает, что это новое качество выражается в какой-либо юридической специфике. Следовательно, на данном уровне знаний, видимо, допустимо говорить только о том, что в области научно-технического прогресса накапливаются материальные, фактические предпосылки, которые при дальнейшем развитии законодательства могут привести к формированию интегрированной правовой общности. Понятие же «правовой комплекс» в этом случае представляет собой категорию, отражающую зачаточные формы правовой общности.

Реальным показателем существования правовой общности являются нормативные обобщения.

Каждое нормативное предписание, в особенности сформулированное при помощи абстрактного способа изложения, содержит определенный обобщающий момент. Для правовой же общности характерно известное единство нормативных обобщений. Оно может быть двух видов. В о - п е р ы х, в ряде случаев правовая общность включает общие нормы — нормы-принципы, нормы-задачи, дефинитивные положения и др. В о - в т о р ы х, — и это характерно для всех случа-

¹ См.: Советское государство и право. 1972. № 2. С. 115–116.

² См. там же. С. 116.

ев — нормативные обобщения как бы «растворены» в общности, выражены в виде единой терминологии, некоторых общих понятий, начал, общих приемов регулирования и др. Без такого рода нормативных обобщений правовой общности нет.

Следовательно, хотя каждая правовая общность так или иначе связана с особенностями регулятивного воздействия на данные отношения, ее реальное существование как общности выражено в известном единстве интеллектуально-волевого, юридического содержания — в тех объединяющих нормативный материал обобщениях, которые и характеризуют внутреннюю юридическую согласованность права.

4. Между структурными подразделениями советского права (нормами, их элементами, правовыми институтами, отраслями права) существуют разнообразные и разпопоскостные связи.

Самым общим образом эти связи могут быть подразделены па генетические и функциональные. Вместе с тем особо должны быть выделены связи строения.

Г е н е т и ч е с к и е — это связи, выражающие развитие правовой системы, формирование ее подразделений. Главные и решающие генетические связи лежат за пределами права как такового: они характеризуют его зависимость от экономического базиса, классової структуры общества, политической организации, т.е. всей совокупности внешних системообразующих факторов. Есть генетические связи и в самой правовой системе. Сюда относятся зависимости, существующие между коренными, профилирующими и молодыми отраслями права. В процессе развития и совершенствования права законодатель исходит из наличного, действующего нормативного материала. И в той мере, в какой новые нормативные постановления опираются на всю систему права, учитывают в своем содержании действующие юридические нормы, можно говорить о наличии в правовой системе генетических связей.

Основное значение в структуре права имеют функциональные связи. По сути дела и генетические зависимости в материи права реально проявляются лишь постольку, поскольку они воплощаются во взаимообусловленности правовых предписаний в функциональном отношении.

Ф у н к ц и о н а л ь н ы е — это связи, выражающие взаимообусловленность и взаимную зависимость юридических норм, правовых институтов, отраслей права в процессе их функционирования¹.

¹ «Функциональные связи правовых норм представляют собой такую зависимость между нормами, при которой действие одной нормы (группы норм) побуждает к действию другую норму (группу норм) либо, напротив, возникает в зависимости от дейст-

Как и в любой органичной системе, функциональные связи в структуре права прежде всего могут быть подразделены на отношения субординации и координации¹.

Связи субординации характеризуют сложное иерархическое строение права, в частности обусловленность юридических норм «по вертикали» (подчиненность норм республиканского законодательства нормам общесоюзного, норм подзаконных актов нормам законов и т.д.²), а также зависимость специальных норм от общих, доминирующее положение в правовой системе норм конституционных и т.д.

Связи координации выражают другую сторону единства права как целостной системы; они реально проявляются тогда, когда юридические нормы действуют в сочетании. Это, например, единство в процессе функционирования регулятивных и охранительных норм, норм общих и специализированных, норм материальных и процессуальных³.

Существенны для понимания функциональных связей объективный процесс специализации советского права, углубляющееся «разделение труда» между нормами. Именно потому, что отдельные нормативные предписания все более специализируются на осуществлении строго ограниченных операций в ходе правового регулирования, возникает неустраняемая необходимость «объединенных действий» регулятивных, охранительных, специализированных норм.

Категории «субординация» и «координация» позволяют достаточно полно осветить зависимости между нормами, возникающие в результате специализации права. Вместе с тем надо видеть, что отношения субординации и координации не могут в достаточной мере выразить все то богатство связей, которое характерно для сложного правового организма.

Ведь право представляет собой структурно сложную, многоуровневую систему, и поэтому существующие в ней функциональные связи могут получить полную и точную обрисовку постольку, поскольку они рассматриваются сквозь призму структуры права, особенностей его строения.

вия другой нормы (группы норм)» (*Кирич В.А.* Функциональные связи правовых норм // Советское государство и право. 1972. № 5. С. 35).

¹ См.: *Афанасьев В.Г.* Научное управление обществом. М.: Политиздат, 1968. С. 11–12.

² О различных видах соподчиненности гражданско-правовых актов и содержащихся в них юридических норм см.: *Поленина С.В.* Взаимосвязи нормативных актов в системе советского гражданского законодательства // Советское государство и право. 1972. № 8. С. 63–70.

³ О связях структурных, генетических, субординации, координации и управления см.: *Черданцев А.Ф.* Основные проблемы теории толкования советского права: Автореф. дис. ... докт. юрид. наук. Свердловск, 1972. С. 14–15.

Не касаясь здесь всего многообразия функциональных связей (они будут рассмотрены в последующих главах), необходимо остановиться на наиболее важных, принципиальных положениях.

Прежде всего некоторые группы функциональных зависимостей только внешне выражают связи более глубокого порядка, которые могут быть названы внутрисистемными, или связями строения¹. Они в сущности являются теми закономерными связями, которые и выражают структуру права. Таковы, например, связи между элементами юридической нормы, между нормами внутри правовых институтов и др. Перед нами не просто функциональные зависимости, а жесткие сцепления элементов правовой материи, в результате которых образуются внешне объективированные подразделения правовой системы: нормы, правовые институты, отрасли права.

Функциональные зависимости между нормами *опосредствованы: они проявляются через соответствующие структурные подразделения*². Когда, например, имеет место факт причинения вреда здоровью рабочего или служащего на производстве, то в функциональную связь вступают не непосредственно различные нормативные предписания как таковые, а нормативные предписания строго определенных институтов трудового права, права социального обеспечения, гражданского права. Иными словами, в данном случае взаимодействуют институты ряда отраслей, и это значит, что в «боевую готовность» приведены все нормы указанных институтов (хотя бы сейчас в прямой контакт вступали лишь отдельные нормы).

Вот почему в юридической практике при правовой квалификации того или иного дела первоочередная задача состоит не в решении вопроса об относимости отдельного нормативного предписания к данному конкретному случаю, а прежде всего в определении отрасли права, общей конструкции, правового института³. Каков институт (конструкция), такова и цепочка норм, вступающая в действие по отношению к данному случаю. В частности, одно из определений Верховного Суда РСФСР опубликовано под заголовком: «Организация, по вине работников которой утрачена вещь, не принятая ею на хранение, несет ответственность по правилам ст. 445, а не 422 ГК РСФСР»⁴. Обратим

¹ О видах связей в системах см.: *Блауберг И.В., Садовский В.Н., Юдин Э.Г.* Системные исследования и общая теория систем // Системные исследования: Ежегодник, 1969. Указывая на ряд видов связей в системах (взаимодействия, генетические, функционирования и др.), авторы особо выделяют структурные связи — связи строения.

² См.: *Добрਿਆнов В.С.* Методологические проблемы теоретического и исторического познания. С. 19.

³ См.: *Кудрявцев В.Н.* Общая теория квалификации преступлений. С. 199—202.

⁴ Бюллетень Верховного Суда РСФСР. 1970. № 10. С. 2.

внимание на слова «по правилам». Дело не в отдельном предписании, а в *комплексе* норм. Например, если перед нами не договор хранения (как в упомянутом деле), а обязательство из причинения вреда, то вступает в действие весь институт внедоговорной ответственности, все его нормы, в том числе нормы, предусматривающие учет степени вины потерпевшего (что оказалось весьма важным по упомянутому делу), и др.

От особенностей структурных подразделений права зависят характер, качество функциональных связей. Так, наибольшей «энергией» обладает зависимость отраслевых юридических норм от конституционных положений государственного права. Весьма жесткой является зависимость специальных норм комплексных структур от норм основных отраслей и т.д.

5. Структура советского права выражает его *статические и динамические свойства*.

Структура всякого системного объекта отличается устойчивостью, инвариантностью. Ведь сама структура — это инвариантный аспект данного явления, т.е. такой «*вид композиции или вид упорядоченности элементов, который устойчив (инвариантен) относительно вполне определенных его изменений, преобразований*»¹.

Устойчивость структуры советского права подкрепляется еще и тем, что праву свойственны начала стабильности, связанные с нормативностью и формальной определенностью правовой формы общественного регулирования. Право есть такая нормативная, формализованная система общественного регулирования, которая призвана обеспечить стабильное регулирование «вперед» — регулирование на твердых, постоянных основах.

Вместе с тем право — динамическая система. В результате правотворческой деятельности компетентных органов происходит процесс введения в правовую систему новых норм, изменения и отмены старых.

Однако эти изменения в правовом материале во многих случаях не преобразуют структуру советского права. Обычно правовым новеллам придается такой облик, что они сразу же вписываются в сложившиеся структурные подразделения. Да к тому же особенность права как динамической системы состоит в том, что оно способно, не изменяясь по содержанию, в определенной мере приспосабливаться к изменяющимся общественным отношениям (при помощи институтов аналогии, субсидиарного применения, юридической практики).

¹ Тухтин В.С. Отражение, система, кибернетика. С. 21.

И все же динамизм советского права заключается также в том, что на основе развивающихся социалистических общественных отношений в результате правотворчества осуществляется время от времени известная перестройка его структуры. Ведь устойчивость структуры сохраняется лишь применительно к *определенным* изменениям в системном объекте¹. Как будет показано в последующем, на каждом уровне структуры права есть «мера», за гранью которой происходит качественный скачок – известное преобразование структуры. Таким образом, если право в целом развивается прерывисто, скачкообразно, то подобного рода прерывистость в еще большей степени касается структуры права, в особенности наиболее крупных его подразделений – отраслей права.

При освещении структуры советского права учет ее статических и динамических свойств представляется теоретически важным во многих отношениях. Он позволяет, например, при рассмотрении отраслей права наряду с профилирующими отраслями (государственным, административным, гражданским, уголовным), образующими основу, костяк правовой системы, выделять «молодые» отрасли – трудовое, колхозное, семейное, финансовое, земельное, исправительно-трудовое и др. Отсюда – более углубленная характеристика строения права, взаимосвязи и взаимопроникновения отраслей, особенностей присущих им методов, принципов и т.д.

Но, пожалуй, еще важнее указать на то, что в структуре права могут быть найдены образования, находящиеся пока в стадии формирования. В ряде случаев перед нами такие правовые комплексы, которые не приобрели всех свойств самостоятельного подразделения структуры права (комплексные образования) или даже черт правовой общности, например ассоциации нормативных предписаний, объединения правовых институтов. В них лишь намечается формирование самостоятельных звеньев правовой системы. В последующем изложении на такого рода ассоциации и объединения будет обращено специальное внимание: именно в них наиболее зримо проявляются процессы развития правовой системы, когда накопление количественных изменений при известных условиях дает качественный скачок – переход к новому уровню структуры советского права.

¹ По обоснованному мнению И.В. Блауберга и Э.Г. Юдина, «реальное структурное исследование имеет смысл постольку, поскольку в нем устойчивое раскрывается через изменяемое и, таким образом, в основу анализа кладется определенный тип изменений» (*Блауберг И.В., Юдин Э.Г.* Становление и сущность системного подхода. С. 133).

4. Системообразующие факторы. Специализация права

1. Системообразующими факторами могут быть названы все, те силы, причины, обстоятельства, которые обуславливают структуру советского права, приводят к формированию и развитию ее подразделений. Характеристика этих обстоятельств с последовательно марксистских, диалектико-материалистических позиций позволяет придать рассматриваемой проблеме необходимую методологическую четкость, осветить важные общие черты структуры советского права¹.

Какие же факторы определяют структуру советского права?

Выше уже отмечалось, что право является такой социально-политической системой регулирования, которая входит в состав систем более высокого порядка — общества, надстройки и др. Поэтому главные факторы, обуславливающие право, его особенности, неизбежно должны относиться к числу внешних, существующих вне права.

Именно так рассматриваемый вопрос и решает марксистско-ленинская правовая доктрина. Она исходит из того, что право не может быть понято «из самого себя» и что в соответствии с этим источник существования права и его особенностей следует искать в неправовых явлениях, прежде всего в экономическом базисе классового общества.

Экономический базис — это глубинное, исходное основание структуры советского права. Указание на экономический базис позволяет наметить надежные ориентиры для выяснения комплекса системообразующих факторов в праве. При таком подходе в круг анализа вовлекаются все силы, причины, обстоятельства, влияющие на структуру права. Становится возможным выявить механизм их взаимной обусловленности, для которого определяющим является воздействие на право экономического базиса.

Вместе с тем и в самой структуре советского права ощущается «дыхание» экономического базиса социалистического общества, проявляются его важные особенности. Об этом свидетельствует, например, обособление в системе советского права таких отраслей, как трудовое, колхозное. С особенностями экономического базиса социалистического общества сопряжено формирование ряда комплексных образований — права государственной собственности, хозяйственного права, хозяйственного договора и др. Можно сказать, что экономический

¹ В философской литературе отмечается, что «весь пафос системных исследований направлен на поиски системообразующих факторов» (Блауберг И.В., Садовский В.Н., Юдин Э.Г. Системный подход в современной науке // Проблемы методологии системного исследования. С. 45).

базис социалистического общества определяет общие контуры структуры советского права, такие его существенные компоненты, которые придают качественно новый, социалистический характер и этой стороне правового регулирования при социализме.

Именно единые качественные особенности экономического базиса социалистических государств предопределяют и единство структуры их правовых систем – советского права, права НРБ, права ПНР, права ЧССР и др. Несмотря на отдельные специфические черты¹, структура права всех социалистических стран отличается единством основных подразделений, общими закономерностями их функционирования и развития².

2. Требования экономического базиса обуславливают особенности права, в частности его структуру, по большей части опосредствованно, через промежуточные звенья, нередко через цепь промежуточных звеньев. Эти промежуточные звенья не только являются «передаточными инстанциями», которые посылают праву и преломляют в нем импульсы, идущие от экономики, но и оказывают свое, специфическое воздействие на право.

В цепи опосредствующих звеньев, характеризующих сложную систему сил, которые определяют развитие права, его особенности, марксистско-ленинская общественная наука вслед за экономическим базисом выделяет государство, государственную власть.

Компетентные правотворческие органы социалистического государства издают юридические нормы, объединяют их в тех или иных источниках, определяют внутреннее строение нормативных актов, их субординацию и т.д., словом, «строят» систему законодательства, внешнюю структуру права. А через содержание законодательства, его внешнюю структуру правотворческие органы воздействуют на содержание правового регулирования.

В комплексе системообразующих факторов государственная власть выступает центральным звеном.

Такие, например, факторы общественного развития, как политическая организация общества, политический режим, система политико-национальных отношений, исторические традиции, накопившийся опыт законодательства, состояние научной разработки правовых проблем и др., приобретают «системообразующую силу» постольку, поскольку они преломляются в государственной воле, в деятельности компетентных пра-

¹ О некоторых особенностях в системе права отдельных социалистических стран см.: Марксистско-ленинская общая теория государства и права. Социалистическое право. М.: Юрид. лит., 1973. С. 304; Теория на социалистическато право. София, 1973. С. 138.

² См.: *Захариев В.* Структура на социалистическата държава и право. С. 159.

вотворческих органов. В государственной воле воплощается и действие субъективных факторов, в частности то усмотрение законодателя, те его субъективные правотворческие решения, которые относятся к искусству правотворчества, особенностям использования юридической техники, а подчас и к субъективным решениям как таковым.

3. На основании теоретических положений о роли экономического базиса социалистического общества и социалистического государства может быть правильно выявлено место и значение всей совокупности системообразующих факторов, определяющих структуру советского права.

Анализ показывает, что при решающем значении экономического базиса и активной правотворческой роли государства сами по себе они не могут дать исчерпывающего объяснения своеобразия подразделения юридических норм на отрасли, подотрасли, институты, субинституты, а также объяснить структуру отдельной юридической нормы. Для детального решения вопросов структуры советского права необходимо учитывать весь комплекс системообразующих факторов. Воздействующая сила этих факторов неодинакова (она во многом зависит от того, в какой мере в том или ином факторе выражаются требования экономического базиса). Вместе с тем все они должны быть учтены при детализированной характеристике содержания права, его структуры.

Большинство системообразующих факторов относится к числу внешних, находящихся вне права. Однако при рассмотрении структуры права нельзя упускать из поля зрения и внутренние факторы. Обособление ряда подразделений правовой системы (в особенности институтов, отдельных нормативных предписаний) связано, помимо иных оснований, также с «внутренними потребностями» самой системы. И хотя эти внутренние потребности по своему конечному источнику тоже зависят от причин внешнего порядка (а нередко в своем действии с ними перекрещиваются), они все же имеют непосредственно правовой характер. Даже такие системообразующие факторы, как основные функции права и индивидуальное регулирование общественных отношений, выражая существенные социально-политические особенности права, выступают для структуры права в виде правовых явлений. Что же касается, например, строения отдельных звеньев правовой системы, т.е. самих по себе структурных связей (связей между элементами нормы, между нормами, образующими институты, и др.), то они в значительной мере обусловлены специфическими функциями соответствующего уровня – необходимостью обеспечить конкретное и детализированное регламентирование поведения субъектов, цельное, комплексное воздействие и т.д.

Наличие комплекса системообразующих факторов свидетельствует о том, что на *структуру советского права могут одновременно воздействовать (и действительно воздействуют) несколько факторов.*

Однако как бы ни были разнообразны системообразующие факторы, определяющие своеобразие того или иного звена, среди них всегда есть главный, доминирующий.

Главный – это такой системообразующий фактор, который и является основанием реального выделения соответствующей структурной единицы (отрасли, института и т.д.). Он определяет лицо, общий фон, облик отрасли, института, правового предписания, т.е. контуры структуры, ее конструкцию.

Так, на существование и развитие гражданского права в условиях социалистического общества воздействуют многочисленные и разнообразные факторы, в том числе централизация народного хозяйства, планирование имущественных процессов, удовлетворение потребностей из общественных фондов и др. Но главный фактор, предопределяющий содержание и структуру гражданского права, – имущественные отношения, складывающиеся на основе товарного производства и обращения.

Выделение главного системообразующего фактора имеет решающее значение для понимания природы, содержания, юридической специфики данного структурного звена (а иногда и для решения вопроса о самом факте его существования).

Разграничением главного и дополнительных системообразующих факторов объясняется также наличие комплексных правовых общностей, в частности комплексных отраслей права.

Существование основных отраслей права связано с главными системообразующими факторами. Своеобразный, качественно особый вид общественных отношений, требующий правового регулирования при помощи специфического метода и механизма регулирования, – вот главный системообразующий фактор, который определяет формирование компактной общности юридических норм, по мере развития законодательства приобретающей свойства самостоятельного элемента в системе права. Таким главным системообразующим фактором, например для административного права, являются управленческие, властно-организационные отношения.

Наряду с главным на структуру права влияют и многие другие системообразующие факторы, прежде всего особенности данной сферы общественных отношений (своеобразие условий морских перевозок, характер распределения жилья в домах государственного фонда и т.д.). Но эти дополнительные факторы воздействуют на уже «построенную»

структуру в соответствии с действием главного фактора. Их влияние проявляется на основе главной структуры. Поэтому правовые общности, возникающие в ходе развития законодательства под воздействием дополнительных системообразующих факторов, имеют характер вторичных, наслаивающихся образований.

Главные системообразующие факторы могут быть подразделены на две основные группы: а) предмет правового регулирования, б) функции права, его отдельных подразделений.

4. *Предмет правового регулирования* является для права важнейшим системообразующим фактором, предопределяющим обособление отдельных правовых институтов, в особенности отраслей права.

Предмет правового регулирования как основание для подразделения юридических норм на структурные части имеет такое же значение, как объект и среда для любой управляющей системы. Структура права приспособлена к характеру и особенностям регулируемых отношений, в той или иной степени обусловлена ими¹.

Это не значит, конечно, что сама по себе дифференциация общественных отношений «дает» структуру права, его систему. Единство предмета – общее условие существования любого структурного подразделения права, определяющее единство, однородность его фактического содержания.

Реальная теоретическая ценность положения о предмете правового регулирования (при рассмотрении структуры права) состоит, надо полагать, в том, что предмет есть одна из главных сфер сосредоточения системообразующих факторов.

Ориентировка на предмет правового регулирования важна еще и потому, что через некоторые общественные отношения прямо проявляется действие экономического базиса и определяющее воздействие государства, а это значит, что здесь предмет правового регулирования приобретает значение решающего основания деления права на отдельные структурные подразделения (отрасли).

Вместе с тем понятие «предмет правового регулирования» охватывает системообразующие факторы в обобщенном, суммарном виде. При более детальном анализе структуры права оказывается необходимым

¹ Попытку охарактеризовать предмет правового регулирования в качестве «среды» предпринял В.Д. Сорокин в статье «О структуре предмета правового регулирования» (Правоведение. 1972. № 6. С. 74 и сл.). Наряду с конструктивными моментами в положениях, выдвинутых В.Д. Сорокиным, есть и слабые места. Автор, в частности, рассматривает предмет правового регулирования как «социально-правовую» среду, включает в него юридический статус субъектов (см. с. 77).

дифференцированно подходить к отдельным элементам предмета регулирования, различая, в частности, содержание и характер поведения, положение субъектов, объекты, условия возникновения и функционирования отношений и др.

Особо важно выделять в регулируемых правом общественных отношениях, с одной стороны, их глубинное социально-экономическое, политическое содержание (именно в нем выражается действие экономического базиса), а с другой стороны, особенности фактического содержания, характеризующие данные отношения как своеобразную область, сферу – хозяйственную, социально-культурную и т.д. В зависимости от того, выражает правовая специфика соответствующего подразделения правовой системы глубинное содержание общественных отношений или она связана только с особенностями их фактического содержания или особенностями данной сферы, определяется характер правового подразделения, его принадлежность к главной либо вторичной, комплексной структуре.

5. При рассмотрении системообразующих факторов в праве первостепенное значение принадлежит *функциям, которые выполняет то или иное подразделение правовой системы*. «Изменение функций, – пишут В.И. Свидерский и Р.А. Зобов, – обычно влечет за собой и изменение субстратной части структуры, т.е. структуры, понимаемой как строение»¹. Происходит это потому, что обособление правовых общностей так или иначе вызвано своеобразием функций, осуществляемых данным участком правовой системы. Вот почему «структурный подход к исследованию систем характеризуется, как правило, совместным рассмотрением их строения и функционирования»².

По сути дела само существование основных подразделений главной структуры советского права – нормативных предписаний, правовых институтов, отраслей права, системы права в целом – обусловлено специфическими функциями, выполняемыми правовой системой на каждом из указанных уровней. Право – это функциональная регулирующая система,

¹ Свидерский В.И., Зобов Р.А. Новые философские аспекты элементно-структурных отношений. С. 97. Авторы при этом продолжают: «А поскольку структура как строение тесно связана с внешней формой, то можно думать, что последняя локализуется и стабилизируется под воздействием функции».

² Сачков Ю.В. Вероятность и развитие системно-структурных исследований // Системные исследования: Ежегодник, 1969. С. 129. «В собственном смысле структурное исследование, – пишут И.В. Блауберг и Э.Г. Юдин, – так или иначе оказывается связанным с анализом функционирования объекта и, следовательно, выступает как структурно-функциональное» (Блауберг И.В., Юдин Э.Г. Становление и сущность системного подхода. С. 139).

и потому ее строение воплощает в себе особенности тех функций, которые осуществляются на отдельных участках правового регулирования.

Советское право воздействует на общественные отношения путем закрепления господствующих общественных отношений (регулятивная статическая функция), оформления их движения, развития (регулятивная динамическая функция), охраны господствующих отношений и вытеснения отношений, чуждых социалистическому обществу (охранительная функция).

Различиями между этими тремя функциями и определяются важные моменты структуры советского права. Регулятивные (статическая и динамическая) и охранительная функции осуществляются при помощи различных по своим свойствам норм, типов правоотношений. *Им соответствуют качественно разнородные пласты правовой материи, охватывающие все отрасли права.*

Существенно важно уже сейчас обратить внимание на то, что некоторые подразделения юридических норм (деление норм на регулятивные и охранительные, регулятивных — на обязывающие, управомочивающие и запрещающие, а также совпадающие подразделения правоотношений) — это не одна из возможных классификаций, а группировка норм и правоотношений, непосредственно отражающая функции права.

Функциональные различия между нормами права и правоотношениями в ряде пунктов оказываются настолько существенными, что нормы и правоотношения становятся подчас несопоставимыми, требующими особого подхода при определении их природы, особенностей, элементов.

Со спецификой функций связано обособление и правовых общностей, в частности отраслей права¹.

6. Структура советского права является непосредственным результатом и выражением свойственного развитию правовому регулированию процесса *специализации*.

Специализация — своеобразный (и требующий в науке особого внимания) закономерный процесс «собственно правового» развития, воплощающий действие всего комплекса системообразующих факторов. Суть этого процесса состоит в том, что в праве происходит и усиливается «разделение труда», в результате которого отдельные нормы и их

¹ См.: Яковлев В.Ф. Гражданско-правовой метод регулирования общественных отношений. С. 70 и сл. Необходимо заметить, что В.Ф. Яковлев (возможно, первый в советской юридической литературе) обратил внимание на то, что специфические функции, наряду с особым методом и принципами, являются типическими элементами, выражающими своеобразие отраслей права (см. с. 14, 16 и сл.).

комплексы все более дифференцируются на выполнении тех или иных операций, конкретизируется их содержание и одновременно осуществляется интеграция правового регулирования¹.

Основными, частично перекрещивающимися, формами специализации права являются:

дифференциация правового регулирования, т.е. его разветвление, расщепление, приобретение той или иной ветвью все более специфических, своеобразных черт;

конкретизация правового регулирования, т.е. его детализация, все более подробное регулирование отдельных элементов и сторон данных общественных отношений;

интеграция правового регулирования, т.е. обобщенная регламентация того единого, совпадающего, что свойственно группам общественных отношений, их принципов и т.д.

По своему источнику специализация права имеет глубокие социально-экономические, политические основания. Сложность и многослойность общественных отношений, нарастающее разнообразие общественных процессов, разнообразие задач, выполняемых правом, — все это предопределяет необходимость специализированного, дифференцированного, конкретизированного и интегрированного правового регулирования.

В процессе специализации права и воплощается действие разнообразных системообразующих факторов, в частности системообразующее действие предмета правового регулирования и функций права.

Это в особенности касается такой разновидности специализации права, как *дифференциация* правового регулирования. Дифференциация может быть: а) п р е д м е т н о й — выражающей особенности той или иной сферы общественных отношений, специфику их фактического содержания, б) ф у н к ц и о н а л ь н о й — непосредственно воплощающей в строении данных подразделений особенности функций правового регулирования.

Именно в специализации права выражено то, что условно можно назвать «внутренние потребности» правовой системы. Правовое ре-

¹ А.Ф. Черданцев справедливо считает, что система права относится к системам функциональным, складывается с самого начала из разнородных норм. Объединение норм в целое (систему права) придает новое качество как целому, так и его частям. Следовательно, анализируя отдельную норму права, нельзя видеть в ней право в миниатюре, упускать из виду, что это лишь часть целого (см.: *Черданцев А.Ф.* Специализация и структура норм права // Правоведение. 1970. № 1. С. 42). В другой работе автор обращает внимание на то, что между нормами права существует не только «отраслевое», но и «профессиональное» разделение труда, функциональная специализация (*Черданцев А.Ф.* Системность норм права // Сборник ученых трудов СЮИ. Вып. 12. С. 51).

гулирование отличается строгой определенностью, детализированностью содержания. При осуществлении нормативной регламентации общественных отношений для права нет несущественных деталей. По самой своей природе право как бы стремится к максимально конкретизированному, детализированному регулированию, в котором были бы заложены программы всех возможных вариантов поведения субъектов, учтены сложные фактические ситуации.

С этими внутренними потребностями правовой системы связана особая форма специализации — *конкретизация* нормативных предписаний, формирование конкретизирующих (детализирующих и вариантных) норм.

Важной, необходимой формой специализации советского права является *интеграция* правового регулирования. Развитие процесса интеграции норм права усиливается с ростом юридической культуры. Выделяются нормы, призванные только закреплять известные общественные отношения, их основы (в частности, конституционные нормы). Законодатель все более выводит за скобки общие, повторяющиеся моменты, касающиеся определенной группы норм (например, правосубъектности, условий совершения тех или иных правомерных действий и т.п.). В виде отдельных нормативных положений формулируют некоторые юридические понятия, принципы права¹.

Таким образом, специализация права, в особенности в форме интеграции правового регулирования, — это посредствующее звено в механизме воздействия на структуру советского права таких социальных явлений, как культура, наука, иные факторы духовной жизни социалистического общества.

¹ Процесс интеграции в правовой системе социалистического общества не только не противоречит, но диалектически взаимообусловлен с процессом дифференциации (конкретизации) правового регулирования.

С особых позиций подходит к рассматриваемому вопросу О.Н. Садиков. Он хотя и указывает на то, что термин «интеграция» обозначает понятие более широкое, чем термин «унификация», но отдает предпочтение термину «унификация» (см.: *Садиков О.Н.* Унификация как средство совершенствования гражданского законодательства // *Правоведение.* 1972. № 6. С. 92). Между тем унификация выражает лишь один из моментов процесса интеграции, состоящий в устранении *неоправданной* дифференциации, ненужного дробления правового регулирования. Нет оснований и для противопоставления понятий «унификация» и «дифференциация» правового регулирования, которое допускает О.Н. Садиков (см. там же. С. 91). Автор не видит различий между дифференциацией и интеграцией, свойственных содержанию правового регулирования, с одной стороны, между неоправданной дифференциацией и унификацией в законодательстве, свойственных внешней форме права, — с другой.

ГЛАВА ВТОРАЯ СТРУКТУРА СОВЕТСКОГО ПРАВА И СИСТЕМА СОВЕТСКОГО ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВА

1. Соотношение структуры права и системы законодательства

1. Структура советского права имеет объективный характер. Она не плод фантазии людей, не результат произвольного конструирования, а реально существующее подразделение права на определенные части, соотношение между ними. Ведь структура предметов, явлений в природе и обществе всегда объективна. Структура — «не порождение сознания человека, но отражение характера соотношения реальных элементов»¹.

Объективность структуры советского права проявляется прежде всего в том, что строение права, связь и соотношение между его подразделениями представляют собой результат объективно обусловленного, исторически необходимого процесса развития права, его отраслей, институтов, отдельных нормативных положений. В основе этого развития лежат экономический базис социалистического общества, объективные требования развивающихся экономических, политических, социально-культурных отношений.

В советской юридической литературе неоднократно указывалось на объективно обусловленный характер деления права на отрасли. «Система права складывается исторически объективно, представляет вполне реальное социальное образование и не может строиться по произволу законодателя»². Эта характеристика может быть в принципе распространена и на более дробные подразделения структуры права — на институты, нормативные предписания (хотя чем более дробными являются подразделения правовой системы, тем они в большей степени зависят от субъективных факторов, усмотрения законодателя).

В каждый данный момент структура права — реальный факт, факт наличной действительности. По отношению к людям, изучающим и применяющим право, она выступает в виде хотя и спе-

¹ *Свидерский В.И.* О диалектике элементов и структуры в объективном мире и в познании. Соцэкгиз, 1962. С. 18.

² Общая теория советского права. М.: Юрид. лит., 1966. С. 317.

цифической (относящейся к сфере надстройки, общественного сознания), но все-таки *социальной реальности*, «*наличной действительности*»¹. Изданные юридические нормы после вступления их в действие как бы отрываются и от самого законодателя; включившись в определенное подразделение правовой системы, они обретают свою жизнь, и законодатель может повлиять на их бытие и место в структуре права лишь одним путем — путем изменений в содержании законодательства.

Однако не означает ли признание объективного характера структуры права того, что ей придаются черты фатальности, вечности и неизменности, полной независимости от законодателя? К сожалению, именно так отдельные авторы пытались (и пытаются сейчас) интерпретировать положение об объективности системы права. С.М. Корнеев, например, пишет как раз со ссылкой на теоретические положения об объективности права: «Правовая система создается волей людей: неправильно изображать дело так, будто она существует независимо от нашего сознания, оставаясь до сего времени неразгаданной тайной»².

Между тем признание объективности структуры права вовсе не означает признания ее фатальности, независимости от воли законодателя (речь идет о зависимости структуры именно от воли законодателя, который выражает общественное сознание, а не о зависимости ее от «нашего сознания» вообще³). «Не следует, — пишет О.С. Иоффе, —

¹ Подавляющее большинство участников дискуссии о соотношении объективного и субъективного в праве (см. статьи в журнале «Правоведение» в 1970–1973 гг.) пришли к обоснованному выводу о том, что право имеет объективный характер и, следовательно, может быть обозначено словами «специфическая объективная реальность», «социальная реальность», «субъективная реальность» и т.д.

Особую позицию по данному вопросу продолжают занимать Г.Н. Полянская и Р.Д. Сапир. Они еще раз попытались таким образом интерпретировать высказывания критикуемых ими авторов, будто употребление слов «специфическая объективная реальность» означает приравнивание надстроечных явлений к явлениям экономического базиса. Г.Н. Полянская и Р.Д. Сапир вновь не учли разъяснений, сделанных по этому вопросу в литературе (см.: *Полянская Г.Н., Сапир Р.Д.* Еще раз о соотношении объективного и субъективного в праве // Правоведение. 1972. № 4. С. 97–98).

² *Корнеев С.М.* Вопросы построения системы советского права // Правоведение. 1963. № 1. С. 17.

³ Трактую право как явление «субъективной сферы», Г.Н. Полянская и Р.Д. Сапир утверждают, что оно «непосредственно зависит от субъекта» (Правоведение. 1972. № 4. С. 104). От какого субъекта? От законодателя? Да, непосредственно зависит. В этом отношении мнение Г.Н. Полянской и Р.Д. Сапир не расходится с общепринятым в марксистской науке воззрением. Но, говоря о непосредственной зависимости права от субъекта вообще, авторы в сущности закрывают путь к материалистическому истолкованию правовых явлений как фактов наличной действительности.

смешивать волевое происхождение того или иного явления и его объективные качества»¹.

Активная правотворческая деятельность законодателя, выражающаяся в содержании нормативных актов, их соотношении, — причем только эта деятельность и ничто иное — воплощает воздействие на структуру права субъективных системообразующих факторов и со временем приводит к целенаправленным преобразованиям в его ткани, структуре.

Каким же образом в ходе правотворчества возможно формирование и преобразование структурных подразделений права? Ключом к пониманию развития структуры права является диалектика ее соотношения (единство и различие) с системой законодательства.

2. Соотношение (единство и различие) структуры права и системы законодательства с общефилософских позиций может быть охарактеризовано как связь внутренней и внешней форм.

Действительно, структуру права можно рассматривать в качестве внутренней формы, а систему законодательства — внешней. И это, конечно, разные характеристики права как социального явления. Ведь структура (внутренняя форма) принадлежит к *содержанию* явлений. В литературе отмечается: «Содержание» как категория включает в себя «состав» элементов (т.е. их набор) и их «структуру». И далее: «Внутренняя форма» совпадает со «структурой», а «внешняя форма» («форма» как таковая) соотносится с ней опосредованно через «содержание»².

В то же время необходимо видеть глубокое единство внутренней и внешней форм. Строение явления, состав его элементов, присущий им закон связи нуждаются в выражении вовне, а внешнее выражение «состава» и «структуры» как раз и образует внешнюю форму. В особенности это касается строения как такового, для которого вообще характерна более или менее фиксированная внешняя форма³.

Применительно же к праву невозможность отрыва структуры и внешней формы имеет особые основания, состоящие в специфике права, его принадлежности к сфере надстроечных явлений, обще-

¹ Систематизация хозяйственного законодательства. М.: Юрид. лит., 1971. С. 49.

² *Азудов В.В.* Соотношение категорий «форма» и «структура» // *Философские науки*. 1970. № 1. С. 66, 70. Автор пишет: «Внешняя форма» образует диалектическую пару (соотносится с «содержанием»), а «внутренняя форма», т.е. «структура», диалектически соотносится с «составом» (С. 70).

³ См.: *Свидерский В.И., Зобов Р.А.* Новые философские аспекты элементарно-структурных отношений. С. 42.

ственного сознания. Нормативные акты и иные источники юридических норм представляют собой не просто нечто «внешнее», а необходимый момент в самом существовании права. В этом и заключается глубокий смысл ленинского положения о том, что слово «воля», если воля не выражена как закон, установленный властью, является пустым сотрясанием воздуха, пустым звуком¹.

А отсюда следует вывод: структура права не может быть с достаточной полнотой и точностью раскрыта, если не видеть ее органического единства с внешней формой права — с системой законодательства, внутренними подразделениями в нормативных актах. Законодательство, пишет А.Ф. Шебанов, — «это форма самого существования правовых норм, средство их организации, придания им определенности, объективности»².

Приведенные положения, опирающиеся на диалектику соотношения внутренней и внешней форм, подтверждаются и особенностями системы законодательства как своеобразной области правовой реальности.

Система законодательства представляет собой не «просто совокупность» нормативных актов: законов, актов правительства и др. В последние годы в советской юридической литературе убедительно показано, что это именно *система* актов, их расчлененность и дифференцированность, их иерархическое построение, связанное отношениями координации и субординации, соподчиненности. «Советские законы и подзаконные нормативно-правовые акты в их совокупности можно представить как гигантскую структурно-сложную, динамическую систему... состоящую из большого числа взаимосвязанных звеньев, которые сами представляют самостоятельные, причем тоже сложные, правовые системы»³.

Подразделения системы законодательства и связи между ними складываются исторически под влиянием ряда факторов, из которых решающее значение имеют предмет регулирования и стремление (интерес) законодателя обеспечить наиболее целесообразное, комплексное, практически удобное построение источников права.

¹ См.: Ленин В.И. Полн. собр. соч. Т. 32. С. 340.

² Шебанов А.Ф. Система законодательства как научная основа кодификации // Советское государство и право. 1971. № 12. С. 311.

³ Там же. С. 33. Автор указывает на то, что в советском законодательстве можно различать «вертикальную» структуру (акты общесоюзных органов, акты республиканских органов, акты местных органов) и «горизонтальную» структуру — систему отраслей законодательства. В «горизонтальной» структуре автор различает виды актов — законы, указы, ведомственные акты и т.д.

Система законодательства, хотя непосредственно и связана с действием субъективных факторов – прямым усмотрением законодателя, – представляет собой явление объективного порядка¹, своего рода «второе измерение права»², такую систему, в которой существует соединение «объективных моментов с субъективными»³.

Ведь система законодательства выражается в наличии определенных *отраслей и подотраслей*, т.е. реально обособившихся областей законодательства. А такое обособление *невозможно, невысказимо, если оно не отражает определенных особенностей в содержании правового регулирования*. «Обособить в законодательстве, – пишет А.В. Мицкевич, – можно только то, что обособляется в действительности»⁴. Признание данной совокупности нормативных актов отраслью законодательства возможно лишь постольку, поскольку совокупность актов не просто посвящена единому предмету (вопросу), а фиксирует некоторое единство в юридическом содержании регулирования, причем это единство цементируется известными нормативными обобщениями, выраженными, как правило, в кодифицированных актах. Кстати, такого рода единство в юридическом содержании регулирования и есть как раз то, что свидетельствует о наличии определенной правовой общности⁵.

Иначе говоря, строение законодательства потому и может быть охарактеризовано как *система* (и потому в нем может быть установлена *структура*), что оно является внешним выражением объективно существующей структуры права. Конечно, система законодательства лишь с внешней стороны очерчивает контуры подразделения права на отрасли и подотрасли; по внешним признакам нельзя, в частности, установить, что перед нами – основная или комплексная отрасль. Но в силу единства внутренней и внешней форм сам по себе факт наличия сложившейся области законодательства является надежным свидетельством существования определенных особенностей

¹ См.: Поленина С.В. Система советского гражданского законодательства // Советское государство и право. 1971. № 6. С. 33.

² См.: Советское государство и право. 1971. № 9. С. 16.

³ Систематизация хозяйственного законодательства. С. 52.

⁴ Мицкевич А.В. Соотношение системы советского права с системой советского законодательства // Ученые записки ВНИИСЗ. Вып. 11. М., 1967. С. 22.

⁵ Отсюда, помимо всего прочего, следует, что при подготовке кодифицированных актов должно быть установлено, в какой мере существующие объективные предпосылки, природа нормативного материала открывают возможности для формулирования нормативных обобщений, общих принципов и т.д. Если подобные возможности отсутствуют, то подготавливаемый акт является простой компиляцией – актом инкорпоративного типа, издание которого не влияет на формирование правовых общностей.

в содержании правового регулирования и, следовательно, особенностей в структуре права¹.

Изложенное в принципе относится и к более дробным подразделениям структуры права. Хотя распределение нормативного материала в кодифицированных нормативных актах по разделам, главам, статьям в ряде случаев определяется чисто классификационными, социально-политическими и некоторыми другими задачами, но и здесь в определенной степени проступает структура права, его реальное подразделение на институты, нормативные предписания и их объединения.

Для законодателя структура права выступает как своего рода объективная закономерность. Законодатель не волен (без ущерба для эффективности права) по своему свободному усмотрению «кроить и перекраивать» нормативные юридические акты, произвольно изменять их строение и иерархию.

Если согласно требованиям экономического базиса, исходя из всего комплекса задач общественного развития, существует объективная необходимость правового регулирования, выраженного в соответствующей структуре, то законодатель должен определять внешнюю структуру права таким образом, чтобы она в максимальной степени была приближена к внутренней структуре. Вот почему в тех решениях, которые принимает законодатель о системе законодательства, строении нормативных актов, выделении отдельных видов норм и т.д., неизбежно проявляется реальная, объективно обусловленная потребность существования самостоятельных отраслей права, подотраслей, институтов, юридических норм².

¹ И.Ф. Панкратов, возражая против теоретической конструкции «комплексная отрасль», интерпретирует ее таким образом, будто, с точки зрения сторонников этой конструкции, «отрасль законодательства обязательно ведет к формированию соответствующей отрасли права» (Советское государство и право. 1973. № 9. С. 52). Но дело вовсе не в том, что «ведет»; суть вопроса заключается в том, что формирование отрасли законодательства свидетельствует о наличии известных особенностей в содержании правового регулирования и, следовательно, в самой структуре права. Причем речь идет не о простой совокупности нормативных актов, посвященных одному предмету (например, научно-техническому прогрессу), а именно об отрасли законодательства, спаянной внутренним единством, прежде всего кодифицированными актами, нормативными обобщениями, что и дает основание говорить о существовании в данном случае известной правовой общности.

² Д.А. Керимов упрекает автора этих строк в том, что он доводит до степени «полного отождествления» объективную и субъективную стороны законодательства (см.: Керимов Д.А. Философские проблемы права. С. 254). Вряд ли этот упрек справедлив. Дело в том, что объективно существующая структура права лишь проявляется в системе законодательства, причем только в той мере, в какой она проявляется в законодательстве, строение его охватывается понятием «структура как закон связи элементов». Впрочем,

3. Важный момент, позволяющий раскрыть диалектику взаимосвязи структуры права и системы законодательства, заключается в том, что система законодательства выражается главным образом *в составе, соотношении и внутреннем строении кодифицированных нормативных актов.*

Ведь о самом факте существования обособленной области законодательства мы судим в основном по наличию самостоятельного кодифицированного акта или комплекса актов (например, о хозяйственном законодательстве). При этом кодифицированный акт, в особенности сводный кодифицированный акт – Основы, кодексы, – становится «пунктом сосредоточения» всех иных нормативных актов. «Любой простой акт, – пишет С.В. Поленина, – должен подчиняться... другим актам того же органа, если они обладают более квалифицированными формальными признаками. Такие признаки присущи, в частности, кодифицированным актам, в которых нормативный материал упорядочен, т.е. сведен в определенную логическую систему»¹.

Здесь хотелось бы обратить внимание на следующее положение.

Наиболее важной чертой кодифицированных актов является наличие в них *нормативных обобщений*, которые выражаются как в общих нормах (дефинитивных, общезакрепительных, декларативных), так и в согласовании, известной унификации всего конкретного нормативного материала. Но эти нормативные обобщения есть *реальный показатель существования правовых общностей.*

Характерно, что если система законодательства в целом очерчивает лишь внешние контуры структуры права, то состав, соотношение и внутренняя структура кодифицированных актов позволяют проникнуть в более глубокие ее пласты. Объем и уровень нормативных обобщений, специфические для данного кодифицированного акта, являются «визитной карточкой» соответствующего структурного подразделения. Например, кодифицированному акту основной отрасли права свойственна «полнокровная» общая часть, глубокая интеграция всего нормативного материала, его прочное юридическое единство. Ком-

соображения Д.А. Керимова становятся понятными, если учесть, что он рассматривает в качестве структуры и состав несистемных объектов – такую связь, которая (речь идет об «элементах» статьи закона) «носит в своей основе субъективный, произвольный, а иногда и случайный характер» (Там же). Ранее уже упоминалось, что подобная интерпретация понятия «структура» расходится с господствующим в философии воззрением, которое взято за основу при рассмотрении вопросов настоящей темы.

¹ Поленина С.В. Взаимосвязи нормативных актов в системе советского гражданского законодательства // Советское государство и право. 1972. № 8. С. 65; см. также: *Беляева З.С.* Источники колхозного права: Автореф. дис. ... докт. юрид. наук. М., 1972. С. 17.

плексной же отрасли соответствует кодифицированный акт, нормативные обобщения которого не идут дальше формулирования некоторых принципов, отдельных общих понятий и приемов регулирования.

Если исходить из того, что скелет системы законодательства образуют кодифицированные акты, то станет ясным, что каждое юридическое предписание находится как бы в силовом поле тех нормативных обобщений, которые сосредоточены в данном кодифицированном акте.

4. Указывая на объективный характер системы законодательства (в ней выражается реально существующая структура права), нельзя упускать из поля зрения ее субъективную сторону, свойственные ей субъективные элементы.

Состав действующих нормативных актов, их внутренняя компоновка, а тем более обособление отдельных нормативных предписаний непосредственно зависят от усмотрения компетентных правотворческих органов. Законодатель при решении правотворческих задач руководствуется в ряде случаев не только логикой права, но и иными потребностями — социально-политическими, чисто классификационными соображениями, законодательными традициями, рекомендациями научных учреждений и др. Возможны и просчеты отдельных правотворческих органов: введение в правовую систему норм, недостаточно учитывающих действующие законоположения, перекрещивающихся конструкций, неоправданное дробление, дифференциация правового регулирования единых отношений и т.д.

Характерно в рассматриваемом плане развитие Особенной части советского уголовного права. Выше уже приводилось высказанное в литературе мнение о том, что она не образует завершенной логической системы. Здесь проявляются две тенденции: с одной стороны, интеграция — создание нормативных обобщений, а с другой стороны, дифференциация — постоянное включение в нормативный материал новых частных положений, посвященных конкретным случаям¹. «История развития уголовного законодательства, — пишет В.Н. Куд-

¹ В принципе обе указанные тенденции социально обоснованны. «Общая, абстрактная норма, — замечает В.Н. Кудрявцев, — значительно удобнее для квалифицированного юриста. Но ведь уголовные законы создаются не только для юристов. Они имеют воспитательное и предупредительное значение. Простой и понятный текст закона, устанавливающего ответственность за конкретные действия, смысл которых ясен для любого гражданина, имеет важное профилактическое значение. Поэтому наряду с общими нормами, которые уже имеются в законодательстве, в некоторых случаях оправдано появление новых законов, подчеркивающих общественную опасность тех или иных форм поведения, причиняющих вред социалистическому обществу» (Кудрявцев В.Н. Общая теория квалификации преступлений. С. 248).

рявцев, — свидетельствует о том, что, как правило, правовая регламентация определенной группы общественных отношений начинается с создания норм, предусматривающих более или менее частные случаи. Затем постепенное накопление отдельных норм Особенной части приводит к созданию обобщенных формулировок. Однако потом они изменяются или дополняются, наращивается новая система, которая впоследствии вновь может получить обобщенное выражение»¹. Вот почему совокупность норм, образующих Особенную часть действующего уголовного права, представляет собой довольно пеструю картину, в которой подчас лишь угадывается внутренняя логика². Наряду с отдельными пробелами в этой совокупности есть случаи частичного наложения, пересечения, дублирования норм³.

Влияют ли отмеченные моменты, относящиеся к субъективной стороне системы законодательства, на саму структуру права? Очевидно, влияют. Во всяком случае они «отодвигают» соответствующие подразделения правовой системы от класса органичных систем, нарушают функциональные связи, порождают неоправданные затруднения при решении юридических дел на практике. Ошибочные решения законодателя, недостаточный учет им специфических закономерностей, особенностей структуры права при выработке нормативных актов приводят к снижению эффективности правового регулирования. Отсутствие, например, в системе советского законодательства кодифицированного акта по административно-процессуальному праву мешает полностью выявить все то положительное, что способно дать административно-процессуальное право юридической практике.

Вместе с тем здесь есть и другая сторона вопроса. Представляется, что далеко не всякое правотворческое решение, не обусловленное логикой права, влияет на его структуру. Уголовная норма, включенная в кодифицированный акт гражданского права, так и останется нормой уголовного права. В действующих республиканских уголовных кодексах закреплены административно-правовые предписания (например, п. «б», ст. 239, 241, 243, 244, 250 УК РСФСР), которые остались таковыми несмотря на то, что включены в состав кодифицированного акта другой отрасли⁴. Можно указать на случаи, когда общие предписания уголовного и гражданского права излагаются законодателем при форму-

¹ Кудрявцев В.Н. Общая теория квалификации преступлений. С. 247.

² См.: Сахаров А.Б. О классификации преступлений // Вопросы борьбы с преступностью. Вып. 17. 1972. С. 46 и сл.

³ См.: Кудрявцев В.Н. Общая теория квалификации преступлений. С. 240.

⁴ См.: Дурманов Н.Д. Советский уголовный закон. Изд-во МГУ, 1967. С. 36–39.

лировании конкретных институтов (ст. 101, 151, 236, 237 УК РСФСР; ст. 168, 292 ГК РСФСР). Однако в этих случаях упомянутые предписания остаются общими, объективно входящими в состав общих подразделений соответствующих отраслей.

Какие же правотворческие решения влияют на структуру права? Для ответа на этот вопрос необходимо обратиться к механизму воздействия законодательства, его системы на структуру права.

5. Механизм связи между структурой права и системой законодательства отражает свойственные им различия и единство.

Между волей законодателя и структурой права нет прямой зависимости. *Для того чтобы преобразовать строение права, тем более закон связи между его подразделениями, необходимо во всех случаях изменить содержание правового регулирования*¹.

Конечно, изменение содержания правового регулирования может происходить и при перестройке системы законодательства (в особенности при перестройке состава кодифицированных актов). Иногда даже простое перемещение нормативных предписаний из одной области законодательства в другую, близкую ей область приводит к тому, что эти предписания включаются в новую систему связей, в силовое поле нового правового режима, а значит, приобретают новые правовые свойства.

Вот характерный пример. По своей юридической природе отношения, которые возникают при возмещении предприятием (учреждением) работнику материального ущерба, причиненного увечьем либо иным повреждением здоровья, связанным с работой, объективно требуют регулирования с помощью норм трудового права².

¹ После опубликования статьи об общетеоретических принципах исследования структуры права (Советское государство и право. 1971. № 3) в адрес автора настоящей работы был сделан упрек, суть которого состояла в том, что он будто бы отказался от разграничения системы права и системы законодательства, внутренней и внешней форм права (см.: *Явич Л.С.* Право и общественные отношения. С. 76; сб. «Систематизация хозяйственного законодательства». С. 49). Этот упрек основан, как представляется, на недостаточно точной интерпретации высказанных в упомянутой статье положений. Установление факта более тесной зависимости между внутренней и внешней структурами права вовсе не означает отрицания различий между ними. Как и прежде, автор полагает, что преобразование в системе законодательства приводит к изменениям в структуре права лишь постольку, поскольку оно затрагивает содержание правового регулирования, и что в строении законодательства, в соотношении и содержании нормативных актов есть многое, относящееся только к внешней форме права и не выражающее особенностей его структуры.

² См.: *Лившиц Р.З.* Ответственность за повреждение здоровья рабочих и служащих // Советское государство и право. 1964. № 5; *Бегичев Б.К.* Трудовая правоспособность советских граждан. М.: Юрид. лит., 1972. С. 30–36.

Но по сложившейся законодательной традиции нормативное регулирование указанных отношений закрепляется в гражданском законодательстве (ст. 91 Основ гражданского законодательства Союза ССР и союзных республик, ст. 460 ГК РСФСР), притом в качестве органической части норм, регламентирующих гражданско-правовую внедоговорную ответственность. А это придало рассматриваемым правоотношениям такие свойства, которые присущи охранительным отношениям гражданского права, подчинило их (через общую терминологию, некоторые принципы и др.) началам гражданской ответственности.

Однако перемещение нормативных предписаний из одной области законодательства в другую может повлиять на структуру права постольку, поскольку это отражается на содержании правового регулирования (да и к тому же такой эффект, надо полагать, наступает, когда перемещение происходит между родственными отраслями, с близкими правовыми режимами). Но и здесь, как показывает практика, «перемещенное» правовое образование не полностью вживается в новый правовой организм. Не потому ли столь существенны затруднения, возникающие при применении указанных выше норм гражданского законодательства о возмещении ущерба работнику, а юридическая практика все более интерпретирует их под углом зрения правового режима, свойственного советскому трудовому праву?¹

Механизм связи между структурой права и системой законодательства дает возможность определить те направления, по которым должно идти воздействие законодателя на развитие и совершенствование структуры права, указывает на рамки этого воздействия.

Законодатель непосредственно формулирует содержание нормативных постановлений, устанавливает состав, соотношение и внутреннее построение кодифицированных и иных нормативных актов. Все эти правотворческие действия могут повлечь за собой определенные преобразования в структуре права, однако лишь в той мере, в какой они влияют на содержание правового регулирования. И так, *от внешней формы права к его содержанию, от содержания к составу и закону связи между его подразделениями — таков путь воздействия системы законодательства на структуру права.*

¹ См.: Монастырский Е.А., Симорот З.К. Характер норм, регулирующих возмещение ущерба, причиненного здоровью рабочих и служащих // Советское государство и право. 1973. № 3. С. 42–43, 49.

2. Структура права и совершенствование советского законодательства

1. Правотворчество в социалистическом обществе имеет объективно обусловленный характер. Чтобы обеспечить эффективность права, законодатель должен своевременно и полно учитывать потребности общественного развития, требования объективных экономических законов, точно выражать в юридических нормах поставленные жизнью задачи коммунистического строительства.

Подчеркивая это в высшей степени важное положение, нельзя упустить из поля зрения еще одно существенное обстоятельство: воплощение в праве назревших потребностей общественного развития должно опираться также на объективные свойства самого права, на его специфические закономерности.

Подготовка и принятие нормативных юридических актов — творческая работа, своего рода искусство, включающее определенные субъективные моменты. Но для того чтобы правотворческое искусство не вылилось в субъективизм, в произвольные, волюнтаристские решения, оно должно исходить из твердых объективных оснований¹. Было бы неверным представлять себе право в виде такой «субъективной сферы», из которой можно лепить все, что угодно, изменять без каких-либо ограничений. Назревшие потребности должны выражаться в юридических нормах с учетом объективных свойств права, его специфических закономерностей. «Строительство» права оказывается эффективным в той мере, в какой принимаются во внимание свойства и возможности «строительного материала» — самого права.

Одним из объективных оснований для правотворческой работы является реально существующая структура советского права. Законодатель в процессе правотворческой работы должен исходить из особенностей отдельных подразделений советского права, характера их связи, соотношения друг с другом.

Так, важнейшая задача законодателя при издании норм заключается в их точной отраслевой типизации. Новая норма должна быть сразу же включена в режим строго определенной основной отрасли права. В особенности это касается норм, издаваемых в разовом порядке или включаемых в комплексные акты.

¹ См.: *Недбайло П.Е.* Объективное и субъективное в праве // Правоведение. 1974. № 1. С. 24–25.

Конечно, от законодателя не требуется, чтобы он, формулируя отдельное предписание, прямо указывал, в какую отрасль оно включается. Здесь достаточно ограничиться точностью и чистотой терминологии, ясностью юридических конструкций. Когда, например, в ст. 55 Кодекса торгового мореплавания Союза ССР устанавливается, что капитан при определенных условиях вправе произвести «реквизицию необходимого количества продовольствия... или реквизицию находящегося на судне груза...», то употребление понятия «реквизиция» сразу же вводит данное предписание в режим административно-правового регулирования. Употребление же терминов «договор», «страховая премия» в ст. 198 того же Кодекса свидетельствует о гражданско-правовой природе соответствующего правила.

2. Учет реально существующих связей в правовой системе — один из существенных отправных моментов при издании кодифицированных актов.

Прежде всего необходимо иметь в виду, что высокий уровень нормативных обобщений, присущий кодификации, воплощается в общей части кодифицированного акта. И здесь с самого начала чрезвычайно важно точно установить, что перед нами — основная отрасль, комплексная отрасль, подотрасль, институт? От решения этого вопроса зависят и объем общей части (общих положений), и содержание используемых в нормативном акте юридических конструкций, и характер терминологии.

Надо заметить, что при кодификации советского права нельзя не признать важность наименования кодифицированных актов. Хотя исторически сложилось так, что термином «кодекс» обозначаются и некоторые межотраслевые акты (например, Таможенный кодекс, Воздушный кодекс), все же, видимо, было бы целесообразно ограничить употребление этого термина, используя его лишь для наименования кодифицированных актов основных отраслей. Во всяком случае, необходимо тщательно обсудить вопрос о том, насколько оправдано употребление этого термина для обозначения вновь формируемых межотраслевых объединений юридических норм¹.

¹ По мнению О.А. Красавчикова, межотраслевой акт в области хозяйственного законодательства может быть назван кодексом. «Важно, — пишет он, — чтобы это был единый, внутренне взаимосвязанный акт» (*Красавчиков О.А.* Основные этапы кодификации хозяйственного законодательства // Сборник ученых трудов СЮИ. Вып. 18. Свердловск, 1972. С. 18). Но возможность создания «единого, внутренне взаимосвязанного» акта существует лишь постольку, поскольку в самой материи права есть такого рода единство, общность — мысль, которую автор применительно к правовому регулированию хозяйственных отношений решительно отвергает (см. там же. С. 11).

Связи в правовой системе в какой-то мере предопределяют и порядок, очередность кодификационных работ. Самой логикой структуры советского права обусловлена необходимость такой очередности в ходе кодификации, при которой первоначально систематизировался бы нормативный материал основных отраслей, затем комплексных; сначала — материальных отраслей, а потом процессуальных и т.д.

Реальные структурные подразделения советского права, соотношение их элементов являются первоосновой содержания средств и приемов юридической техники. Деление нормативного материала кодифицированного акта по частям, разделам, главам, статьям — это, конечно, «техника», использование которой должно обеспечить стройность акта, удобство его применения и пр. Но основные контуры строения кодифицированного акта обусловлены реальной структурой данного подразделения правовой системы. Здесь поэтому недопустима произвольная перестройка нормативного материала, отнесение юридических предписаний к тому или иному разделу, главе и т.д. по одному лишь усмотрению¹.

Многие правила юридической техники направлены на то, чтобы обеспечить единство правовой системы, согласованность нормативных положений. Такой цели, в частности, служат система отсылок (которая, впрочем, иногда свидетельствует о недостатках в организации нормативного материала, в нормативных обобщениях), порядок внесения изменений в кодифицированные акты, при котором не нарушается их архитектоника и нумерация статей, и др.²

3. Рассматривая связь структуры права с уровнем совершенствования советского законодательства, необходимо, помимо прочего, исходить из того, что подразделение права на отрасли, институты и т.д. имеет существенное значение в правовом регулировании.

Конечно, право регулирует общественные отношения своим содержанием, «энергией» образующих его нормативных предписаний, мерами государственно-правового воздействия. Но и само свойство

¹ Связь структуры права с юридической техникой подметил Д.А. Ковачев в статье «О понятии законодательной техники» (Ученые записки ВНИИСЗ. Вып. 18. М., 1960. С. 31–39). Конечно, структура права и юридическая техника не могут быть отождествлены. Юридическая техника вырабатывается на практике, воплощает искусство законодателя, опыт правотворческой работы, достижения юридической мысли, включает некоторые чисто организационно-технические приемы (например, приемы отсылки).

² См.: *Лиголкин А.С.* Подготовка проектов нормативных актов. М.: Юрид. лит., 1968. Автор правильно указывает на зависимость внутренней структуры нормативных актов от «логического развития материала», объединения правовых предписаний по институтам (см. с. 18).

системности, функционирование советского права в виде единого, структурно сложного организма, предопределяет эффективность нормативно-правовой формы общественного регулирования, ее преимущества и высокую полезность. Надлежащим образом организованный нормативный материал, отлитый в четкие и ясные структурные формы, более эффективен, действен. В особенности это касается кодифицированных актов, сводных нормативных документов. Вот, например, как оценивается значение структурной организации нормативного материала новых Правил дорожного движения, вступивших в действие с 1 января 1973 г. (оценивается, заметим, в научно-популярной литературе, весьма далекой от юриспруденции): «В них 186 пунктов, на 11 больше, чем в предыдущих Правилах, но от этого свод законов дороги не стал более громоздким и трудным. Улучшилась его структура, претерпело изменение и внутреннее содержание — оно стало логичнее, изложение идет от общих норм к частным»¹.

Системность права — это такое его свойство, которое вместе со свойствами нормативности, формальной определенности и другими обуславливает *социальную ценность* права в советском обществе². Благодаря системности юридически разнородные правовые нормы способны регулировать общественные отношения системно, т.е. в комплексе, взаимосвязанными методами, обеспечивая дифференцированное и вместе с тем единое, согласованное воздействие на общественные отношения.

Но дело не только в этом. Как правильно отмечено в литературе, «право регулирует общественные отношения также определенной системой правовых норм, т.е. их взаимным расположением, соотношением и связью»³. Само по себе обособление того или иного комплекса юридических норм, его существование и функционирование в виде самостоятельного подразделения правовой системы определенным образом направляет поведение участников общественных отношений.

С этим связано, в частности, издание комплексных нормативных актов. Разумеется, решающим основанием, обуславливающим необходимость комплексного нормативного регулирования, являются

¹ Дугинов А. Новый закон дороги // Наука и жизнь. 1973. № 2. С. 87.

² В работе «Социальная ценность права в советском обществе» (М.: Юрид. лит., 1971) системность как свойство, предопределяющее ценность права, автором настоящей работы недооценено. Последующее изучение проблемы показало, что и это свойство придает праву значение высокоэффективного и целесообразного регулятора общественных отношений.

³ Советское государство и право. 1971. № 9. С. 17.

особенности данной области общественных отношений, сферы государственной деятельности (таковы же главные основания для выделения разделов в Собраниях¹ — сводных актах, создаваемых в результате предметной инкорпорации). В то же время самим фактом издания комплексный нормативный акт оказывает регулирующее воздействие на общественные отношения. Так, Основы законодательства Союза ССР и союзных республик о здравоохранении не только объединили ранее действовавшие нормативные положения по вопросам здравоохранения и ввели ряд новелл, но и самим фактом обособленного общесоюзного регулирования отношений по здравоохранению указали на заинтересованность социалистического государства, всего нашего общества в совершенствовании данной группы общественных отношений, в дальнейшем прогрессе отечественного здравоохранения. Принятие Основ явилось «новым проявлением постоянной заботы Коммунистической партии и Советского государства о самом главном общественном богатстве — о здоровье советского народа»².

В 1969 г. Верховный Совет СССР принял в законодательном порядке Положение о предварительном заключении под стражу. Какова была необходимость издания этого закона? Ведь нормативные предписания, связанные с предварительным заключением под стражу, предусматриваются в нормах уголовного судопроизводства, которые входят в состав систематизированного законодательства. Как подчеркивалось на сессии Верховного Совета, принятие такого специального закона призвано, помимо иных моментов, содействовать укреплению социалистической законности в сфере отношений, касающихся прав и свобод граждан³.

Известное регулирующее значение принадлежит выделению в крупных систематизированных актах преамбул, вводных положений. Правда, отсутствие в преамбулах ясно выраженных предписаний нормативного характера создает впечатление, что по своему содержанию они состоят из теоретических положений, лозунгов, деклараций и поэтому выходят за пределы нормативно-правового регулирования. Но может быть, здесь нужен иной подход? Не представляют ли собой преамбу-

¹ А.В. Мицкевич пишет: «Наиболее общим социально-экономическим основанием выделения разделов Собрания является выделение их по областям либо общим для ряда или всех отраслей функциям общественной жизни (планирование, материально-техническое снабжение)» (*Мицкевич А.В.* Соотношение системы советского права с системой советского законодательства // Ученые записки ВНИИСЗ. Вып. 11. С. 5).

² Заседания Верховного Совета СССР седьмого созыва (седьмая сессия): Стенографический отчет. М., 1970. С. 335.

³ См.: Заседания Верховного Совета СССР седьмого созыва (шестая сессия): Стенографический отчет. М., 1969. С. 128–129.

лы такие обособленные законодателем положения, которые выражают само содержание данной ветви правового регулирования, его направленность, задачи? Ведь в преамбулах формулируются общие принципы регулирования, при помощи теоретических положений раскрывается смысл данной области законодательства. Например, в преамбуле Кодекса законов о труде РСФСР указывается на отсутствие в нашей стране эксплуатации человека человеком, на свободу труда, на принцип материальной заинтересованности и т.д. Тем самым Кодекс в повествовательной форме формулирует социалистические начала советского трудового права. Если такой подход справедлив, то, надо думать, сам факт выделения идеологических начал, включаемых в преамбулы, является важным моментом в системе правового регулирования, существенным элементом в ткани нормативно-правового воздействия.

Регулирующей «энергией» обладает также деление юридических норм по разделам и главам внутри систематизированных нормативных актов. Например, обособление в Примерном Уставе колхоза гл. VIII («Социальное обеспечение колхозников»), содержащей всего два пункта, вызвано не только наличием соответствующего института советского права, но и необходимостью направить деятельность колхозов, всех компетентных лиц на указанный участок внутриколхозных отношений. По тем же причинам выделена в Примерном Уставе гл. IX («Культура, быт, благоустройство»), состоящая из одной статьи.

Регулирующая роль связи и соотношения между элементами правовой системы ярко проявляется на уровне ее первичного звена — правовых предписаний. Ведь государственно-регулирующие, принудительные свойства специализированных нормативных предписаний вообще обнаруживаются лишь в их связи, соотношении.

В ряде случаев законодатель усиливает эту регулирующую роль, выделяя некоторые предписания для того, чтобы подчеркнуть значение соответствующего поведения и тем самым с большей силой воздействовать на общественные отношения. Такой характер имеет, в частности, обособление некоторых запрещающих нормативных предписаний.

Например, трудовое законодательство предусматривает перечень тех документов, которые администрация вправе требовать от трудящегося при приеме на работу. Казалось бы, сфера дозволенного и запрещенного точно определена. Между тем в ст. 19 КЗоТ РСФСР установлено: «При приеме на работу запрещается требовать от трудящихся документы, помимо предусмотренных законодательством». Такой же характер имеет норма ст. 24 КЗоТ: «Администрация предприятия, учреждения, организации не вправе требовать от рабочего или служащего выполнения рабо-

ты, не обусловленной трудовым договором». И в том и в другом случаях запрещено то, что выходит за пределы содержания субъективного права администрации. Подобного рода запрещающие нормативные предписания можно было не устанавливать, если бы сам факт их обособления и самостоятельного существования в виде строгих запретов не способствовал обеспечению всесторонней охраны прав трудящихся.

Участие системных связей непосредственно в правовом регулировании общественных отношений еще более повышает социальную ценность структуры права. Отсюда, помимо прочего, следует такой существенный вывод: *сложившиеся в советском праве закономерные связи и соотношения представляют своего рода юридическое богатство, сохранение, надлежащее использование и умножение которого представляет собой одну из первостепенных задач советской юридической науки.*

Важна здесь и непосредственно практическая сторона проблемы.

Вполне очевидно, что развитая, предельно гармоничная правовая система значительно повышает эффективность правоприменительного процесса, облегчает юридическую квалификацию дел, отыскание норм, правильное их толкование. Если правовая система пронизана логикой права (да притом так, что она с предельной ясностью проявляется в системе законодательства), то правоприменительные органы подбирают нужную форму не на ощупь, путем многократного «примеивания», а действуют на подлинно научных основаниях. Логика права, гармоничное построение его структурных подразделений направляют правоприменительный процесс, предотвращают ошибки в квалификации дела, в толковании нормативных предписаний. Главное состоит в том, что регулирующие свойства структурных связей требуют, чтобы при решении юридических дел правоприменительные органы рассматривали эти связи в качестве такого же существенно-го элемента правовой ткани, как и сами юридические нормы. Отсюда необходимость при применении юридической нормы нахождения всех «опутывающих» ее функциональных зависимостей, сопряженных с ней общих норм, конкретизирующих предписаний и т.д. Ценность права, выраженная в его системности, обеспечивает, следовательно, непосредственно в практической жизни строгое проведение начал социалистической законности при решении юридических дел.

4. Социальная ценность структуры права, и в частности ее роль в регулировании отношений социалистического общества, обуславливает одно из стратегических направлений совершенствования советского законодательства. Можно предположить, что по мере углубления научных представлений о структуре права, ее регулирующих свойствах

и ценности в процессе совершенствования законодательства во все большей мере будут ставиться задачи по воздействию на структуру права, по приданию ей оптимальной юридической согласованности, гармоничности — качества, которое бы обеспечивало максимальную эффективность правового регулирования.

Конечно, здесь сразу же нужно указать на пределы такого воздействия.

Преобразования в структуре права возможны постольку, поскольку в порядке правотворчества изменяется содержание правового регулирования. Лишь установление новых комплексов норм, отличающихся своеобразным способом воздействия на общественные отношения, правовыми принципами и т.д., может привести к изменениям в строении советского права, в связях и соотношениях между его подразделениями. А это в свою очередь возможно лишь постольку, поскольку исторически сложившаяся правовая система допускает подобного рода формирование нового подразделения, сохраняя и после включения в систему нового комплекса свое качество внутренней юридической согласованности. И уж, конечно, не оправданы какие-либо «разрушительные» преобразования, в частности такие, которые привели бы к нарушению основных системных связей (например, нацеленные на замену или отсечение профилирующей отрасли комплексной отраслью).

В реальной жизни развитие структуры советского права происходит, так сказать, стихийно — по мере усложнения и дифференциации общественных связей и адекватного этому изменения содержания советского права.

Как правило, законодатель в большинстве случаев и не ставит задачи преобразовать основные подразделения, глубины структуры права. Он лишь стремится усилить регулирующее и общественно-политическое воздействие права на общественную жизнь и с такой целью издает обособленные комплексные акты, производит перекомпоновку в нормативном материале. Это влечет за собой известные изменения в структуре права, но обычно только на уровне комплексных образований, притом лишь в той мере, в какой происходят изменения в содержании правового регулирования (главным образом в связи с формулированием в систематизированных актах нормативных обобщений).

Возможно ли более глубокое целенаправленное воздействие законодательства на структуру права? Да, возможно. Это воздействие как раз и составляет стратегическую линию в совершенствовании советского законодательства. Но указанная возможность осуществима только в том случае, если в процесс правотворчества еще активнее включится

юридическая наука, которая своими исследованиями даст законодателю материал, необходимый для преобразования структуры права.

В процессе научного исследования нуждаются в обосновании:

а) объективная потребность обособленного правового регулирования данных общественных отношений;

б) возможность и необходимость применения в связи с этим новых, своеобразных методов регулирования, правовых принципов, обобщенных категорий;

в) положительное значение обособления нормативного регулирования, роль такого обособления в повышении регулятивного воздействия правовой системы на общественные отношения.

В современных условиях, когда основные подразделения советской правовой системы сложились, обоснование указанных моментов оказывается возможным, если реально наметилась соответствующая линия в развитии законодательства, начали формироваться элементы нового метода регулирования, обобщенных положений, принципов и если на этой основе в результате научного исследования можно дать законодателю «рабочие чертежи» проектируемого подразделения правовой системы.

Конечно, при всей важности глубоких научных исследований решающее слово остается за законодателем, выражающим государственную волю народа, назревшие потребности строительства коммунистического общества. Лишь в результате активной правотворческой работы, прежде всего в результате издания кодифицированного акта (воплотившего упомянутые «рабочие чертежи»), в структуре советского права могут произойти существенные изменения. Известный опыт в указанном отношении уже есть.

Формирование в советской правовой системе таких отраслей, как трудовое, колхозное, земельное, семейное право, является объективным процессом, который, помимо иных моментов, выражает достижения советской юридической мысли. Правильно установив назревшие потребности общественного развития, наметившиеся направления в правовом регулировании, советские ученые-юристы выявили возможность и необходимость обособленного, самостоятельного развития соответствующих областей законодательства. Выработка на этой основе новых конструкций, терминологии, приемов регулирования, несомненно, способствовала целенаправленному развитию трудового, колхозного, земельного, семейного законодательства, кристаллизации специфических методов регулирования, закреплению отраслевых принципов.

Нуждается ли современная структура советского права в коренных преобразованиях? Думается, нет. Основные подразделения нашей пра-

новой системы представляют собой результат объективного исторического развития советского права, внутренне юридически согласованный комплекс, они прошли проверку временем и обеспечивают в целом эффективное правовое воздействие на общественные отношения при социализме.

Но в некоторых областях, в частности в области социалистического хозяйства, отношений, связанных с использованием богатств природы, по-видимому, есть основания для изучения проблем целесообразности и возможности преобразования структуры права. Только решение этих проблем должно быть поставлено на подлинно научную основу. Вряд ли оправданна такая направленность научных исследований, которая сводится к обоснованию одной идеи: уже реально существуют «хозяйственное право», «сельскохозяйственное право», «право науки» и т.д. Было бы правильнее, изучив тенденции развития советского законодательства, возможность и необходимость формирования своеобразных приемов и принципов регулирования, выработать такие рекомендации для законодателя, которые в ходе совершенствования законодательства могли бы шаг за шагом привести к целесообразным изменениям в структуре советского права. При этом нельзя упускать из виду реально существующую структуру права с ее устойчивыми закономерными связями, действующую систему нормативных актов, сложившиеся традиции в регулировании общественных отношений. Структурные нововведения должны «вписаться» в общую структуру и, усилив регулятивное воздействие правовой системы, в полной мере сохранить все ее ценности, ее непротиворечивость, внутреннюю юридическую согласованность.

Конечно, предлагаемый путь длителен и сложен, требует глубокого проникновения в структуру права, обширных специально юридических и социологических исследований. Но зато он способен воплотить стратегическое направление совершенствования советского законодательства.

Таким образом, используемая в нашей науке формула «построение правовой системы» (нередко отвергаемая как субъективистская), в общем, имеет право на существование. Нужно лишь достаточно ясно видеть пределы, возможности и механизм воздействия субъективных факторов на объективно существующую структуру права, роль в этом воздействии советской юридической науки и целенаправленно развивающегося законодательства¹.

¹ О роли законодательства, его системы для целенаправленного развития структуры права см.: *Захариев В.* Структура на социалистическата държава и право. С. 217—218.

ГЛАВА ТРЕТЬЯ НОРМАТИВНОЕ ПРАВОВОЕ ПРЕДПИСАНИЕ

1. Понятие нормативного правового предписания. Его структура

1. Нормативное предписание – первичное подразделение, «живая» клеточка советской правовой системы.

Правовые институты, из которых складываются отрасли, а затем вся правовая система социалистического общества, состоят из разнообразных нормативных предписаний: общих, регулятивных, охранительных, оперативных и т.д. Эти предписания и являются исходным «строительным материалом», из которого «возведено» советское право.

Под нормативным правовым предписанием следует понимать элементарное, цельное, логически завершенное государственно-властное веление нормативного характера, непосредственно выраженное в тексте нормативного юридического акта.

Главная функция нормативных предписаний в правовой системе заключается в том, чтобы *обеспечить конкретизированное, детальное, точное и определенное нормативное регулирование общественных отношений*. Эту свою главную функцию предписания могут выполнить лишь постольку, поскольку они выражают, с одной стороны, содержание и особенности тех или иных обстоятельств, актов поведения и т.д., а с другой – волю законодателя, общий масштаб, образец, модель поведения.

Понятие «нормативное предписание» – сравнительно новое в советской юридической науке¹. Необходимость его вызвана специализа-

¹ Понятие «правовое предписание» сформулировано в советской юридической литературе А.В. Мицкевичем в кн. «Акты высших органов Советского государства. Юридическая природа нормативных актов высших органов власти и управления СССР» (М.: Юрид. лит., 1967. С. 34). Правда, автор попытался придать этому понятию значение исходной единицы текста нормативного акта. Но затем, при анализе конкретного нормативного материала, А.В. Мицкевич, в сущности, выходит за рамки такой чисто формалистической трактовки и рассматривает предписание в смысле веления.

Понятие нормативного предписания все более широко используется и другими авторами, исследующими конкретное содержание действующих нормативных актов (см., например: *Алексеева Л.Б.* Некоторые вопросы структуры уголовно-процессуального права // Вопросы борьбы с преступностью. Вып. 17. С. 86 и сл.).

цией советского права. Все большее дробление правовых положений, подчинение их отдельным операциям в процессе правового воздействия, усиливающееся «разделение труда» между ними, более широкое использование нормативных обобщений приводят к тому, что первичные частицы правовой материи становятся проще, элементарнее. Государственно-властное веление высокоразвитой специализированной правовой системы и является нормативным предписанием.

Понятие нормативного предписания не следует противопоставлять понятию правовой нормы. Предписание (норма-предписание) и есть «живая» юридическая норма развитой правовой системы, отличающаяся высоким уровнем специализации.

В то же время понятие нормы используется для характеристики первичных связей в правовой системе, таких связей, которые выявляют государственно-властные свойства права. Но в этом случае перед нами не норма-предписание, а *логическая* норма.

Таким образом, термины «нормативное предписание» и «норма права» являются синонимами. Когда же к термину «норма права» добавляется слово «логическая», то речь идет о композиции, закономерных связях между предписаниями или их элементами (что и позволяет увидеть в каждом из них «полный набор» правовых, государственно-властных свойств)¹.

2. В нормативных предписаниях наиболее ярко выражено органическое единство содержания и внешней формы в праве. Нормативное

Интересные соображения о нормативных предписаниях как элементах содержания нормативных актов приведены А.Ф. Апт в статье «Об элементах структуры нормативного акта» (Правоведение. 1973. № 2. С. 27–32). И хотя автором была сделана попытка провести разграничение между элементами содержания права и элементами формы права (не учитывая, что элементами нормативных актов как внешней формы права являются все-таки статьи, параграфы, пункты и т.д.), сама мысль о предписаниях как содержании нормативных актов является плодотворной, конструктивной.

Рассматриваемое понятие получило разработку и в литературе зарубежных социалистических стран (см., в частности: *Opalek K., Wróblewski I. Zagaodnienia teorii prawa. Warszawa, 1969. S. 55*).

¹ Отсюда, помимо прочего, следует, что характеристика нормативного предписания в качестве первичного звена правовой системы вовсе не означает необходимость корректировки определения права. Понятием, синтезирующим свойства права на уровне первичных подразделений правовой системы, остается понятие нормы, которое охватывает в различных своих ракурсах и норму-предписание, и связи между предписаниями, выявляющие их государственно-властную, регулятивную, принудительную природу. В то же время при детализированном анализе нормативного материала необходимо иметь в виду аспект, в котором «работает» понятие нормы: обозначает ли оно *норму-предписание* или же *логическую норму* (первичные связи в правовой системе). В дальнейшем термин «норма права» (если при этом отсутствует слово «логическая») используется для обозначения именно начальных элементов правовой системы, т.е. норм-предписаний.

предписание — это первичная, элементарная частица самой правовой материи, с которой совпадает исходная единица правового текста.

Нераздельное единство содержания и формы в правовом предписании и предопределяет его значение в правотворческой деятельности органов социалистического государства. Фактическая деятельность по правотворчеству состоит в формулировании правовых предписаний, осуществляемом путем составления или изменения текстов нормативных юридических актов.

Иногда в нормативных, в частности кодифицированных, актах некоторые статьи в каждом случае представляют собой особое, самостоятельное нормативное предписание. Например, ст. 10 ГК Эстонской ССР содержит такое предписание: «Правоспособность гражданина возникает в момент его рождения и прекращается смертью»; в ст. 78 сформулировано следующее предписание: «Срок, исчисляемый неделями, истекает в соответствующий день последней недели срока».

Однако в большинстве случаев статья охватывает несколько правовых предписаний. Нормативному предписанию, как правило, соответствует не статья в целом, а ее подразделения — абзацы, пункты, части, иногда отдельные фразы текста нормативного акта.

Теоретическому положению о соответствии правового предписания и первичной единицы правового текста (статьи, абзаца, пункта, части статьи) нормативного юридического акта принадлежит существенное научное и практическое значение. А.С. Пиголкин пишет: «Идея о принципиальном соответствии статьи и нормы дает четкое представление о юридической норме, показывает разнообразие ее содержания... облегчает анализ законодательства, его систематизацию, формализацию правовых предписаний»¹.

Помимо указанных моментов, эта идея дает основание для вывода о том, что правовое предписание, являясь логически цельным государственно-властным велением, не может быть раздроблено по нескольким статьям. Оно нуждается в цельном грамматико-синтаксическом закреплении в одной фразе правового текста. Невозможно, начав формулирование правового предписания, оборвать фразу и продолжить ее в ином подразделении нормативного акта.

Вместе с тем правовое предписание и статью нормативного акта нельзя отождествлять. И дело не только в том, что в одной статье закрепляется по большей части несколько предписаний, но главным об-

¹ *Пиголкин А.С.* Теоретические проблемы правотворческой деятельности в СССР: Автореф. дис. ... докт. юрид. наук. М., 1972. С. 23.

разом в том, что предписание и статья — явления разноплоскостные, и поэтому допустимо говорить лишь о соответствии их друг другу. Нормативный юридический акт и все его подразделения (разделы, главы, статьи, отдельные фразы правового текста) относятся к внешней форме права, представляют собой способ документально-словесного изложения содержания права. Правовые же предписания — первичные явления развитой правовой системы, относящиеся к ее содержанию.

В юридической литературе указанные различия не всегда принимаются во внимание. Иногда первичные единицы текста нормативного акта и нормативные предписания прямо отождествляются¹. Известное отождествление того и другого допускается и в случаях, когда в общей форме высказывается мысль о том, что «предметом систематизации, воплощаемой в системе законодательства, являются не юридические нормы, как в системе права, а *статьи закона* в самом широком смысле этого слова»². Действительно, при неофициальной и некоторых формах официальной инкорпорации предметом систематизации служат части текста нормативного акта, например отдельные статьи. Но при консолидации, а тем более при кодификации законодательства предмет систематизационных действий составляют непосредственно юридические нормативные предписания, а не статьи (хотя они принципиально и совпадают).

3. Предписание в полной мере проявляет все свои качества, в том числе нормативные, государственно-властные свойства, *через связи*, включающие его в единый правовой организм. Поэтому предписание как правовое явление должно рассматриваться в единстве с иными предписаниями, иными подразделениями советской правовой системы³.

Возьмем, например, предписание ст. 287 ГК Казахской ССР, устанавливающее обязанность нанимателя соблюдать правила внутреннего распорядка в квартирах, содержать помещение в полной ис-

¹ Так, А.Ф. Апт и А.А. Кененов пишут, что «содержание нормативного акта непосредственно выражено в его тексте, распадающемся на статьи, пункты, абзацы и т.д., которые образуют отдельные предписания этого правового акта» (*Апт А.Ф., Кененов А.А. К вопросу об элементах и структуре советского права // Вестник МГУ. Сер. «Право». 1973. № 3. С. 53*). Сами по себе «статьи, пункты, абзацы и т.д.» — это именно части текста нормативного акта, выражающие нормативные предписания. Выражающие, а не «образующие».

² Систематизация хозяйственного законодательства. С. 50.

³ «Любая правовая норма, — пишет Д.А. Керимов, — создается и реализуется на основе, с учетом и в соответствии с той правовой системой в целом, составной частью которой она является. Лишь в рамках целостного правового образования (института, отрасли, системы права) отдельные правовые нормы в полной мере реализуют свои потенции» (*Керимов Д.А. Философские проблемы права. С. 264*).

правности и др. Как логическая норма это предписание должно рассматриваться в единстве с предписаниями, предусматривающими ответственность за невыполнение указанной обязанности (ст. 313 ГК Казахской ССР). Только в этой связи оно обнаруживает свои юридические, государственно-властные свойства. Если же попытаться увидеть своеобразие данного предписания как отраслевой, гражданско-правовой, нормы, то оно должно быть взято в единстве с предписаниями Общей части советского гражданского права, регламентирующими осуществление гражданских прав и исполнение обязанностей и др. (ст. 5 и 6 ГК Казахской ССР).

Следовательно, конкретное нормативное предписание как бы «опутано» целой сетью разнообразных связей; в таком состоянии оно и функционирует и благодаря этим связям оказывает разностороннее, глубокое воздействие на общественные отношения. Отсюда вытекает, что развитие правовой системы заключается в совершенствовании не только конкретных нормативных предписаний, но и всего комплекса норм, с которыми эти предписания связаны. Более широкое использование в нормативных актах обобщений, норм-принципов, норм-задач и т.д. означает не только усиление идеологического содержания актов, их воспитательной силы, но и обогащение связей между конкретными предписаниями, которые выражают их регулятивную «энергию». Включение, например, в Кодекс о браке и семье РСФСР¹ раздела «Общие положения» (ранее действовавшие кодексы начинались с раздела «О браке») имеет существенное значение для функционирования конкретных нормативных предписаний, содержащихся в Кодексе: теперь каждое конкретное предписание действует «в сопровождении» общих норм, регламентирующих задачи и принципы семейного законодательства, действие норм в пространстве, применение исковой давности, исчисление сроков (ст. 1–12).

4. Своеобразное положение в правовой системе занимают принципы права.

В юридической литературе был высказан взгляд, согласно которому правовые принципы являются особым звеном в структуре права².

Действительно, правовые принципы ряда отраслей советского права нашли закрепление не только в особых нормативных положениях, прямо сформулированных в кодифицированных актах (например, ст. 7–11 Основ гражданского судопроизводства Союза ССР и союз-

¹ В дальнейшем именуется КоБис.

² См.: *Иоффе О. С.* Структурные подразделения системы права (на материалах гражданского права) // Ученые записки ВНИИСЗ. Вып. 14. С. 45–46, 51.

ных республик, ст. 3–5 КоБис РСФСР и др.), но и в преамбулах этих актов. Так, в преамбуле Кодекса о браке и семье РСФСР в качестве одного из основополагающих его положений указано, что регулирование «призвано активно содействовать окончательному очищению семейных отношений от материальных расчетов». Очевидно, этот принцип «участвует» в регулировании ряда семейно-правовых отношений, в частности в регулировании отношений по опеке и попечительству (определение содержания обязанностей опекунов и попечителей, круга сделок, которые не вправе совершать опекуны и попечители, и др. — ст. 129, 130, 133 КоБис РСФСР).

Правда, если исходить из теоретической конструкции нормативного предписания, то, казалось бы, наличие такого рода положений в преамбулах кодифицированных актов не должно вызывать скольконибудь существенных затруднений. Эти положения также могут быть охарактеризованы в качестве предписаний, только изложенных в соответствии с особенностями преамбул не в повелительной, а в повествовательной, описательной форме.

Ведь специализация права, повышение в нем уровня нормативных обобщений, существенно повлияв на структуру права, в какой-то степени преобразовали свойство нормативности¹. В праве не только стали обособляться предельно специализированные нормативные предписания, но и произошло выделение в самостоятельные положения его глубинных идеологических, идейно-теоретических начал, в которых ярко проявляются социалистическая природа советского права, его связь с марксистско-ленинской идеологией. Эти начала составляют неотъемлемый элемент содержания советского права; вместе с суммой специализированных нормативных предписаний они включаются в процесс правового регулирования отношений социалистического общества².

Правовые принципы в ряде случаев играют и непосредственно регулятивную роль, направляя применение юридических норм, намечая общую линию в решении того или иного юридического дела. Так, по одному из конкретных дел Судебная коллегия по гражданским делам

¹ Эта сторона зависимости структуры от специализации права была рассмотрена в работе «Социальная ценность права в советском обществе» (С. 81–84).

² Важно вместе с тем подчеркнуть, что общие начала (формулировки принципов, определения и др.) должны участвовать в правовом регулировании, т.е. быть «рабочими» (см.: Советское государство и право. 1973. № 11. С. 73). Иначе общие начала, например пожелания, призывы и т.д., выполняют только идеологическую, теоретическую функцию.

Верховного Суда РСФСР, обосновывая возможность отступления от начала равенства долей супругов в общей совместной собственности, непосредственно применила принцип советского семейного права. В определении по указанному делу говорится: «Установленное законом право суда отступить от равного раздела общей совместной собственности с учетом интересов несовершеннолетних детей преследует цель создать благоприятные материально-бытовые условия для детей, остающихся на воспитании у одного из родителей. Эта правовая норма порождает необходимость при рассмотрении вопроса о разделе жилого дома так осуществить раздел, чтобы, исходя из конкретных обстоятельств каждого дела, по возможности были защищены законные жилищные интересы детей и того из родителей, с кем они проживают»¹.

Однако то обстоятельство, что принципы права в общем охватываются понятием нормативного предписания, все же не решает вопроса об их месте в структуре советского права.

О.С. Иоффе пишет: «Понятие нормы не перекрывает понятия принципа, поскольку норма соотносится с институтом как более дробное подразделение системы права, а закрепленные ею принципы могут распространяться на ряд институтов или носить общетраслевой характер». Иначе говоря, правовые принципы «трудно расположить в каком-либо строго определенном месте между... подразделениями (нормами, институтами, отраслями. — С.А.), так как существуют принципы, лежащие в основе института, подотрасли, отрасли и системы права в целом»².

Но не противоречит ли характеристика принципов права в качестве нормативных предписаний тому, что они занимают в правовой системе особое место? Думается, нет. Нужно только с большей четкостью определить функции принципов в правовой системе. В решении этого вопроса могут помочь выработанные в философии теоретические положения об активном центре целостного системного образования.

Активный центр выражает наиболее интенсивные взаимодействия в целостном системном образовании. В.И. Свидерский и Р.А. Зобов пишут, что в целостном образовании «выделяется некоторая группа структур... взаимосвязи между которыми наиболее интенсивны и которые в силу этого накладывают своеобразный отпечаток на все цело-

¹ Бюллетень Верховного Суда РСФСР. 1970. № 9. С. 6.

² Иоффе О.С. Структурные подразделения системы права (на материалах гражданского права) // Ученые записки ВНИИСЗ. Вып. 14. С. 46, 51.

стное образование»¹. Локализованные на небольшом участке данного образования, компоненты, относящиеся к активному центру, «начинают играть ведущую роль во взаимодействии целого и среды, данного целого с другими целыми и т.д.»².

Такие активные центры могут быть найдены на каждом уровне структуры советского права. На уровне первичного звена правовой системы активными центрами, по-видимому, и являются его принципы. Это в полной мере соответствует природе правовых принципов, их функциям и роли в праве.

Принципы права — не просто положения нормативного характера (предписания); они непосредственно в концентрированном виде выражают идеологическое, идейное содержание советского права и потому выступают в качестве общих сквозных идей, руководящих начал советской правовой системы. Иными словами, принципы права есть такие правовые явления, которые непосредственно связывают содержание права с его основами — теми закономерностями общественной жизни, на которых данная система права построена и которые она закрепляет. Принципы как активные центры представляют собой одухотворяющие начала права, выражающие главное и решающее в его содержании.

Именно потому, что принципы являются активным центром правовой системы, они наиболее ярко и выразительно доказывают своеобразие классово-волевой (социально-политической) природы права, его качественные юридические особенности в рамках определенной формации. В принципах аккумулируются, кристаллизуются, собираются воедино характерные черты данного типа права, его отличительные свойства по сравнению с правом других формаций.

Все это предопределяет функции и роль принципов в советской правовой системе.

Правовые принципы имеют самостоятельное регулирующее значение. Будучи своего рода сгустками правовой материи, они как бы направляют функционирование права, определяют линию судебной и иной юридической практики, помогают установить пробелы в праве, необходимость отмены устаревших и принятия новых юридических норм. Претворение требований советского права в жизнь состоит прежде всего в полной и последовательной реализации заложенных в нем принципов.

Но главное, что характеризует функции и роль принципов,— это их положение как активных центров советской правовой системы.

¹ Свидерский В.И., Зобов Р.А. Новые философские аспекты элементарно-структурных отношений. С. 81.

² Там же. С. 82.

Обладая свойствами первичного подразделения права – нормативных предписаний, принципы вместе с тем являются стержнем правовой системы, той «жизненной силой», которая связывает все его подразделения в единый организм, направленный на обеспечение задач коммунистического строительства¹.

5. Нормативное правовое предписание как самостоятельное, притом первичное, подразделение правовой системы отличается прочной юридической целостностью, своего рода неделимостью. Отсюда проистекают особенности организации, композиция содержания нормативного предписания, которая имеет иной характер, нежели структура других подразделений правовой системы. Элементы содержания предписания (гипотеза, диспозиция, санкция) не являются в свою очередь самостоятельными, автономными правовыми образованиями (потому-то нормативное предписание даже условно нельзя назвать общностью)². Это, в сущности, лишь стороны единого, цельного государственно-властного веления.

Структуру нормативного предписания следует отличать от того, что может быть названо структурой логической нормы являющейся не строением реальных, «живых» частиц правовой материи, а первичной связью между компонентами правового регулирования, в частности *между предписаниями*, выражающими государственно-властную природу права. По установившемуся в советской юридической литературе мнению, к таким обязательным компонентам правового регулирования относятся: *гипотеза* – указание на условия действия правила; *диспозиция* – указание на содержание самого правила; *санкция* – указание на меры, применяемые при несоблюдении правила³.

¹ По справедливому мнению А.Ф. Черданцева, «основные принципы социалистического права можно рассматривать как определенный «механизм», заложенный в самой системе права, как «механизм саморегулирования», призванный обеспечить единство, взаимосогласованность и взаимодействие отдельных составных частей правовой системы» (*Черданцев А.Ф. Системность норм права // Сборник ученых трудов СЮИ. Вып. 12. С. 49*). Л.Б. Алексеева полагает, что «именно принципы права выполняют роль аксиом для всех высказываний, составляющих содержание отрасли права» (*Алексеева Л.Б. Некоторые вопросы структуры уголовно-процессуального права // Вопросы борьбы с преступностью. Вып. 17. С. 78*).

² См.: *Керимов Д.А. Философские проблемы права. С. 266*. Автор, в частности, пишет: «Части правовой нормы настолько органически связаны между собой и настолько непосредственно подчинены целому, что их раздельное существование бессмысленно».

³ Кроме того, логическая норма (которая, что надо подчеркнуть еще раз, должна отличаться «полным набором» характеристик, выявляющих регулятивные, государственно-властные свойства предписаний) должна в своей гипотезе включать указание на субъектов регулируемых отношений, а также предусматривать пространственно-временные параметры действия велений.

При освещении же норм-предписаний должна быть найдена фактическая компоновка элементов содержания реальных, «живых» частей правовой материи, относящихся к главной структуре советского права. Вот почему справедливо мнение тех авторов, которые полагают, что «нельзя согласиться с распространенным определением гипотезы, диспозиции и санкции как «составных частей» нормы права»¹. Характеристика «составных частей» нормы представляет собой вопрос не о структуре логической нормы, а о структуре нормативных правовых предписаний².

Следует иметь в виду, что развитая система права, отличающаяся высоким уровнем специализации его содержания, есть своего рода цельный организм. Это означает не только то, что существует «разделение труда» между его частями, их приспособленность для выполнения определенных операций, но и то, что далеко не все правовые предписания непосредственно регулируют поведение участников фактических отношений. Как и всякий организм, развитая система права лишь определенными своими участками контактирует с реальными фактическими отношениями, выступая то в виде регулятивных, то в виде охранительных, то в виде специализированных норм поведения³.

Во многих случаях правовое регулирование опосредствуется цепочками взаимосвязанных нормативных предписаний. Лишь конечные звенья этих цепочек, прямо регламентирующие поведение участников общественных отношений, непосредственно оснащены юридическими санкциями. Действие же других норм обеспечивается *внутренними*

¹ Общая теория советского права. С. 193.

² В юридической литературе получило довольно широкое распространение представление о том, что каждая норма права как первичное звено правовой системы реально имеет три элемента (гипотезу, диспозицию, санкцию). Если исходить из теоретических положений о системности права, его специализации, наличии в нем иерархии структур, то уязвимость подобного представления окажется очевидной. В частности, ошибочно стремление изобразить каждое отдельное государственно-властное предписание как бы «правом в миниатюре», в котором непременно должны быть все черты и элементы права в целом, в том числе и санкция — указание на меры принудительного воздействия. Советские философы справедливо отвергают элементаризм — такой подход, который выражен в стремлении «именно на уровне элементов отыскать все существенные характеристики объекта».

³ В правовом организме есть и такие группы норм, функции которых состоят в обслуживании «внутреннего хозяйства». Это — нормативные предписания, регламентирующие область отношений, на которую распространяется данный нормативный акт, порядок вступления актов в силу, их действие в пространстве, во времени и по лицам, коллизионные нормы. Сюда же относятся предписания, определяющие объем и содержание правосубъектности участников общественных отношений (уже регламентированная таким образом правосубъектность оказывает непосредственное воздействие на общественную жизнь) (см.: Общая теория советского права. С. 184).

механизмами. Суть многих из таких механизмов состоит в том, что лицу предоставляется субъективное право на одностороннее действие, и совершение этого действия автоматически порождает обязательные юридические последствия.

Таким образом, властный, принудительный характер многих предписаний проявляется не только в том, что они по цепочке связаны с охранительными предписаниями, содержащими правовые санкции (и энергия от них как бы волной распространяется по всей цепочке), но и в том, что имеются внутренние механизмы, действие которых автоматически порождает обязательные юридические последствия и, следовательно, функционирование других норм цепочки.

Необходимо обратить внимание и на следующее существенное обстоятельство.

Неисполнение юридических обязанностей отличается многими особенностями, с которыми сопряжено своеобразие применяемых к правонарушителю государственно-принудительных мер¹. Поэтому, подробно регламентируя поведение участников общественных отношений, законодатель, как правило, здесь же не указывает на конкретные меры государственно-принудительного воздействия, а большей частью отсылает к особо формулируемым охранительным нормам, причем нередко к нормам, содержащимся в иных, кодифицированных, актах, специально посвященных тем или иным видам юридической ответственности, в которых содержится указание не только на меры государственно-принудительного воздействия, но и на условия их применения².

¹ Этого не учитывают авторы, полагающие, что правоохранительные нормы не обособляются в правовой системе и что лучше говорить о регулятивной и правоохранительной функциях «каждой нормы» (см.: Марксистско-ленинская общая теория государства и права: Социалистическое право. С. 261—262).

² Даже в тех очень редких случаях, когда законодатель непосредственно в тексте акта соединяет нормативное положение регулятивного характера с указанием государственно-принудительных мер, при более тщательном анализе оказывается, что данное указание представляет собой самостоятельное охранительное предписание.

Вот пример. В нормативных положениях ст. 94 КоБис РСФСР, регламентирующей порядок уплаты алиментов неисправными плательщиками, на первый взгляд имеются все «три элемента», причем последняя фраза текста ст. 94 начинается со слов «в случае невыполнения этой обязанности...». Санкция? Да, санкция. Но все дело в том, что и здесь она образует самостоятельное охранительное предписание. В статье говорится: «В случае невыполнения этой обязанности на виновных должностных лиц может быть наложен штраф в порядке и размере, установленных статьей 394 Гражданского процессуального кодекса РСФСР». Иными словами, и в данном случае для обеспечения регулятивной семейно-правовой нормы используется особое охранительное предписание, содержащееся в ГПК РСФСР; в цитированном тексте прямо указывается на смысл его обособления (в норме ст. 394 ГПК регламентированы «порядок и размер» наложения штрафа).

Отдельные специализированные предписания, которые, казалось бы, можно рассматривать лишь в виде «части нормы», на самом деле представляют собой *самостоятельные нормативные обобщения*. Законодатель не может просто «разорвать» единое нормативное предписание, разбить его по разным подразделениям текста акта. Если из содержания нормативного положения выводится какой-либо момент, то он непременно возводится в самостоятельное нормативное веление.

В КЗоБСО РСФСР 1926 г. основания и порядок расторжения брака регламентировались одним нормативным положением: «Брак прекращается смертью одного из супругов, а равно признанием его умершим в нотариальном или судебном порядке» (ст. 17). В новом Кодексе порядок расторжения брака выделен законодателем в отдельную статью (ст. 32). Это не часть единой нормы, а новое, особое, самостоятельное предписание, которое в качестве общего принципа устанавливает судебный порядок и, в виде исключения, иной порядок: «Расторжение брака производится в судебном порядке, а в случаях, предусмотренных статьями 38 и 39 настоящего Кодекса, — в органах записи актов гражданского состояния»¹.

6. Для нормы-предписания характерна *типическая структура*, выражающая жесткий закон организации ее содержания.

В норме-предписании следует различать два элемента:

а) *гипотезу* — часть нормы, указывающую на условия (фактические обстоятельства), при наступлении или ненаступлении которых норма вступает в действие. В регулятивных предписаниях к числу ус-

К тому же приведенное выше нормативное положение не только отсылает к охранительной норме ГПК, но и регламентирует существенные условия применения ответственности (она возлагается на *виновных* должностных лиц, она лишь *может быть* возложена по решению компетентного органа и др.).

¹ Концепция, сводящая структуру норм только к трехчленной схеме, помимо прочего, обедняет наши представления о праве. Если попытаться разложить все содержание права по нормам с «тремя элементами», то это приведет не только к исчезновению многих важных моментов в содержании регулирования, но и к устранению из права всех законодательных обобщений, выражающих достижения правовой культуры. Право окажется состоящим из описательных, повторяющихся формул, лишенных того влияния науки и результатов объективного процесса специализации, которые ему свойственны в настоящее время. Прав А.Ф. Черданцев, заметивший, что «созданная а priori трехчленная структура правовой нормы не выдержала натиска «живых» норм права» (*Черданцев А.Ф. Специализация и структура норм права // Правоведение. 1970. № 1. С. 43*). Впрочем, к такому результату указанную теорию привело стремление абсолютизировать трехчленную схему. Верная для характеристики логических норм, т.е. первичных связей в идеальной структуре права, выражающей его государственно-властные свойства, эта схема непригодна для анализа реальных частиц правовой системы, отличающейся высоким уровнем специализации.

ловий относятся в большинстве случаев такие юридические факты, как правомерные действия субъектов, юридические события. В охранительных предписаниях условием является то или иное нарушение правовых обязанностей — правонарушение;

б) *диспозицию (санкцию)* — часть нормы, указывающую на юридические последствия, которые наступают при наличии предусмотренных нормами условий. В регулятивных предписаниях эта часть нормы называется диспозицией; она образует содержание самого правила поведения, указывает на права и обязанности, которыми наделяются участники регулируемого отношения. В охранительных предписаниях рассматриваемая часть носит название санкции; она указывает на государственные-принудительные меры, применяемые к правонарушителю.

Эти две части нормы-предписания являются ее *обязательными элементами*. Их единство выражает тот закон связи, который присущ внутренней организации юридической нормы, придает ей качество цельного первичного звена правовой системы: предписать, не указывая на содержание предписываемого веления и на условия его действия, невозможно¹.

Положению о двучленной структуре нормативного предписания принадлежит существенное теоретическое и практическое значение. Это положение учитывает действительный уровень развития нашего права, свойственную ему специализацию содержания, различие функций, выполняемых его подразделениями. «Теория строения правовых норм, принимающая во внимание их функции, специализацию и дифференциацию, наиболее адекватно отражает структуру реально существующих норм права»². Указанное положение «работает» как раз применительно к первичному звену советской правовой системы: не превращая предписание в бесструктурное образование, оно сводит число элементов к минимуму (только два!) и тем самым подчеркивает конечность, своего рода физическую неделимость этого исходного подразделения структуры.

¹ А.Ф. Апт и А.А. Кененов утверждают, что мысль о двучленной структуре реальных норм права якобы «ведет к тому, что в правовую материю оказывается включенным многое из того, что в законодательстве содержится, но правом не является, — призывы, пожелания, советы, обращения и т.п. При этом значение правовой нормы может быть придано и ненормативным предписаниям» (Вестник МГУ. Сер. «Право». 1973. № 3. С. 53). Но почему «ведет», может быть, «придано»? Авторы не приводят аргументов в пользу этого соображения. Да они вряд ли могут быть приведены, если учесть особенность и структурные черты нормативных предписаний, о которых правильно пишут сами авторы (см. там же).

² *Черданцев А.Ф.* Специализация и структура норм права // Правоведение. 1970. № 1. С. 46.

Вывод о двучленной структуре норм-предписаний правильно ориентирует законодателя, нацеливает его на то, чтобы четко формулировать в каждой норме-предписании два обязательных элемента — условие (гипотезу) и правовое последствие (диспозицию, санкцию). А это позволяет с предельной полнотой и ясностью регламентировать все стороны, все нюансы прав и обязанностей, правовых последствий, фактов, с которыми они связаны, и т.д.

Вывод о двучленной структуре норм-предписаний правильно ориентирует и практических работников. Этот вывод требует, чтобы они при анализе правовых предписаний, не упуская из поля зрения взаимной связи предписаний (логической нормы), находили в каждом из них как условия, так и правовые последствия и, следовательно, с наибольшей полнотой и определенностью выявляли их содержание.

Весьма симптоматично, что если попытаться свести структуру первичного звена правовой системы только к трехчленной схеме (логическим нормам), то это приведет к выпадению из сферы анализа существенных моментов данного содержания. Так, ряд предписаний, закрепленных в ст. 107 ГК РСФСР, которая посвящена прекращению права личной собственности на жилые дома (сверх одного), по своему главному содержанию вписывается в трехчленную схему и потому может быть изложен по формуле: «если... то... а в противном случае». Такую логическую операцию можно и нужно сделать для раскрытия государственно-властной природы указанных предписаний. Но при этом предписания предельно упрощаются, их содержание утрачивает множество существенных моментов, в том числе: а) последствия, предусматриваемые приведенной статьей, наступают и в случае, если жилые дома окажутся в собственности супруга лица и его несовершеннолетних детей, б) дома должны поступить в собственность «по основаниям, допускаемым законом», в) собственник вправе оставить у себя любой из домов по своему выбору, г) годичный срок для добровольного отчуждения исчисляется со дня возникновения права собственности на второй дом, д) вырученные от продажи суммы после возмещения расходов, связанных с принудительной продажей, передаются бывшему собственнику, и др.

Рассмотрение же содержания ст. 107 ГК РСФСР в соответствии с реальной структурой нормативных предписаний (т.е. при разграничении каждого из них только на два элемента) дает возможность выявить и проанализировать все стороны и оттенки соответствующего государственно-правового установления, в частности, и выраженный в этих предписаниях общий запрет, и регулятивные обязывающие

нормы, и регулятивные управомочивающие нормы, и охранительные предписания — все детали и тонкости, которые имеют первостепенное значение на практике при решении юридических дел. Двучленная структура ярко выражена в содержании большинства разновидностей нормативных велений. Нередко она находит и адекватное словесно-грамматическое изложение непосредственно в тексте нормативного акта¹.

Вместе с тем углубление специализации советского права приводит к известной трансформации двучленной структуры нормативных предписаний. Здесь можно отметить два характерных явления, органически взаимосвязанных.

Во-первых, отдельные дробные нормативные предписания становятся настолько специализированными, что по своему строению, казалось бы, теряют черты двухэлементной структуры. Таковы, в частности, нормы-дефиниции, закрепляющие определения понятий, нормы-принципы, например: «обвиняемый имеет право на защиту» (ст. 19 УПК РСФСР), «земля в СССР состоит в исключительной собственности государства и предоставляется только в пользование» (ст. 3 Основ земельного законодательства Союза ССР и союзных республик). В виде внешне бесструктурных предписаний формулируются запреты, общие права и обязанности граждан СССР.

Во-вторых, по мере углубления специализации гипотезы нередко как бы выводятся из содержания определенной группы предписаний и формулируются в виде отдельных норм². Таковы, в частности, предписания, определяющие правовое положение тех или иных субъектов. Когда, например, в ст. 24 КоБис РСФСР говорится, что «правила настоящей статьи применяются в равной мере к супругам — членам единоличного крестьянского двора», то здесь, в сущности, регламен-

¹ Интересный анализ структуры юридической нормы с точки зрения современной, деонтической логики проделал А.А. Эйсман. На обширном фактическом материале автор убедительно обосновал вывод, в соответствии с которым нормативное предложение состоит только из двух частей: гипотезы и диспозиции. «Нормативное предложение представляет сложное предложение, состоящее из двух логически однородных частей. Только вторая его часть является собственно «побуждением» (Эйсман А.А. Вопросы структуры и языка уголовно-процессуального закона // Вопросы борьбы с преступностью. Вып. 15. М.: Юрид. лит., 1972. С. 74).

² Это обстоятельство правильно подмечено в литературе: «Во многих случаях, когда группа статей устанавливает однородные по своему характеру правовые нормы, общая гипотеза излагается в одной статье, представляющей собой самостоятельную норму, а в других статьях излагаются различного рода предписания, которые должны осуществляться при наличии условий, заключенных в изложенной статье» (Общая теория советского права. С. 199).

тируется субъектный состав данных правоотношений. В гражданском законодательстве самостоятельную нормативную регламентацию получает заключение договоров (см., в частности, ст. 153–158 ГК УССР) – важнейшее обстоятельство, с которым закон связывает возникновение гражданских правоотношений.

Не означает ли все это, что специализация права приводит к появлению бесструктурных нормативных предписаний? К такому мнению и склонились отдельные авторы¹. Однако вряд ли оно справедливо.

Нет ни одного нормативного правового предписания, из содержания которого не следовала бы воля законодателя об условиях действия данного предписания. Эти условия могут быть всеобщими либо могут сводиться к указанию на субъектный состав (граждане СССР, суд и т.д.), но они непременно существуют, что так или иначе отражается в содержании юридической нормы². Даже в случаях, когда, казалось бы, гипотезы «выводятся» из содержания определенной группы норм и образуют самостоятельные предписания, на самом деле они не полностью покидают данную группу норм, продолжают «присутствовать» в ней (например, указывается на вид субъектов, на то, что в данном случае речь идет о договоре, и т.д.).

Положение об универсальности двучленной структуры права имеет не только теоретическое значение (типичность структуры предписаний – показатель того, что все они качественно однородные, исходные, внутренне организованные звенья правовой системы), но и су-

¹ Например, А.С. Пиголкин пишет: «Гипотеза – возможный, но вовсе не необходимый элемент норм положительного регулирования. Могут быть и такие нормы, осуществление которых не связано с конкретными обстоятельствами, практически возможно при любых условиях» (*Пиголкин А.С. Теоретические проблемы правотворческой деятельности в СССР: Автореф. дис. ... докт. юрид. наук. С. 24*).

² А.А. Эйсан проанализировал с позиций деонтической логики структуру ряда нормативных предписаний, внешне лишенных признаков двучленной структуры, в том числе структуру нормативных дефиниций. Так, рассматривая логическую природу определения доказательства (ст. 69 УПК РСФСР), он пишет: «Неопределенность, конфликтная ситуация, столкновение интересов могут быть обусловлены прежде всего разным истолкованием самого понятия доказательства. И поэтому нормативное предложение должно нести информацию, способную устранить неопределенность именно в самом определении доказательства. Упоминание субъектов и адресатов здесь излишне, так как это определение для всех совершенно одинаково, не зависит от их положения и места в процессе» (*Вопросы борьбы с преступностью. Вып. 15. С. 86*). Знаменателен заключительный вывод, к которому пришел автор: «Создается впечатление, что деонтическая (нормативная) логика в ее нынешнем состоянии недостаточно универсальна. Ее аппарат в основном приспособлен для анализа двухместных отношений («обязан» – «вправе»). Между тем для интерпретации нормативных определений, полномочий и других правовых явлений такой подход, возможно, обедняет правовой язык» (С. 99).

шественное значение для практики применения юридических норм. В каждом случае применения специализированного предписания необходимо четко представлять те условия, при наличии которых оно действует. Если, например, данное предписание распространяется на всех граждан СССР, то это тоже важное условие действия нормы, выраженное в ее гипотезе: субъектами являются *только* граждане СССР, причем *все* граждане СССР, и т.д.

7. В содержании и характере элементов нормативного юридического предписания (гипотезы, диспозиции или санкции) проявляется не только дифференциация юридических норм, выражающая процесс специализации, но обусловленная этим же процессом известная *интеграция* нормативного материала.

Нужно прежде всего отметить существование таких норм, которые выражают целый ряд соединенных при их формулировании условий действия и моментов, характеризующих их содержание. Так, в ст. 76 КоБиС РСФСР в одном предписании регламентируются не только размер алиментов, взыскиваемых на нетрудоспособных совершеннолетних детей, но и принцип взыскания, и его порядок, и периодичность взыскания. В ней говорится: «Размер алиментов, взыскиваемых с родителей на нетрудоспособных совершеннолетних детей, нуждающихся в помощи, определяется судом, исходя из материального и семейного положения родителей и нуждающихся в помощи детей, в твердой денежной сумме, выплачиваемой помесечно».

Гипотезы, диспозиции и санкции норм могут быть не только простыми, но и сложными, альтернативными. В одном и том же нормативном предписании может содержаться указание на несколько в совокупности или альтернативно действующих условий либо правовых последствий (см., например, ст. 17 и 18 Основ законодательства Союза ССР и союзных республик о труде, ст. 30 КоБиС РСФСР и т.д.). В частности, при поставке недоброкачественной продукции поставщик обязан возвратить полученные суммы, уплатить штрафные санкции, возместить убытки и принять обратно бракованную продукцию.

Сложными по своему содержанию являются диспозитивные нормы. В них органически сочетаются два самостоятельных предписания: одно – предоставляющее сторонам возможность самим установить условия своего поведения, другое – на тот случай, если стороны не урегулировали данный вопрос.

Существование такого рода многогранных, сложных, альтернативных, соединенных элементов нормативного предписания достойно серьезного внимания во многих отношениях. Оно отражает наличие

в содержании нормативных постановлений действующего права таких предпосылок, которые при дальнейшем углублении специализации права могут привести (и в ряде случаев действительно приводят) к формированию новых, обособленных нормативных предписаний. Нетрудно, например, представить возможность дифференциации содержания нормы ст. 76 КоБиС на ряд самостоятельных нормативных положений. Интересно, что в Кодексе торгового мореплавания Союза ССР возможность сторон самостоятельно устанавливать условия своего поведения обособлена в отдельные нормы, т.е. в порядке нормативного обобщения выделено одно из двух «связанных» предписаний диспозитивных норм. В ряде глав Кодекса имеется норма: «Правила, содержащиеся в данной главе, применяются в тех случаях, когда соглашением сторон не установлено иное» (например, ст. 168, 179, 188, 195 и др.).

Но не это главное, что хотелось бы отметить по рассматриваемому вопросу. Существование указанных выше гипотез, диспозиций, санкций выражает в ряде случаев интеграцию нормативного материала. Нередко законодатель и не стремится дифференцировать нормативные положения, а, напротив, ставит задачу в какой-то мере объединить совпадающие предписания, интегрировать их. Запомним это обстоятельство. Отсюда тянется ниточка к обобщающим структурам, в частности ассоциациям юридических норм.

2. Разновидности нормативных предписаний. Ассоциации предписаний

1. Нормативные юридические предписания (нормы) подразделяются на ряд разновидностей.

Вопрос о видах юридических норм можно рассматривать как проблему классификационного порядка (установление логически стройных классификационных подразделений, единых оснований деления и т.д.). Однако необходимо иметь в виду, что в основе всех классификационных построений лежит реальная структура советского права, объективное деление юридических предписаний по группам.

Разновидности юридических норм — это выражение структуры советского права на уровне его первичного звена (предписаний).

На деление юридических норм по видам оказывает влияние большое число системообразующих факторов. Именно здесь с наибольшей отчетливостью и полнотой проявляется специализация права, необходимость максимально определенного, детализированного регламентирова-

ния общественных отношений, закрепления достижений юридической культуры. В зависимости от объема и сферы действия обособляются разновидности специальных норм — исключительные, временные и др.

Многообразие системообразующих факторов, влияющих на подразделение юридических норм по видам, не должно заслонять того обстоятельства, что главную роль среди этих факторов играют условия и обстоятельства, имеющие глубинное, социально-политическое содержание. Хотя подразделение предписаний на виды и относится к микроструктуре права, здесь проявляется зависимость структуры права от социальных особенностей правового регулирования в социалистическом обществе. Эта зависимость состоит в том, что первое место среди факторов, влияющих на группировку юридических норм, принадлежит *функциям советского права*.

Функции советского права предопределяют главное деление юридических норм — на *регулятивные* (позитивного регулирования) и *правоохранительные*. Регулятивными являются предписания, непосредственно направленные на установление определенного варианта поведения путем предоставления участникам общественного отношения позитивных субъективных прав и возложения на них позитивных юридических обязанностей. Правоохранительные — предписания, направленные на определение поведения субъектов путем регламентации мер государственно-принудительного воздействия (санкций): их оснований, характера, объема.

По мере углубления специализации советского права к этим двум главным видам норм присоединяется третий — *специализированные предписания*: общие, дефинитивные, декларативные, оперативные, коллизионные.

Регулятивные и правоохранительные нормативные предписания образуют костяк, «тело» советского права. Они составляют преобладающую массу «клеточек», из которых на последующих уровнях структуры складываются правовые общности — институты, объединения институтов, отрасли, семьи отраслей.

Однако здесь нужно обратить внимание на следующее важное (в частности, для освещения последующих вопросов) положение. В связи с развитием процесса специализации регулятивные и правоохранительные предписания все более обособляются друг от друга. Объединяясь в самостоятельные общности (институты), они по большей части связываются между собой не непосредственно, а через соответствующие институты и даже отрасли. Вот почему в нормативных актах последнего времени регулятивные предписания не излагаются в непосредственной близости к правоохранительным. Более того, содер-

жащиеся в них отсылки к государственно-принудительным мерам даются подчас в общей форме («применяются меры административной, а в необходимых случаях уголовной ответственности»). Иначе говоря, регулятивные и правоохранительные предписания приобретают такие специфические свойства, которые делают их, условно говоря, несоединяемыми. А это значит, что формирование правовых общностей идет не по пути соединения тех и других предписаний (как следует из теории трехчленного строения нормы), а отдельно, по пути обособления регулятивных и правоохранительных институтов, их объединений.

2. Существенное значение для понимания структуры советского права имеет деление регулятивных норм на обязывающие, запрещающие и управомочивающие. Это деление также связано с функциями советского права.

Регулятивное правовое воздействие подразделяется на две самостоятельные функции — регулятивную статическую (закрепление господствующих общественных отношений) и регулятивную динамическую (оформление их движения, развития). Отсюда проистекают функциональные различия между обязывающими предписаниями, с одной стороны, управомочивающими и запрещающими — с другой. Указанные функциональные различия выражаются в характере содержания прав и обязанностей, устанавливаемых для субъектов соответствующими нормами, а именно:

обязывающие — это юридические нормы, устанавливающие обязанность лица совершать определенные положительные действия;

запрещающие — это юридические нормы, устанавливающие обязанность лица воздерживаться от действий известного рода (запреты);

управомочивающие — это юридические нормы, устанавливающие субъективные права с положительным содержанием, т.е. права на совершение управомоченным тех или иных положительных действий.

Первая из перечисленных разновидностей выражает действие регулятивной динамической функции, а две вторые — регулятивной статической функции.

С позиций структуры права в особом внимании нуждаются *запрещающие нормы*.

Запреты — необходимый, обязательный элемент социалистического правопорядка. С их помощью обеспечивается закрепление господствующих социалистических общественных отношений, определяются важнейшие стороны гражданской дисциплины, непреложный минимум нравственных требований, границы дозволенного и недозволенного в поведении.

Вместе с тем надо видеть, что характер запрещающих норм неодинаков и во многом зависит от особенностей регулятивного воздействия советского права.

Содержание советского права и практика его применения свидетельствуют о том, что (в различных пропорциях, сочетаниях) существует два основных порядка правового регулирования, один из которых может быть назван разрешительным, а другой — дозволительным.

Разрешительный — это такой порядок регулирования, в соответствии с которым в данной области отношений дозволяется только то, что прямо разрешено нормативными предписаниями.

Дозволительное же регулирование строится по противоположному принципу — дозволено все, что прямо не запрещено.

Применение того или иного порядка регулирования обусловлено особенностями регулируемых отношений, своеобразием социально-классовой, политической обстановки, этапом развития социалистического государства, развитием социалистической демократии. По мере успехов социалистического и коммунистического строительства в содержании советского права и права зарубежных социалистических стран возрастает удельный вес дозволительного регулирования (хотя значителен круг и таких общественных отношений, где требования строжайшей законности, государственной дисциплины определяют существенную ценность разрешительного регулирования).

От особенностей регулятивного воздействия зависят прежде всего основания, вызывающие к жизни запрещающие нормы, сам факт их реального бытия.

Дозволительное регулирование немыслимо без установления точно определенных, конкретизированных запрещающих предписаний (например, в области административного и финансового права — предписаний, определяющих недозволенные промыслы). Все иные действия, в частности промыслы, не указанные в установленном в законе перечне, признаются правомерными, дозволенными, хотя бы они в нормативных актах и не упоминались.

По-иному выглядят запреты при разрешительном регулировании. Здесь существующие в обществе правовые запреты обычно не формулируются в виде самостоятельных нормативных правовых предписаний. Сама по себе логика права при разрешительном регулировании не требует их обособления. Законодатель вводит запреты косвенно. Регламентируя содержание прав, предоставляемых субъектам, предусматривая юридическую ответственность за известное поведение, законодатель т е м с а м ы м совершенно точно определяет, что субъекту

дозволено, а что не дозволено, т.е. устанавливает запреты. Вот почему при разрешительном регулировании правовые запреты «растворены» в содержании управомочивающих норм.

Обособление запретов в виде самостоятельных предписаний при разрешительном регулировании обусловлено главным образом необходимостью усиления регулирующего и идеологического воздействия права, с тем чтобы с большей отчетливостью указать на социально-политическое содержание правовых установлений (таковы, в частности, запреты ст. 24, 63, 74, 75, 77 и др. КЗоТ РСФСР, вносящие большую четкость в охрану трудовых прав рабочих и служащих).

Существенно различаются и юридические функции запретов. При дозволителем регулировании запрещающие предписания обладают непосредственным юридическим действием. В сфере же отношений, где функционирует разрешительное регулирование, непосредственным юридическим действием наделены управомочивающие нормы (а все то, что ими не предусмотрено, то не дозволено, т.е. запрещено).

Насколько важно учитывать различие этих юридических функций запретов, свидетельствует юридическая практика. Так, дозволительный характер регулирования взят за основу судебными органами при решении вопроса о доказательствах, подтверждающих недействительность сделок. В определении Судебной коллегии по гражданским делам Верховного Суда СССР от 17 апреля 1970 г. по иску Э.Т. Гилиц к М.Э. Видуку отмечается, что «в законе не содержится запрета подтверждать показаниями свидетелей, как и другими средствами доказывания... фиктивность договора... если заинтересованное лицо обращается в суд с иском о признании договора недействительным по этому основанию»¹.

Но дело не только в особенностях запрещающих предписаний, их функциях в правовой системе. По-видимому, следует четко различать запрещающее предписание и запрет. Запрет по своим свойствам скорее является *принципом*², выраженным в совокупности запрещающих, а также охранительных и управомочивающих нормативных предписаний.

¹ Бюллетень Верховного Суда СССР. 1970. № 3. С. 33.

² Интересно, что в приведенном выше определении Судебной коллегии Верховного Суда СССР дозволения и запреты, выраженные в рассматриваемых порядках правового воздействия, охарактеризованы в качестве принципов регулирования. В нем говорится: «Содержащийся в ст. 17 Основ гражданского судопроизводства Союза ССР и союзных республик принцип, что отдельные обстоятельства могут быть установлены судом с помощью строго определенных средств доказывания, распространяется лишь на случаи, прямо предусмотренные законом (ст. 46, 287 ГК Латвийской ССР)» (Бюллетень Верховного Суда СССР. 1970. № 3. С. 34).

3. Необходимым элементом первичного звена социалистической правовой системы являются *специализированные нормы*.

Правда, специализированные нормы в отличие от регулятивных и охранительных носят дополнительный характер. Они не являются самостоятельной нормативной основой для возникновения правоотношений. При регламентировании общественных отношений они как бы присоединяются к регулятивным и правоохранительным нормам, образуя в сочетании с ними единый регулятор.

Но если рассматривать специализированные нормы с позиции структуры советского права, то их функции в правовой системе оказываются более существенными и значимыми. Рассматриваемые нормы – не только продукт глубокой функциональной специализации права, но и средство, при помощи которого выражается высокоразвитый характер советской правовой системы, «поддерживается» ее функционирование на этом уровне.

В первую очередь должны быть отмечены *специализированные нормы общего характера*:

общие закрепительные предписания (направленные на фиксирование в обобщенном виде определенных элементов регулируемых отношений);

декларативные нормативные положения (нормы, в которых сформулированы правовые принципы, а также задачи данной правовой совокупности);

дефинитивные нормативные положения (нормы, закрепляющие в обобщенном виде признаки данной правовой категории).

В литературе был высказан взгляд на то, что общие образования в праве являются по большей части выражением технико-юридических приемов. «Выделение в кодексе общей части, – пишет О.С. Иоффе, – весьма оправданный и практически удачный, но все же не более чем прием законодательной техники. Соответствующие нормы могли бы быть распределены по другим разделам кодекса с применением метода взаимных отсылок, хотя такой метод гораздо менее удобен, чем образование Общей части. Но самая возможность его применения свидетельствует о том, что эти нормы, как бы их ни группировать, юридических институтов не образуют, а входят в состав всех других институтов данной отрасли права или, по крайней мере, их большинства»¹.

¹ Иоффе О.С. Структурные подразделения системы права (на материалах гражданского права) // Ученые записки ВНИИСЗ. Вып. 14. С. 48–49.

Конечно, по своему происхождению (генетически) нормы общих частей кодексов, все иные общие подразделения коренятся в конкретных правовых институтах, представляют собой чаще всего «выведенные за скобки» единые повторяющиеся моменты в их содержании и в этом смысле имеют производный характер. Верно также, что формулирование общих норм связано с применением средств и приемов юридической техники. Однако общие нормы – не только «удачный прием юридической техники». Они являются *выражением нормативных обобщений в праве*, придающих системе новое качество, показателем уровня ее интеллектуального, «конструктивного» содержания. Если попытаться распределить общие нормы по конкретным институтам, то это повлечет за собой не простое перемещение нормативных положений, а во многих случаях устранение их общего характера и, следовательно, обеднение содержания права, утрату им качества, присущего развитой правовой системе¹. Вот почему некоторые общие нормы совершенно не поддаются распределению по конкретным институтам (например, нормы, определяющие круг регулируемых данным кодексом отношений, нормы-принципы, нормы о правосубъектности и др.).

По сути дела общие нормы представляют собой такие подразделения правовой системы, в которых реально воплощается существование правовых общностей. Будучи составной частью первичного звена права, они в то же время являются носителями особенностей структурных общностей – правовых институтов, их объединений, отраслей права.

Именно общие нормы выражают процесс интеграции правового материала. Выполняя функцию «цементирующего средства» в структуре права, они своим содержанием выявляют юридическое своеобразие правовых общностей и, следовательно, сам факт реального существования подразделений следующих, более высоких уровней.

Обособляя структурные общности в системе права, общие нормы вместе с тем выполняют и иную функцию. Они представляют собой реальные нормативные предписания, выполняющие регулятивные функции.

В большинстве случаев общие нормы действуют в сочетании с конкретными предписаниями². Как правильно подметил В.Н. Кудрявцев,

¹ Надо заметить, что простое перемещение общей нормы из общей части кодекса в главы, регламентирующие конкретный институт (с применением метода взаимных отсылок), действительно, неудачный технико-юридический прием. Но в этом случае общая норма остается и не растворяется в конкретных институтах, не входит в их состав. Для того чтобы войти в состав конкретных институтов, она должна быть «расформирована» как общая для отрасли или подотрасли и представлена в виде конкретизированного предписания, вписывающегося в содержание и структуру данных институтов.

² См.: Дурманов Н.Д. Советский уголовный закон. С. 73, 109–110.

«более абстрактные и более конкретные правила поведения в современных условиях сосуществуют одновременно, представляя собой довольно сложную систему»¹.

Вместе с тем юридическая практика свидетельствует о том, что возможно и самостоятельное применение общих норм, которое хотя и связывается с конкретными предписаниями, но связывается по-особому: компетентные (судебные) органы ссылаются на них, обосновывая *неприменение* конкретных норм. Так, в определении Судебной коллегии по уголовным делам Верховного Суда СССР от 22 апреля 1965 г. по делу Мамедова недопустимость возложения уголовной ответственности обосновывается ссылкой на общие положения ст. 3 Основ уголовного законодательства Союза ССР и союзных республик. По делу было установлено, что Мамедов, в прошлом руководящий работник, рекомендовал на должность кладовщика Багирова, который затем совершил хищения. Верховный Суд Азербайджанской ССР осудил Мамедова за злоупотребление служебным положением, указав в приговоре на то, что в результате действий Мамедова, связанных с назначением на должность кладовщика, наступили тяжкие последствия — хищения крупных сумм. «Между тем, — говорится в определении после ссылки на ст. 3 Основ, — Мамедов никаких общественно опасных деяний не совершил. Осуждение же его за те последствия, которые наступили в результате преступных действий Багирова, с которым, как установлено приговором, Мамедов в преступной связи не состоял, является объективным вменением, чуждым советскому уголовному праву»².

Интересно, что иногда нормативные предписания, включенные в общую часть, имеют в правовой системе непосредственное регулятивное значение даже в том случае, когда они представляют собой относительно конкретизированные нормативные положения. Так, по одному из судебных дел областной суд оставил без рассмотрения иск нескольких граждан к министерству о внедрении предприятием их изобретения. Суд обосновал такое решение тем, что требование об установлении факта внедрения изобретения может быть рассмотрено в судебном порядке только в том случае, если одновременно будет заявлено требование о выплате авторского вознаграждения. Этот довод Верховный Суд РСФСР признал неправильным. Аргументируя свое мнение, Верховный Суд, однако, сослался не на нормативные положения изобретательского права, а на норму общей части гражданского права.

¹ Кудрявцев В.Н. Две книги об уголовном законе // Советское государство и право. 1969. № 10. С. 160.

² Бюллетень Верховного Суда СССР. 1965. № 4. С. 18.

В определении от 19 января 1970 г. Судебная коллегия по гражданским делам Верховного Суда РСФСР указала: «Установление факта применения изобретения или рационализаторского предложения предприятием — способ защиты личных прав автора, внесшего предложение, а поэтому такой спор на основании ст. 6 ГК РСФСР подлежит судебному рассмотрению независимо от того, предъявлено ли требование о взыскании авторского вознаграждения»¹.

4. Углубление специализации советского права состоит не только в расширении функциональной дифференциации юридических норм, но и в повышении удельного веса в праве *конкретизирующих* нормативных предписаний.

Необходимость четкого всестороннего регламентирования данных отношений, предусматривающего особенности конкретной фактической ситуации, ведет к тому, что законодатель наряду с основной нормой формулирует предписания, которые призваны уточнить отдельные стороны и детали регулирования, его особенности в зависимости от конкретных фактических обстоятельств.

В качестве примера можно привести предписания, содержащиеся в ст. 68 КоБис РСФСР, устанавливающей размер алиментов, взыскиваемых с родителей на несовершеннолетних детей. В ч. 1 этой статьи дано общее решение вопроса о размере алиментов (на одного ребенка — одна четверть, на двоих детей — одна треть, на троих и более детей — половина заработка родителей). Но в ч. 2 и 3 той же статьи предусматривается возможность уменьшения размера алиментов в ряде случаев, в частности, если родитель, с которого взыскиваются алименты, является инвалидом первой или второй группы, если дети работают и имеют достаточный заработок.

Развитие специализации права состоит, помимо иных моментов, в том, что регулятивные, правоохранные, общие предписания обрастают конкретизирующими положениями, и, таким образом, на базе каждой из указанных разновидностей постепенно формируются самостоятельные правовые общности (а это, кроме всего прочего, и «отдаляет» регулятивные и охранительные предписания друг от друга).

Необходимость детализированного правового регулирования, учитывающего особенности фактических ситуаций, обеспечивается не только изданием конкретизирующих нормативных предписаний. Этой же цели служит индивидуальное поднормативное регулирование, осуществ-

¹ Бюллетень Верховного Суда РСФСР. 1970. № 11. С. 2.

ляемое компетентными органами в процессе применения права, в частности судом.

Нормативная и правоприменительная конкретизация в праве тесно взаимосвязаны. Нередко законодатель закрепляет в конкретизирующих нормах те правовые положения, которые были выработаны юридической (судебной) практикой. Таковы, например, многие конкретизирующие нормы, которые предусмотрены в КоБис РСФСР: они первоначально функционировали в виде неписаных правовых положений и правоприменительных норм, содержащихся в постановлениях Пленума Верховного Суда СССР.

Более того, конкретизирующие нормы нередко одновременно являются ситуационными¹, т.е. предписаниями, предусматривающими такой порядок, при котором учет конкретной ситуации осуществлялся правоприменительным органом. Так, фактические обстоятельства, указанные в ч. 2 и 3 ст. 68 КоБис РСФСР, действуют не сами по себе, не автоматически: закон предусматривает, что размер алиментов «может быть уменьшен судом, если...»; «суд вправе уменьшить размер алиментов или освободить от уплаты, если...».

Конкретизирующие нормативные предписания разнородны. По особенностям своего содержания они могут быть подразделены на две основные группы:

а) *детализирующие предписания* (Д-предписания) — нормы, дающие конкретизированное решение определенной детали регулирования, которая относится либо к гипотезе, либо к диспозиции нормы. Д-предписанием, например, является норма ст. 70 КоБис РСФСР, регламентирующей порядок установления видов заработка, который подлежит учету при взыскании алиментов;

б) *вариантные предписания* (В-предписания) — нормы, рассчитанные на регулирование в соответствии с основным нормативным положением в специфических ситуациях, особых условиях. Приведенные ранее конкретизирующие нормы ч. 2 и 3 ст. 68 КоБис РСФСР и есть именно В-предписания: для их применения необходимы особые факты — инвалидность плательщика алиментов и др. Нетрудно заметить, что с индивидуальным регулированием, осуществляемым в процессе применения права, связаны главным образом В-предписания.

В отдельных отраслях права конкретизирующие предписания имеют существенные особенности. Так, в уголовном праве В-предписа-

¹ О ситуационных нормах см.: *Комиссаров К.И.* Судебное усмотрение в советском гражданском процессе // Советское государство и право. 1969. № 4. С. 51.

ния, как правило, представляют собой «варианты», связанные с наличием определенных квалифицирующих признаков, главным образом со степенью общественной опасности.

В статьях Особенной части республиканских Уголовных кодексов они так и формулируются: «те же действия», «то же деяние». Вслед за этим указываются квалифицирующее обстоятельство и особая санкция. Обычно вторая, третья и следующие части той или иной статьи УК — это формулировки В-предписаний (детализирующие же предписания нередко помещаются в примечаниях к статьям)¹.

5. Существование конкретизирующих нормативных предписаний не привлекло достаточного внимания в нашей юридической литературе. Между тем они не только выражают один из видов специализации советского права, но и характеризуют особую группу первичных связей в правовой материи и, что еще более важно, *начальные образования, лежащие в основе последующих уровней структуры права — правовых институтов.*

Изучение содержания нормативных актов показывает, что конкретизирующие предписания нередко соединяются в «связки». Например, за основной нормой может следовать конкретизирующее предписание, которое в свою очередь может получить дальнейшую конкретизацию, и т.д. Вот как, например, выглядит «связка» предписаний, содержащихся в ст. 45 КоБис РСФСР:

основная норма — в случае, когда несовершеннолетнему не был снижен брачный возраст, брак с ним может быть признан недействительным (если этого требуют его интересы);

Д-предписание — признания брака недействительным по такому основанию могут требовать несовершеннолетний супруг, его родители или опекун (попечитель), органы опеки и попечительства, прокурор;

В-предписание (причем только к предшествующему детализирующему) — если же к моменту рассмотрения дела несовершеннолетний супруг достиг совершеннолетия, требовать признания брака недействительным (при таком особом варианте) могут лишь сам несовершеннолетний либо прокурор, но не родители или органы опеки и попечительства.

Такого рода «связки» норм могут быть весьма сложными, многозвеньевыми. Например, норма ст. 446 ГК РСФСР («ответственность за вред,

¹ В.Н. Кудрявцев отмечает, что выделение специальных норм в уголовном праве обусловлено необходимостью «уточнить, конкретизировать степень... общественной опасности и соответственно предусмотреть санкцию строже или мягче, чем в общей норме» (Кудрявцев В.Н. Общая теория квалификации преступлений. С. 248).

причиненный действиями должностных лиц в области административного управления») является В-предписанием по отношению к более общей норме ст. 445; но к ней в свою очередь имеется В-предписание, изложенное в ст. 447 ГК («ответственность за вред, причиненный должностными лицами органов дознания, следствия, прокуратуры и суда»)¹.

В ряде случаев за основной нормой следуют не одно, а несколько Д-предписаний, каждое из которых подчас имеет свои ответвления (см., например, ст. 155–156 КЗоТ РСФСР)².

Но главное – не в количестве и разнородности звеньев описываемых «связок», а в том, что в этих «связках» нередко вырисовывается некоторая общность предписаний, своего рода *ассоциации норм*. В результате интеграций нормативного материала, с неизбежностью сопровождающей его дифференциацию (конкретизацию), законодатель объединяет конкретизирующие предписания и с этой целью, в частности, формулирует обобщающие положения, которые условно можно назвать *генеральными предписаниями (Г-предписаниями)*.

Таковыми генеральными нормами являются, например, упомянутое выше основное предписание ст. 445 ГК РСФСР, основное предписание о размере алиментов в ч. 1 ст. 68 КоБиС РСФСР, основное предписание о признании брака недействительным, если он заключен с несовершеннолетним лицом, – ст. 45 КоБиС. Генеральной нормой в «связке», которая регламентирует перевод на более легкую работу, является предписание ст. 155 КЗоТ, устанавливающей соответствующую обязанность администрации. Г-предписание и выражает некоторое единство всей «связки» норм.

Весьма интересно, что ассоциации норм, будучи целостным образованием, имеют свой закон связи, своеобразную структуру. Типическое структурное построение ассоциации норм таково: Г-предписание + В-предписание + Д-предписание. Встречается и иное соотношение (например, после Г-предписания сразу же следует Д-предписание, в частности, нормативные положения, содержащиеся в ст. 77 КоБиС РСФСР).

Особую разновидность ассоциаций норм образуют такие их комплексы, которые соединяют конкретизирующие предписания, группирую-

¹ См.: *Илларионова С.Т.* Общее и особенное в обязательствах, возникающих на основании ст. 445, 446, 447 ГК РСФСР // Сборник ученых трудов СЮИ. Вып. 18. Свердловск, 1972. С.101–107. Автор правильно указывает на то, что в предписаниях приведенных статей ГК содержится одна «структурная модель» (С. 101–102).

² В.Н. Кудрявцев показал, что в уголовном праве «смежные составы нередко образуют друг с другом довольно длинные «цепочки» (группы)» (*Кудрявцев В.Н.* Общая теория квалификации преступлений. С. 149).

щиеся вокруг правового запрета. Дело в том, что в некоторых случаях формулирование запрета требует установления границ его действия. Поэтому вслед за предписанием-запретом вводится исключительная норма, которая в свою очередь сопровождается конкретизирующими предписаниями¹. Так, в ч. 1 ст. 63 КЗоТ РСФСР закреплен запрет: «Работа в выходные дни запрещается». Однако столь общее и категорическое формулирование запрета потребовало, чтобы в ч. 2 той же статьи были указаны порядок и основания тех исключительных случаев, когда возможно привлечение отдельных рабочих и служащих к работе в выходные дни. А уже эта исключительная норма конкретизируется в Д-предписании ч. 3 ст. 63, устанавливающим, помимо иных условий, что такого рода привлечение к работам в выходные дни производится лишь по письменному приказу (распоряжению) администрации предприятия.

Первичные ассоциации норм отличаются от правовых институтов тем, что, как и отдельные нормы, ассоциации носят в общем единичный характер. Это — общность не равноправных предписаний, а скорее одна основная норма со «свитой» сопровождающих ее конкретизирующих предписаний.

В то же время именно с ассоциации «все начинается» в структуре права. Ассоциации — ростки, из которых при наличии необходимых условий формируются устойчивые правовые общности — правовые институты, ростки, которые появляются нередко в результате прямого восприятия законодателем правоположений, вырабатываемых в юридической практике. В них непосредственно ощущаются пульс разнообразных жизненных отношений, потребности практики, накопившийся опыт правоприменения².

И еще одно обстоятельство следует отметить. Существование ассоциаций норм дает основание для того, чтобы с новых позиций подойти к некоторым вопросам юридической техники.

¹ Как показал А.А. Эйман, «исключение из правил представляет собой особое правило, действующее в тех условиях, в которых не действует основное» (Вопросы борьбы с преступностью. Вып. 15. С. 84).

² Вместе с тем развитие конкретизирующих предписаний может пойти и иным, своим путем. В ряде случаев специальные нормы служат отправной точкой для формирования самостоятельных специфических образований. «Зачастую, — пишет В.Н. Кудрявцев, — вновь образуемая специальная норма приобретает дополнительные признаки, характеризующие данный вид преступления гораздо полнее, чем общая норма, так что этот новый состав весьма существенно выходит за ее пределы. При этом специальная норма выступает как комплексное образование и уже может быть отграничена от прежней общей нормы по ряду признаков как смежная с ней» (Кудрявцев В.Н. Общая теория квалификации преступлений. С. 257).

В предшествующем изложении было показано, что отдельное нормативное предписание соответствует, как правило, не статье нормативного акта в целом, а лишь ее подразделению (части, абзацу, пункту). Какова же в таком случае роль статьи в целом? Исходя из приведенных выше теоретических положений, следует думать, что *статья нормативного акта — это типическая форма выражения и закрепления ассоциации нормативных предписаний*. Изучение структуры кодифицированных нормативных актов, изданных в последние годы, свидетельствует о том, что статьи во все большей степени используются законодателем для группировки правовых предписаний, т.е. в систематизационных целях.

Если принять в виде общего правила юридической техники требование, в соответствии с которым отдельные нормативные предписания должны закрепляться в самостоятельных частях или абзацах статьи, а статья выступать в качестве средства закрепления правовых ассоциаций (там, разумеется, где для этого есть необходимый нормативный материал), то такое требование, по всей видимости, позволит добиться большего совершенства нормативных актов, придать их структуре научно обоснованный, логически заверченный характер. Статьи нормативных актов еще в большей мере, чем сейчас, явятся технико-юридическим средством, при помощи которого на основе потребностей общественного развития происходит «выплавка» первичных звеньев структуры советского права.

6. Некоторые нормативные положения, содержащиеся в кодифицированных актах, имеют характер *вторичных* предписаний.

Так, в ст. 42 Основ законодательства Союза ССР и союзных республик о здравоохранении указывается на возможность освобождения от работы матери или другого члена семьи для ухода за ребенком. В ст. 51 тех же Основ устанавливается, что судебно-медицинская и судебно-психиатрическая экспертизы производятся по постановлению лица, производящего дознание, следователя, прокурора, а также по определению суда.

На первый взгляд и в том и в другом случаях перед нами воспроизведение норм трудового и уголовно-процессуального права в комплексном акте. Конечно, содержание соответствующих предписаний коренится в нормативном материале указанных отраслей. Но можно ли считать их простым воспроизведением уже существующего, не вносящими в систему права ничего нового?

Думается, такое решение рассматриваемого вопроса было бы ошибочным. Ведь каждое предписание, входящее в определенную

правовую общность, спаяно со всеми другими элементами этой общности едиными принципами, понятиями, терминологией. Оно неизбежно несет на себе «печать целого» — в особенностях формулировок, некоторых новых регулятивных моментах. Например, в ч. 3 ст. 42 отменяется «медицинская сторона» приведенного выше предписания (оно начинается со слов: «при невозможности госпитализации или отсутствии показаний к стационарному лечению»). В ст. 51 не только законодательно закрепляется наименование экспертиз (судебно-медицинская и судебно-психиатрическая), но и поручается Министерству здравоохранения СССР по согласованию с органами юстиции и другими ведомствами устанавливать порядок организации и производства указанных экспертиз.

Таким образом, даже на уровне первичного звена советской правовой системы можно обнаружить случаи удвоения нормативных предписаний, диффузии норм — обстоятельство, весьма существенное для понимания комплексных образований на более высоких уровнях структуры советского права¹.

¹ Такого рода удвоение (диффузия) существует и в случаях, когда то или иное нормативное предписание вообще закреплено не в собственных источниках данной отрасли, а только в комплексных актах. В литературе эти случаи описаны применительно к нормам трудового права (например, норма о сохранении среднего заработка за рабочими, служащими и колхозниками, привлекаемыми к командирским занятиям с отрывом от производства, — ст. 67 Закона о всеобщей воинской обязанности). Рассмотрев указанные случаи, Е.И. Астрахан пишет: «Норма трудового права, включенная в акт другой отрасли, имеет двойственную природу, «двуликий образ». Поскольку данная норма регулирует трудовые (или связанные с ними) отношения, налицо, бесспорно, норма трудового права. Но поскольку такая норма включена в акт другой отрасли, — это одновременно и норма той, другой отрасли законодательства» (*Астрахан Е.И. Нормы трудового права в нормативных актах других отраслей советского законодательства // Ученые записки ВНИИСЗ. Вып. 23. М., 1971. С. 57*).

ГЛАВА ЧЕТВЕРТАЯ ПРАВОВОЙ ИНСТИТУТ

1. Понятие правового института. Его структура

1. Если нормативное предписание — исходный элемент, «живая» клеточка правовой материи, то правовой институт представляет собой *первичную правовую общность*.

Природа и особенности правового института могут быть правильно поняты в том случае, если исходить из того, что это — такая общность норм-предписаний, которая в свою очередь является элементом следующего, главного подразделения — отрасли права. С рассматриваемой точки зрения правовой институт есть основа отрасли права, «первичное, самостоятельное структурное подразделение отрасли, первая и наиболее важная ступень в формировании отрасли, где правовые нормы группируются... по их юридическому содержанию»¹. Юридические нормы образуют отрасль права не непосредственно, а через институты.

Правовые институты нацелены на регламентирование определенного участка общественных отношений данного вида или рода: отдельной их разновидности, общей стороны отношений ряда видов, их элементов и т.д.² Например, в советском морском праве отдельные правовые институты посвящены разновидностям договора морской перевозки (морской перевозке грузов, морской перевозке пассажиров, фрахтованию судна на время; морской буксировке), а кроме того, таким сторонам и элементам регулируемых отношений, как общая авария, вознаграждение за спасение на море и т.д.

Каждый правовой институт представляет собой относительно обособленный «блок», «агрегат» отрасли. Для характеристики правового института, пожалуй, в большей степени, чем для других структурных подразделений, применимо понятие «*подсистема*». По сравнению с от-

¹ Якушев В.С. О понятии правового института // Правоведение. 1970. № 6. С. 66.

² «Зачастую, — пишет А.Ф. Черданцев, — тот или иной элемент общественных отношений урегулирован целой совокупностью норм права, которая может быть настолько существенной и самостоятельной, что способна образовать отдельный институт права» (Черданцев А.Ф. Системность норм права // Сборник ученых трудов СЮИ. Вып. 12. С. 51).

раслями правовые институты менее автономны; они не образуют таких относительно замкнутых механизмов регулирования, которые присущи отраслям. Сосредоточенные на регулировании определенного, нередко весьма узкого участка общественных отношений данного вида или рода, правовые институты лишь в сочетании, во взаимодействии обеспечивают отраслевое регулирование.

Вместе с тем главная функция правового института состоит в том, чтобы *в пределах своего участка общественных отношений данного вида или рода обеспечить цельное, относительно законченное регулирование*. Это значит, что правовой институт должен обладать полным «комплексом» норм, при помощи которых возможно охватить все существенные моменты регулирования соответствующего участка.

Термин «институт» используется в литературе подчас чрезмерно широко, что в ряде случаев лишает его необходимой определенности. Это в общем-то можно объяснить: слово «институт» означает «установление», и потому с точки зрения обычного словоупотребления «все в области права можно называть институтом, начиная от самого права и кончая его единичными нормами»¹, тем более что рассматриваемый термин употребляется для обозначения и иных социально-политических явлений (например, принято говорить об институтах демократии, парламентаризма и т.д.); и нередко такое значение термина переносится в область права².

Но если использовать термин «институт» для характеристики структуры права, то он приобретает точное, причем однолинейное значение. Устойчивые, относительно замкнутые комплексы норм, именуемые институтами, могут иметь различные виды, могут быть в различной связи друг с другом, но все они в принципе находятся в одной плоскости, в одном ряду главной структуры права (из такой однолинейности институтов есть лишь одно исключение — это комплексные отраслевые и межотраслевые институты, выражающие известное удвоение структуры на данном ее уровне).

2. Признаки, выделяющие правовой институт в качестве самостоятельного подразделения правовой системы, обусловлены определяю-

¹ *Иоффе О.С.* Структурные подразделения системы права (на материалах гражданского права) // Ученые записки ВНИИСЗ. Вып. 14. С. 51.

² В советской юридической литературе отмечается, что термин «институт» употребляется также для обозначения подразделений системы законодательства (см., например: Систематизация хозяйственного законодательства. С. 58 и сл.). Вряд ли это целесообразно. Структурные подразделения системы законодательства имеют свои наименования: глава, раздел, часть и т.д. Институт же законодательства — это понятие, в принципе совпадающее с понятием института права.

щими функциями правового института, его ролью в обеспечении цельного, относительно законченного регулирования общественных отношений.

С точки зрения регулятивных свойств каждый правовой институт обеспечивает самостоятельное регулятивное воздействие на определенный участок отношений.

Данный признак — главный, обособляющий те или иные общности норм в институты права. Наглядно и ярко он проявляется в тех случаях, когда институт регламентирует отдельную разновидность общественных отношений. Примером может служить такой правовой институт, как договор морской перевозки грузов. В ст. 118—166 Кодекса торгового мореплавания Союза ССР закреплена система норм, в которых определяются признаки договора морской перевозки груза (ст. 118), порядок регулирования складывающихся отношений (ст. 119), разновидности договорных связей (ст. 120), их оформление и регулирование при помощи коносамента, чартера и др. (ст. 121 и след.), права и обязанности сторон перевозочного отношения (ст. 127 и след.), порядок прекращения договора (ст. 143 и след.), а также порядок, формы и объем имущественной ответственности и т.д. Правовой институт здесь обеспечивает системное, законченное регулирование всех сторон отношений по морской перевозке грузов.

Даже специализированные институты, посвященные отдельным операциям в процессе правового воздействия, характеризуются такой системной цельностью, таким «набором» предписаний, которые позволяют с достаточной полнотой регламентировать данный участок общественных отношений и, следовательно, с большей определенностью выявлять их регулирующую «энергию». Обратимся, например, к институту исчисления сроков (ст. 71—77 ГК РСФСР, ст. 74—80 ГК Эстонской ССР и др.). Сами по себе отдельные предписания, входящие в этот институт, хотя и имеют отчетливый нормативный характер, все же лишены правовой окраски, не раскрывают своих свойств как средства регулятивно-правового воздействия. Таковы, например, нормы: «срок, исчисляемый годами, истекает в соответствующий месяц и число последнего года срока», «срок, исчисляемый неделями, истекает в соответствующий день последней недели месяца». Регулятивно-правовые качества рассматриваемого института раскрываются в комплексе предписаний, регулирующих исчисление сроков. И дело не только в том, что указанный комплекс дает решение всех основных вопросов, касающихся сроков (определение, начало течения, окончание срока и т.д.), но и в том, что лишь в единстве, в сумме

рассматриваемых предписаний проявляется его регулирующее значение, и это особенно наглядно выражено в нормах, указывающих на способ определения срока (ст. 71 ГК РСФСР, ст. 74 ГК Эстонской ССР), на порядок совершения действий в последний день срока (ст. 77 ГК РСФСР, ст. 80 ГК Эстонской ССР) и др.

Каждый правовой институт обособляется в правовой системе и по своему интеллектуально-волевому содержанию. Регулируя строго определенный участок общественных отношений, правовой институт отличается фактической и юридической однородностью. Его содержание выражено в специфической группе понятий, общих положений, терминов. Например, содержание института договора морской перевозки выражено в таких понятиях, как «морская перевозка», «коносамент», «чартер», «фрахт», «судно» и т.д.; содержание института исчисления сроков — в понятиях «срок», «исчисление», «календарная дата», «период времени» и др.

Один из наиболее ярких показателей регулятивных особенностей и интеллектуально-волевого содержания правового института — *своеобразие свойственной институту юридической конструкции*.

Если та или иная группа норм — пусть даже внешне выделенная в системе нормативных актов или в структуре отдельного акта — не объединена цельной правовой конструкцией, то и нет оснований говорить о наличии в данном случае правового института. Например, в разделе III Основ законодательства Союза ССР и союзных республик о здравоохранении («Обеспечение санитарно-эпидемического благополучия населения») хотя и содержатся нормы, имеющие преимущественно административно-правовую природу, но они не связаны какой-либо единой юридической конструкцией и потому, думается, не образуют самостоятельного правового института.

Все это (единство регулятивных особенностей, интеллектуально-волевого, юридического содержания) свидетельствует о существовании стойкой *правовой общности* — следующего, после правового предписания, звена в структуре советского права.

3. Правовой институт отличается известной внутренней организацией охватываемого им нормативного материала. «Вовне», во взаимосвязях с другими подразделениями правовой системы правовой институт представляет собой системно-целостное, нерасчленимое образование, единую правовую общность. Но эта целостность, нерасчленимость существует как раз потому, что отдельные нормативные предписания связаны не только однородностью фактического содержания, интеллектуально-волевым, юридическим единством, но и из-

вестной внутренней организацией. Иначе говоря, правовой институт имеет *свою структуру*.

Понятно, что структура правового института во многом зависит от его разновидности: по своему строению общие, регулятивные и охранительные институты не могут быть полностью тождественны друг другу. Вместе с тем здесь есть и некоторые единые моменты, связанные с функциями институтов, с той ролью, которую они играют в правовой системе.

Для структуры правового института характерно:

а) наличие комплекса «равноправных» нормативных предписаний. В отличие от ассоциаций норм (где, по существу, имеется одна генеральная норма с сопровождающими ее конкретизирующими предписаниями) в институт входят несколько однопорядковых нормативных положений;

б) известная, как правило, юридическая разнородность предписаний. Они потому и связаны в единый комплекс, что обеспечивают разностороннее воздействие на данный участок общественных отношений. Например, регулятивные институты во многих случаях объединяют обязывающие и управомочивающие нормы, включают запреты, общие предписания и др. (впрочем, ряд институтов, в том числе многие охранительные и общие, складывается из норм одной разновидности – таковы, в частности, институты Особенной части советского уголовного права);

в) объединение всех норм устойчивыми закономерными связями, которые выражены в общих предписаниях, а главное – в юридической конструкции.

Последний из указанных признаков и является решающим. Структура правового института, как и всех других правовых общностей, характеризуется не только определенным строением, дифференцированностью нормативного материала, но и интегрированностью, своим законом связи элементов, пусть и не таким жестким, как в нормативном предписании, но все же выражающим системную целостность, стойкую композицию элементов¹.

¹ Д.А. Керимов правильно указал на качественное различие в характере относительной самостоятельности элементов нормы и правового института (см.: Керимов Д.А. Философские проблемы права. С. 266). В то же время автор недооценивает системную целостность правового института, когда утверждает, что части института «сами по себе регулируют соответствующие общественные отношения, хотя, разумеется, и не без известного (!) влияния целого – института права» (Там же). Впрочем, в последующем (С. 300) автор убедительно показывает, что правовой институт обладает всеми признаками системного правового образования и что сообразно этому для него характерна относительная самостоятельность, устойчивость и автономность функционирования.

Проанализируем с рассматриваемой точки зрения юридические нормы, сгруппированные в гл. 10 КоБиС РСФСР. На первый взгляд может создаться впечатление, что перед нами не обособленный правовой институт: предписания этой главы регламентируют алиментные обязанности не какой-либо одной категории субъектов, а «других членов семьи». Отсюда вытекает предположение, не сгруппирован ли нормативный материал гл. 10 по методу исключения? Не отнес ли законодатель все то, что не уместилось в конструкцию алиментных обязанностей между родителями и детьми, вот в эту «сборную» главу? Казалось бы, такое предположение подтверждается содержанием данной главы: здесь регламентированы встречные алиментные обязанности отчима и мачехи, пасынков и падчериц, братьев и сестер, деда, бабушки и внуков и др.

Между тем при более внимательном анализе выясняется, что предписания, содержащиеся в гл. 10 КоБиС РСФСР, образуют самостоятельный институт семейного права. И основным доводом в пользу такого решения рассматриваемого вопроса является юридическое единство содержащихся в гл. 10 предписаний.

Хотя в гл. 10 регламентировано несколько «пар» встречных алиментных обязанностей (обязанность отчима и мачехи по содержанию пасынков и падчериц, с одной стороны, а с другой — обязанность пасынков и падчериц по содержанию отчима и мачехи; обязанность деда и бабушки содержать своих внуков и встречная обязанность внуков содержать деда и бабушку и т.д.), они в общем построены на единой, и притом довольно оригинальной, юридической конструкции. Главными ее моментами являются: встречность обязанностей, а также элементы субсидиарности, поскольку обязанности наступают в случаях, когда нет плательщиков первой очереди — родителей (при необходимости обеспечения несовершеннолетних детей и нетрудоспособных лиц), детей (при необходимости обеспечения деда и бабушки).

Юридическое единство нормативных предписаний, содержащихся в гл. 10 КоБиС, выражается и в наличии общих норм. В ст. 87 и 88 предусматриваются правила, регламентирующие размер средств на содержание, а также порядок изменения размера алиментов. Эти общие нормы распространяются только на предписания данной главы (и в той и в другой статьях говорится, что соответствующие правила действуют в отношении «лиц, перечисленных в настоящей главе»).

Содержание правового института пронизано общими юридическими началами, идеями. Не случайно поэтому в достаточно развитой

области права, отличающейся высоким уровнем кодификации, нормативных обобщений, правовые институты «возглавляются» нормами-принципами, сформулированными прямо в тексте нормативных актов. Например, институт заработной платы «возглавляется» принципами, закрепляющими конституционное начало оплаты по труду, запрет уменьшать заработную плату в зависимости от пола, возраста, расы и национальной принадлежности, а также минимальный размер заработной платы (ст. 77 и 78 КЗоТ РСФСР).

Нераздельная связь правовых институтов и принципов права должна учитываться при решении ряда специальных проблем правовой теории. Известно, например, что при аналогии права в отличие от аналогии закона и субсидиарного применения юридических норм правоприменительный орган исходит «из общих начал и смысла советского законодательства» (ст. 12 Основ гражданского судопроизводства Союза ССР и союзных республик). Почему же требуется обращение правоприменительного органа к общим началам и смыслу законодательства, т.е. к принципам права? Да потому, что здесь перед нами пробел, при устранении которого требуется введение нового правового института¹.

4. Правовые институты как главные структурные подразделения отрасли получают внешнее обособленное закрепление в системе советского законодательства.

Иногда правовой институт закрепляется в отдельном нормативном юридическом акте. Например, административно-правовой институт денежного начета составляет содержание обособленного акта – Правил производства денежных начетов комитетами народного контроля, утвержденных постановлением Совета Министров СССР 4 августа 1969 г.² В этих Правилах с необходимой полнотой регламентированы в едином комплексе регулятивных и охранительных норм все стороны правоотношений, складывающихся при денежном начете (субъект, адресат, размер начета, юридические факты, порядок наложения, ответственность, контроль со стороны финансовых органов и др.).

Большинство правовых институтов закрепляется в виде самостоятельных структурных подразделений кодифицированного нормативного акта – главы или раздела³. Есть и такие случаи, когда целый

¹ См.: *Леушин В.И.* Динамичность советского права и восполнение пробелов в законодательстве: Автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Свердловск, 1971. С. 20.

² СП СССР. 1969. № 19. Ст. 109.

³ См.: *Якушев В.С.* О понятии правового института // *Правоведение.* 1970. № 6. С. 66–67.

правовой институт предусмотрен в отдельной статье. Так, в шести абзацах п. 27 Положения о поставках продукции производственно-технического назначения¹ содержится взаимосвязанный комплекс нормативных предписаний, в котором выражен, в сущности, самостоятельный институт, регламентирующий количество поставки.

Конечно, полного тождества между институтом и главой (разделом) нормативного акта нет. Можно привести примеры, свидетельствующие о том, что иногда выделение отдельных глав или разделов в нормативном акте имеет общественно-политическое или внешнеклассификационное значение. Такое значение, например, имеет гл. IX Примерного Устава колхоза, названная «Культура, быт, благоустройство». Содержащая всего одну статью (ст. 41), эта глава призвана нацелить внимание колхоза на обеспечение культуры, быта, благоустройства в колхозах. По классификационным соображениям объединены в одной главе (гл. IV) Основ законодательства Союза ССР и союзных республик о труде институты, регулирующие рабочее время и время отдыха (в республиканских КЗоТ и тот и другой институты обособлены в самостоятельные главы; в КЗоТ РСФСР — гл. IV и V). В последующем будет показано, что в ряде случаев правовые институты закреплены в нескольких статьях, не обособленных в виде самостоятельных глав и разделов.

Если нормативное предписание и первичная единица текста нормативного акта (статья, часть или абзац статьи, фраза текста) образуют нераздельное единство, то соответствие между правовым институтом и подразделением нормативного акта носит иной характер: здесь в большей степени проявляется возможность расхождения между содержанием (правовой институт) и формой (подразделение нормативного акта).

Но все же, думается, принципиальное соответствие между правовым институтом и укрупненными подразделениями кодифицированного нормативного акта является своего рода закономерностью. Правовой институт нуждается в формальном обособлении. А это предопределяет одно из требований юридической техники, все более воплощающееся в правотворческой практике Советского государства: при определении архитектоники нормативного акта необходимо стремиться к тому, чтобы каждое из его укрупненных подразделений (глава, подглава) посвящалось о д н о м у правовому институту.

¹ СП СССР. 1969. № 11. Ст. 64.

Реальное осуществление указанного требования, обеспечивающее логическую последовательность, стройность и техническое совершенство акта, а отсюда и удобство его использования в практической жизни, имеет не только технико-юридическое значение. Существенно важно и то, что в этом случае законодатель нацеливается на полное использование всех «резервов», заложенных в подразделении правовых предписаний по институтам, в том числе на максимально широкое применение нормативных обобщений, определение юридической конструкции данного комплекса норм, формулирование свойственных ему юридических начал, принципов. Изучение советского законодательства показывает, что лишь после того, как комплекс норм выделен в самостоятельное подразделение нормативного акта, все компоненты института получают достаточно полное развитие и институт с позиции структурной характеристики приобретает развитый, законченный вид,

5. Обособление комплексов нормативных предписаний в самостоятельные правовые институты обусловлено развитием социалистических общественных отношений, расширением и усложнением общественных связей, повышением правовой культуры, что и приводит к дифференциации и интеграции нормативного материала, а следовательно, к формированию стойких правовых общностей, объединяющих нормативные предписания.

Существенное значение в формировании правовых институтов имеет кодификация законодательства. Своеобразие кодификации как особого, наиболее высокого и развитого вида правотворчества в том и состоит, что объединение нормативного материала производится путем широкого использования нормативных обобщений. А это оказывается возможным именно потому, что кодификация осуществляется в соответствии со структурой советского права, в частности в пределах отдельного кодифицированного акта — по правовым институтам и их объединениям.

Материальной предпосылкой для формирования правового института является наличие такой разновидности общественных отношений или такого участка ряда разновидностей, которые бы объективно требовали обособленного регулирования комплексом нормативных предписаний¹. Решающая же активная роль в формировании инсти-

¹ Ю.К. Осипов обратил внимание на то, что и общие правовые институты имеют свой предмет регулирования. Таковыми, по его мнению, являются «стороны всех отношений данного рода независимо от их видовой принадлежности» (Правоведение. 1973. № 1. С. 55).

тутов принадлежит компетентным органам Советского государства, которые в результате правотворческой (кодификационной) работы на основании имеющегося нормативного материала, данных практики и рекомендаций юридической науки формулируют нормативные предписания с таким расчетом, чтобы они образовали стойкую общность — правовой институт.

Здесь возможны два пути.

П е р в ы й путь формирования института — непосредственно «конструкторская» деятельность правотворческих органов, которые нередко воплощают определенные теоретические построения, разработанные правовой наукой. Указанный путь характерен для формирования институтов, вводимых в целях регулирования нового круга общественных отношений или же отношений, связанных с существенной перестройкой системы законодательства. Таковы, скажем, институт совместной деятельности (ст. 430—434 ГК Украинской ССР), институт конкурса (ст. 439—443 ГК РСФСР) и другие, установленные в результате общесоюзной и республиканской кодификации гражданского законодательства.

Существует и **в т о р о й** путь формирования правовых институтов, выражающий непосредственное влияние на развитие законодательства юридической (судебной) практики. Это — такое развитие правовых ассоциаций, при котором конкретизирующие предписания все более приобретают самостоятельное значение, обрастают новыми вариантными и детализирующими положениями, в результате чего и происходит постепенное перерастание ассоциации («связки» предписаний) в правовой институт. Так, в частности, сформировались многие институты советского семейного права. Например, институт, регулирующий алиментные обязанности родителей и детей, представляет собой «разросшуюся» ассоциацию предписаний, развивших и конкретизировавших ст. 42 КЗоБСО РСФСР 1926 года.

Таким образом, теоретическое значение положения об ассоциациях нормативных предписаний состоит не только в том, что оно дает возможность осмыслить первичные формы объединения предписаний (и в соответствии с этим решить некоторые вопросы юридической техники), но и в том, что здесь оказываются найденными те первичные образования, из которых на основе юридической практики в результате совершенствования законодательства развиваются правовые институты.

Действующее советское законодательство дает ряд примеров, свидетельствующих о том, что некоторые ассоциации, по существу, пе-

перосли в самостоятельные правовые институты (хотя этот процесс еще полностью не завершен, и в частности потому, что ассоциации не обособлены в самостоятельные подразделения кодифицированных нормативных актов). Так, по сути дела, в рамках норм трудового права, регулирующих рабочее время, сформировался институт сверхурочных работ. В соответствующий комплекс нормативных предписаний входят: общий принцип-запрет и дефиниция сверхурочных работ (ч. 1 ст. 54 КЗоТ РСФСР), исключительная норма, закрепляющая разрешительный порядок сверхурочных работ (ч. 2 ст. 54), Д-предписание, устанавливающее категории лиц, «которые вообще не допускаются к сверхурочным работам (ч. 3 ст. 54), В-предписание об особенностях привлечения к сверхурочным работам женщин, имеющих детей в возрасте от одного года до восьми лет, и инвалидов (ч. 4 ст. 54), дефинитивное предписание, определяющее исключительные случаи, когда допускаются сверхурочные работы (ст. 55), предписание, регламентирующее предельное количество сверхурочных работ (ст. 56), «связка» предписаний, регулирующих оплату работ в сверхурочное время (ст. 88), и др.

Аналогичный характер имеет комплекс нормативных предписаний, посвященный гарантийным срокам. Он помещен в разделе V Положения о поставках продукции производственно-технического назначения, озаглавленном «Качество и комплектность продукции». И хотя о гарантийных сроках говорят только две статьи Положения — 39 и 40, содержащиеся в них нормативные предписания (а последних насчитывается не менее десяти) регламентируют все основные вопросы гарантийных сроков, причем так, что закрепляется своеобразная юридическая конструкция.

По всей видимости, существуют различные стадии перерастания правовых ассоциаций в институты права. Главное в этом процессе заключается в постепенном формировании единого компактного комплекса нормативных предписаний, имеющего свой участок общественных отношений и построенного на единых правовых началах, на особой юридической конструкции. Следовательно, существуют разные степени общности, системной целостности институтов, а отсюда и внешней их объективизации в советской правовой системе¹.

Завершающий аккорд в процессе формирования института (когда он приобретает законченный характер) — обособление института в са-

¹ О различных степенях устойчивости правовой организации структурных подразделений права см.: Керимов Д.А. Философские проблемы права. С. 249.

мостоятельное структурное подразделение нормативного акта. Во всяком случае, до такого обособления его правовые начала не получают, как правило, обобщенного нормативного выражения, и потому он выступает, строго говоря, в качестве *субинститута*.

6. Институты, будучи главными структурными подразделениями отрасли права, отличаются отраслевой чистотой. Обычно они состоят из нормативных предписаний одной определенной отрасли — государственного права, гражданского права, трудового права и т.д.

Но встречаются и *смешанные институты*. На стыках отдельных правовых сфер, в точках их соприкосновения иногда в институт проникают элементы, свойственные другой отрасли. Надо сразу же подчеркнуть: перед нами не «сборное» образование, не конгломерат из кусочков разных отраслей, а *отраслевой институт*, в который проникли, просочились (оказались «подмешанными») элементы иных отраслей¹.

Формирование смешанных институтов вызвано тесным контактированием между отраслями, их взаимопроникновением, обусловленным существованием «пограничных» общественных отношений, функциональными и генетическими связями, необходимостью «подстройки» под режим соседнего участка правового регулирования². В сферах функционирования родственных отраслей, т.е. отраслей, образующих единую семью, формирование смешанных институтов носит закономерный характер. «Систематическое образование на стыке однородных смежных отраслей «пограничных» отношений, — пишет С.В. Поленина, — служит проявлением подвижности границ между отраслями права как следствия развития общественных отношений. Сохраняя черты одной отрасли, такие отношения приобретают черты и смежной отрасли права. По мере дальнейшего раз-

¹ Смешанный институт следует отличать от комплексного, формирующегося в связи с «удвоением» структуры. В прежних работах автором этой работы не проводилось такое различие. Да и примеры, приводившиеся для обоснования такого рода «института» (например, группа норм, регулирующих отношения с участием Госбанка СССР), создавали впечатление, что под смешанным институтом имеются в виду некие разнородные, мозаичные образования. Отсюда — вполне справедливые критические замечания, высказанные по этому поводу в литературе (см., например: Систематизация хозяйственного законодательства. С. 56–57).

² Кроме отмеченных факторов «на взаимодействие различных отраслей в единой системе советского социалистического права оказывают влияние известные традиции правовой культуры, в том числе и более глубокая разработанность в «традиционных» отраслях многих общих юридических институтов, проникающих в другие отрасли» (Советское государство и право. 1973. № 1. С. 122).

вития «пограничных» отношений число «заимствованных» черт может увеличиваться»¹.

Яркие примеры смешанных институтов могут быть найдены в зонах соприкосновения гражданского и семейного права.

Так, раздел имущества между супругами при признании брака недействительным охватывается режимом гражданско-правового регулирования. Однако сюда просачиваются элементы, присущие «несостоявшемуся» институту совместной собственности супругов (и потому, например, в отношении невиновного супруга может быть применен семейно-правовой принцип равенства долей).

Семейно-правовой институт опеки и попечительства несет на себе печать (в отношении норм об опеке) гражданско-правового регулирования. Именно о смешанном характере этого института свидетельствует следующая внешне противоречивая его оценка, данная Н.М. Ершовой: «Природа гражданско-правовых норм об опеке не меняется от того, что эти нормы стали и нормами семейного законодательства. Но коль скоро они ими стали, можно сказать, что они регулируют названные отношения именно как нормы семейного, а не гражданско-го законодательства»².

«Подмешивание» в данный институт элементов иной отрасли может носить скрытый характер: правовой режим, соприкасающийся с данным институтом отрасли, иногда влияет на чистоту юридической конструкции, обуславливает исключения из императивного правового принципа и т.д. Так, например, случилось с принципом публичности в сфере отношений, соприкасающихся с семейно-правовым режимом регулирования. Пленум Верховного Суда СССР указал на недопустимость осуждения несовершеннолетних за кражу у родителей и других совместно проживающих с ними членов семьи, если сами потерпевшие не обращаются в соответствующие органы о возбуждении уголовного дела»³.

7. Особой разновидностью смешанных институтов являются правовые общности, имеющие также черты межотраслевых объединений юридических норм. В отличие от обычных смешанных институ-

¹ *Поленина С.В.* Субсидиарное применение норм гражданского законодательства к отношениям смежных отраслей // Советское государство и право. 1967. № 4. С. 24.

² *Ершова Н.М.* Соотношение гражданского и семейного законодательства // Советское государство и право. 1973. № 1. С. 124. Автор обращает внимание и на то, что «в «пограничных» областях гражданского права, примыкающих к сфере семейных отношений, заметны многие юридические особенности, свидетельствующие о различных способах и формах взаимосвязи гражданского и семейного права» (С. 123).

³ См.: Сборник постановлений Пленума Верховного Суда СССР, 1924–1970 гг. М.: Юрид. лит., 1970. С. 300–301.

тов перед нами — не простое «просачивание» элементов иной отрасли в данное отраслевое образование, а такое специфическое явление, когда институт, имеющий по своей основе государственно-правовую природу, как бы «притягивает» нормы целого ряда отраслей и образует вместе с ними определенное единство.

Таков, например, институт подведомственности. В основе он представляет собой совокупность государственно-правовых (судоустройственных) норм, определяющих процессуальный режим, в рамках которого должно разрешаться то или иное дело. В то же время конкретизированные предписания, регламентирующие подведомственность уголовных, гражданских и иных дел, входят в сферу соответствующей процессуальной отрасли. Главное же здесь — не то, что нормы о подведомственности находятся на стыке материального и процессуального права и «выступают в роли «связных» между ними»¹, а то, что цементирующим стержнем, объединяющим все нормы о подведомственности, является государственно-правовое (судоустройственное) регулирование.

С аналогичных позиций нужно подходить к характеристике института права государственной собственности.

Юридические нормы, регулирующие отношения государственной социалистической собственности, содержатся во многих основных отраслях советского права. Нередко они образуют самостоятельные отраслевые институты (такие, например, как административно-правовой институт управления государственной собственностью, гражданско-правовой институт права оперативного управления, институт преступлений против социалистической собственности и др.). Вместе с тем нормы, регулирующие отношения государственной собственности, образуют и некоторое единство².

По своей основе данная общность норм имеет государственно-правовую природу³. Поэтому институт права государственной собст-

¹ *Елисейкин П.Ф.* Защита субъективных прав и интересов и компетенция суда в советском гражданском процессе // Ученые записки ДВГУ. Т. 31. Ч. 1. Владивосток, 1969. С. 121. По мнению М.К. Воробьева, «в институте подведомственности отражается в той или иной мере природа материального права, но это не противоречит тому, что нормы, составляющие этот институт, относятся к правовой области обслуживания материального права, т.е. к области гражданского процесса» (Вестник Ярославского университета. 1972. № 4. С. 117).

² См.: *Корнеев С.М.* Основные проблемы права государственной социалистической собственности: Автореф. дис. ... докт. юрид. наук. Изд-во МГУ, 1971. С. 13.

³ См.: *Якушев В.С.* О самостоятельности института права государственной социалистической собственности и его государственно-правовой природе // Сборник ученых трудов СЮИ. Вып. 13. Свердловск, 1970. С. 93–108.

венности, в сущности, представляет собой обширную сферу регулирования, границы которой определяются нормативными предписаниями советского государственного права (что, помимо всего иного, обуславливает возможность охарактеризовать право государственной собственности и в качестве вторичного интегрированного комплексного образования, о котором см. дальше).

2. Разновидности правовых институтов

1. Юридическая неоднородность советского права проявляется и на уровне его институтов.

Правовые институты прежде всего подразделяются по отраслям права. Как главные структурные подразделения отрасли, они (кроме межотраслевых комплексов) всегда имеют строго определенную отраслевую «прописку».

Вместе с тем подразделение правовых институтов по отраслям — это отражение на данном уровне структуры права деления более высокого порядка, т.е. деления права в целом на основные и комплексные отрасли. Его нужно постоянно учитывать. Но оно не образует *собственной* дифференциации правовых институтов.

Между тем правовые институты имеют собственную классификацию, к которой наша общетеоретическая и отраслевая литература обращается, к сожалению, весьма редко. К сожалению потому, что *деление правовых институтов на разновидности представляет собой важный аспект структуры советского права*.

На формирование правовых институтов, на их дифференциацию и интеграцию влияет ряд системообразующих факторов. Как и нормативные предписания, правовые институты охвачены процессом специализации. Иначе говоря, специализация, «разделение труда» происходит не только между отдельными нормами, но и между институтами.

В принципе применительно к каждому правовому институту может быть установлен тот главный системообразующий фактор, который обусловил обособление данного комплекса нормативных предписаний. Чаще всего — это особенности данной разновидности общественных отношений, т.е. особенности предмета регулирования. Некоторые институты обособились по функциональному признаку и по признаку того, являются они общими или специальными.

В то же время надо видеть, что правовые институты разноплоскостны. Например, в трудовом праве институт «трудовой договор» обо-

собился в связи с особенностями предмета – договорных трудовых отношений, а институт «труд молодежи» – в связи с особенностями определенных субъектов. Вместе с тем в трудовом праве выделились и общие институты (закрепленные в общих положениях республиканских кодексов).

Поэтому реальные разновидности правовых институтов могут быть с достаточной точностью установлены лишь тогда, когда при их рассмотрении поочередно вводятся классификационные основания с учетом действия разных системообразующих факторов. Лишь при таком подходе становится возможным выявить подлинную картину реально существующих правовых институтов, каждый из которых занимает строго определенное место в системе отрасли права.

К тому же на уровне правовых институтов, пожалуй, в большей степени, чем на иных уровнях структуры, сказывается влияние субъективных факторов. Допускаемые при кодификации и издании отдельных актов просчеты в построении нормативного материала, недостатки в юридических конструкциях, неоправданные выделения отдельных комплексов норм – все это подчас приводит к «наложению» одних институтов на другие, к нарушениям логики права, к утрате четких границ между институтами (что, помимо прочего, вызывает конкуренцию норм в процессе юридической квалификации дел на практике)¹.

2. Наиболее общим образом правовые институты подразделяются на *регулятивные и правоохранительные*. Все более углубляющаяся специализация советского права приводит к тому, что и регулятивные, и правоохранительные нормативные предписания «идут своим путем»: в результате дифференциации и интеграции указанных разновидностей нормативных предписаний формируются самостоятельные регулятивные и правоохранительные институты.

В специальном внимании нуждаются правоохранительные институты. Их реальное обособление в системе отраслей права имеет весьма существенное значение для понимания сложных процессов, характерных для развития структуры советского права.

Своеобразие юридической ответственности и иных видов государственно-правового принуждения, особенности всех тех обстоятельств, которые следует учитывать при их применении, наталкивают законодателя на необходимость не только выделять правоохранительные предписания, но и объединять их в самостоятельные комплексы, пронизанные общими правовыми началами.

¹ См.: Кудрявцев В.Н. Общая теория квалификации преступлений. С. 240, 249 и сл.

Казалось бы, куда проще, удобней, да и юридически последовательней (особенно если придерживаться идеи о трехчленной структуре норм) при формулировании, например, норм о поставке, сразу же после указания на ту или иную юридическую обязанность предусматривать и соответствующую меру государственно-принудительного воздействия, обеспечивающую эту обязанность. Например, в ст. 29 Положения о поставках продукции производственно-технического назначения изложена обязанность поставки продукции в установленные сроки; почему бы тут же не регламентировать и имущественную ответственность неисправного поставщика?

Но законодатель сосредоточивает изложение правовых предписаний о мерах государственно-принудительного воздействия за нарушение обязанностей по обязательству поставки в одном разделе нормативного акта, который так и называется «Имущественная ответственность» (разд. VIII). Почему? Может быть, это только технико-юридический прием? Детальное ознакомление с нормативным материалом заставляет отказаться от такого предположения. Ведь дело не только в том, что «указания об ответственности» представляют собой самостоятельные предписания, а нередко и ассоциацию предписаний (например, в ст. 59 Положения сформулировано по меньшей мере семь взаимосвязанных предписаний, регламентирующих имущественную ответственность за нарушения сроков поставки). Главное состоит в том, что все правоохранительные предписания, регламентирующие ответственность за нарушение обязанностей по обязательству поставки, охватываются рядом общих нормативных положений, единством юридической конструкции (см. ст. 85–88 Положения).

Именно поэтому связь между регулятивным предписанием ст. 29 и охранительным предписанием ст. 59, посвященных одному вопросу — сроку поставки, носит не прямой, а косвенный, опосредствованный характер. Эта связь проходит через правоохранительный институт имущественной ответственности в целом, в том числе через входящие в его состав общие нормативные предписания. При нарушении сроков поставки вступает в действие весь институт имущественной ответственности, изложенный в разд. VIII Положения, включая нормы о взыскании убытков в соответствии с конструкцией зачетной неустойки, об обязанности исполнить обязательство в натуре и т.д. Общность конкретной правоохранительной нормы со всем комплексом правоохранительных предписаний оказывается значительно большей, нежели то единое, что выражается в связи между регулятивным и правоохранительным нормативными положениями. Это и свидетельству-

ет об обособлении комплекса правоохранных предписаний в самостоятельный правовой институт.

Тенденция формирования самостоятельных правоохранных институтов специфична для всех материальных отраслей советского права регулятивного профиля. Закономерно поэтому, что в кодифицированных актах, изданных в последние годы, правоохранные нормы сгруппированы законодателем в отдельные главы и разделы. Таковы, например, раздел XI Основ земельного законодательства («Ответственность за нарушение земельного законодательства»), раздел V Основ водного законодательства («Ответственность за нарушение водного законодательства») и др.

Обособление правоохранных институтов выражает объективный процесс углубления правовых начал в жизни социалистического общества, дальнейшего укрепления социалистической законности. С позиций глубинных закономерностей развития советского права сведение правоохранных предписаний в единые комплексы необходимо потому, что таким путем происходит их прямое подчинение принципам социалистической законности, гуманизма, справедливости, имеющим в области государственно-принудительной деятельности органов социалистического государства специфическое выражение.

Обособление правоохранных институтов, по-видимому, является одним из показателей уровня развития данной материальной области права, ее юридических особенностей. Не случайно в комплексных нормативных юридических актах правоохранные предписания, как правило, не обособляются в самостоятельный раздел или главу. Так, в Основах законодательства Союза ССР и союзных республик о здравоохранении правоохранные предписания (которые к тому же носят отсылочный, вторичный характер) помещены вместе с регулятивными положениями.

Конечно, само по себе обособление или необособление правоохранных предписаний в самостоятельные главы и разделы не свидетельствует еще о том, существует либо нет соответствующий правоохранный комплекс. Так, есть достаточные основания полагать, что в рамках советского трудового права фактически сформировались в качестве самостоятельных правоохранных образований институт материальной ответственности и институт дисциплинарной ответственности. Их реальное существование вовсе не поколебалось от того, что они не выделены в кодифицированных актах: первый из указанных институтов помещен в республиканских кодексах в главе «Гарантии и компенсации», а второй — в главе «Трудовая дисциплина».

Вместе с тем выделение в кодифицированных актах глав и разделов, посвященных государственно-принудительным мерам, несомненно, способствует консолидации правоохранительных предписаний, нацеливает на выработку общих, объединяющих их нормативных положений и тем самым составляет существенный момент в формировании правоохранительных институтов.

Тенденция все большего обособления правоохранительных предписаний в самостоятельные институты явилась одной из предпосылок, обусловивших развертывание научных исследований по вопросам юридической ответственности. По сути дела, сама теоретическая конструкция «юридическая ответственность» представляет собой не что иное, как научное выражение того общего, что лежит в основе правоохранительных институтов, предусматривающих меры воздействия за виновное правонарушение.

Правоохранительные институты отличаются известными особенностями. Содержание правоохранительных институтов органически связано с запретами, образующими непосредственную базу, нормативную основу правоохранительных норм. Среди конкретизирующих норм особо большую роль в правоохранительных институтах играют вариантные предписания (В-предписания). Во многих случаях специализация содержания правоохранительных институтов состоит в закреплении различных вариантов применения государственно-принудительных мер в зависимости от конкретных фактических обстоятельств, отраженных в составах правонарушений.

3. Особой классификацией правовых институтов является их деление на *предметные и функциональные*.

Каждый правовой институт посвящен определенному участку общественных отношений.

Таким участком в большинстве случаев служит специфический *предмет* регулирования. Предмет как основание дифференциации институтов следует понимать в самом широком смысле. Это, в частности:

конкретные разновидности отношений данного вида, в том числе разновидности товарных имущественных отношений в области оборота, лежащие в основе деления обязательственных институтов гражданского права (институты купли-продажи, поставки, подряда и т.д.);

объекты правоохранительной деятельности, например социалистическая собственность, личные права граждан и другие объекты, в соответствии с которыми подразделяются институты Особенной части уголовного права;

отдельные элементы отношений данного вида: рабочее время, время отдыха, заработная плата и иные, предопределяющие классификацию институтов трудового права;

стадии движения отношений (возбуждение дела, судебное разбирательство и пр.) как основание подразделения процессуальных институтов¹.

Когда правовой институт формируется или хотя бы начинает формироваться применительно к определенному предмету, такого рода институт и может быть назван предметным.

Нетрудно заметить, что «предметный ориентир» для создания правовых институтов намечается законодателем при определении строения кодифицированных актов. Содержание нормативных положений может быть с наибольшей полнотой и четкостью выявлено, если они расположены в нормативном акте по предметному критерию. В соответствии с этим главы и разделы нормативных актов выделяются главным образом по предметному признаку, что, помимо всего иного, обеспечивает простоту и удобство в их использовании. И хотя само по себе распределение нормативного акта по главам и разделам не всегда ведет к формированию соответствующих правовых институтов, такой эффект все же нередко наступает, ибо усилия законодателя по компоновке нормативных предписаний, по выработке нормативных обобщений направляются в этом случае именно предметным критерием.

Функциональные институты — продукт функциональной дифференциации права. Развитие и усложнение правового организма состоит не только в том, что складываются предметно-специализированные и конкретизирующие нормативные предписания, но и в том, что формируются институты, призванные дать «сквозное» регулирование отдельной операции в правовом регулировании, касающейся многих разновидностей данных отношений.

Так, ряд семейно-правовых институтов регламентирует отдельные разновидности семейных отношений — отношения, возникаю-

¹ О своеобразии процессуальных институтов см.: *Осинов Ю.К.* Понятие институтов гражданского процессуального права (Правоведение. 1973. № 1). Автор убедительно показал, что главным основанием классификации гражданско-процессуальных институтов являются стадии гражданского процесса (С. 57–59).

По мнению М.А. Гурвича, «процессуальное право делится по стадиям процесса на совокупности процессуальных норм, представляющие собой инструментальные агрегаты, путем применения которых разрешается дело в той или иной стадии процесса» (*Гурвич М.А.* Основные черты гражданского процессуального правоотношения // Советское государство и право. 1972. № 2. С. 31).

шие в связи с рождением ребенка, заключением или расторжением брака, усыновлением. Вместе с тем законодатель в обособленном комплексе норм дает и «сквозную» регламентацию важнейшего момента, касающегося только юридического факта всех этих отношений: регистрации рождения, брака, его расторжения, усыновления (гл. 15 КоБиС РСФСР). Законодатель как бы возвращается к тем же вопросам, которые урегулированы в предметных институтах, но возвращается лишь под одним углом зрения — регистрации соответствующих юридических действий.

В трудовом законодательстве после регламентации отдельных элементов трудовых отношений законодатель вновь обращается к вопросам заключения и расторжения трудового договора, рабочего времени, времени отдыха и т.д., но уже с точки зрения особенностей регулирования труда женщин (гл. XI КЗоТ РСФСР), труда молодежи (гл. XII), труда рабочих и служащих, совмещающих работу с обучением (гл. XIII).

На первый взгляд может создаться впечатление, что функциональные институты являются лишь технико-юридическим приемом изложения нормативного материала. Можно же, например, предписания, предусматривающие льготы для рабочих и служащих, совмещающих работу с обучением, изложить в главах кодекса, которые посвящены предметным институтам.

Действительно, источником многих функциональных институтов служат варианты конкретизирующие предписания (В-предписания) и исключительные нормы, делающие изъятие из установленного общего порядка. Однако «возвращение» их в предметные институты не только снизило бы техническое совершенство и морально-политическое воздействие кодифицированных актов, но и явилось бы шагом назад в самом правовом регулировании данных отношений. Функциональные институты — это не просто собранные вместе В-предписания и исключительные нормы, а единые, юридически сцементированные правовые комплексы. У них есть «нерастворимый остаток», выражающий высокий уровень совершенства правовой системы, высокую степень специализации ее содержания. Так, функциональный институт, регулирующий льготы для рабочих и служащих, совмещающих работу с обучением, возглавляют нормативные обобщения, нормы-принципы, которые объединяют и придают определенную содержательную направленность всему последующему нормативному материалу (ст. 184—188 КЗоТ РСФСР). Более того, этот институт имеет свою структуру, выраженную в наличии двух субинститутов, один из которых регулирует льготы для рабочих и служащих, обучающихся в общеобразова-

тельных и профессионально-технических учебных заведениях (ст. 189–195), а другой – льготы для рабочих и служащих, обучающихся в высших и средних специальных учебных заведениях (ст. 196–200).

Обособленная характеристика функциональных институтов имеет важное значение для понимания сложной структуры отраслей советского права, характера тех связей, которые существуют между ними. Она нужна и по практическим соображениям: при толковании и применении нормативных предписаний, входящих в состав функциональных институтов, необходимо постоянно учитывать содержание предметных институтов, которые «обслуживает» данный функциональный комплекс.

Надо заметить, что функциональные институты могут получить такого рода характеристику лишь *по отношению ко всем другим*, предметным институтам. Если же рассматривать функциональные институты изолированно, то у каждого из них, разумеется, тоже есть свой участок общественных отношений, а нередко ему соответствует и особая разновидность отношений (например, нормы, регулирующие регистрацию рождения, брака и др., имеют своим предметом отношения заявителя с органами записи актов гражданского состояния).

Особую разновидность в плоскости рассматриваемого деления образуют *процедурно-процессуальные институты*. Правда, некоторые комплексы норм, регулирующие процедуру совершения тех или иных действий, не имеют каких-либо существенных отличительных черт. Так, нормативные предписания, которые содержатся в гл. 11 КоБиС РСФСР («Порядок уплаты или взыскания алиментов»), регулируют единую функциональную операцию, касающуюся осуществления алиментных обязанностей, по ряду предметных алиментных институтов (гл. 9 и 10 того же Кодекса).

Однако институты, входящие в состав процессуальных отраслей (прежде всего институты уголовно-процессуального и гражданско-процессуального права), насыщены таким специфическим общественно-политическим, нравственным и юридическим содержанием, что они образовали особые сферы правового регулирования. Сохраняя функциональный характер по своему происхождению, т.е. по генетической линии, они обособляются внутри данной процессуальной отрасли преимущественно по предметному признаку. В составе процессуальных отраслей иногда складываются свои функциональные институты. К такого рода институтам, например, следует отнести комплекс норм уголовно-процессуального права, регулирующий производство по делам несовершеннолетних (гл. 32 УПК РСФСР).

4. Особое место среди институтов той или иной отрасли права занимают *общие институты*. Они не только сводят воедино нормативные обобщения, закрепляющие достижения юридической культуры, но и как бы возводят их в степень. Именно общие институты являются показателями юридического своеобразия данной отрасли или ее крупного подразделения, реальным выражением их существования в качестве обособленных правовых общностей.

Есть две группы правовых институтов данной разновидности: *общезакрепительные и основные*.

Общезакрепительные — это, в сущности, наиболее общие функциональные институты. Ведь и те комплексы норм, которые являются функциональными, имеют в определенной степени общий характер: они «выводят за скобки» некоторые единые моменты, касающиеся ряда отношений. В других же случаях функциональное регулирование касается не льгот и особенностей регулирования и не процедурных вопросов, а содержания всех отношений данного вида или рода. Тогда мы и встречаемся с общезакрепительными институтами.

К числу общезакрепительных следует отнести большинство институтов, которые включаются в состав общих частей или общих положений кодифицированных актов. В советском уголовном праве такими институтами являются, в частности, институты необходимой обороны и крайней необходимости (ст. 13–14 УК РСФСР), институт соучастия (ст. 17 УК РСФСР), институт условного осуждения (ст. 44–45 УК РСФСР) и др. В сфере гражданского права — это институт сделки, институт исковой давности, институт сроков.

Общезакрепительные институты могут складываться и в рамках крупных подразделений отрасли, ее подотраслей. Таковы общие условия производства предварительного следствия и общие условия судебного разбирательства (гл. 10, 21 УПК РСФСР), общие положения права собственности (гл. 7 ГК РСФСР). Общие же положения обязательственного права, изложенные в нескольких главах республиканских гражданских кодексов (в ГК РСФСР, ГК Украинской ССР, ГК Эстонской ССР и др. — 6 глав, а в ГК Казахской ССР — 7 глав), по существу, представляют собой общую часть этой подотрасли гражданского права.

Отмечая связь общезакрепительных институтов с функциональными, надо видеть и серьезное различие между ними. Так как данная разновидность правовых образований касается существенных вопросов содержания всех или большинства отношений соответствующего вида, в отраслевом регулировании они по своему месту и значению «выдвину-

ты вперед». Речь идет не только о том, что общезакрепительные предписания излагаются в первых главах и разделах кодифицированных актов, но и о том, что они играют определяющую роль по отношению ко всем иным, предметным и функциональным институтам. При толковании и применении всех нормативных предписаний, входящих в отрасль, ее общезакрепительные нормы имеют исходное значение.

Основные общие институты — это те институты, в которых закрепляются общие дефиниции, принципы отрасли, задачи законодательства. Не случайно в ряде кодифицированных актов они именуется не просто общими, а именно основными (см. первые главы УПК, ГК, КоБиС РСФСР и др.).

Надо полагать, что в составе каждой отрасли есть только один основной институт, в который входят также принципы, выраженные в преамбулах кодифицированных отраслевых актов.

Основной институт в каждой отрасли является носителем ее «души» — главного социально-политического и юридического содержания.

Существенное правовое значение основного института связано также с тем, что он формируется в нераздельном единстве с общезакрепительными институтами данной отрасли, образуя с ними особое подразделение — Общую часть.

5. Специализация институтов советского права выражается в ряде случаев в их *дифференциации по сферам* («ветвям») отношений данного вида.

Так, в советском гражданском праве регулирование собственности дифференцировалось в соответствии с ее формами и видами в социалистическом обществе. В настоящее время здесь сложилось несколько самостоятельных институтов — институт государственной собственности (гл. 8 ГК РСФСР), институт собственности колхозов, иных кооперативных организаций, их объединений (гл. 9), институт собственности профсоюзных и иных общественных организаций (гл. 10), институт личной собственности (гл. 11). Аналогичный процесс происходит в обязательственном праве: в нем обособились, с одной стороны, институты, регулирующие отношения в области социалистического хозяйства (поставки, подряда на капитальное строительство и т.д.), а с другой — институты, опосредствующие отношения в области обеспечения удовлетворения социалистическими организациями личных потребностей граждан (розничная купля-продажа, бытовой подряд и т.д.)¹.

¹ См.: Яковлев В.Ф. Гражданско-правовой метод регулирования общественных отношений. С. 174 и сл.

Известная дифференциация по сферам происходит в советском трудовом праве. Так, в ряде отраслей народного хозяйства, в частности на транспорте, в органах юстиции и других, действуют ведомственные уставы о дисциплине. В соответствии с этим существуют институты дисциплины труда работников отдельных видов транспорта, институт дисциплины народных судей и т.д.

В советском уголовном праве произошла дифференциация института ответственности за имущественные преступления. В настоящее время сформировалось два самостоятельных комплекса норм — институт ответственности за преступления против социалистической собственности (гл. 2 Особенной части УК РСФСР) и институт ответственности за преступления против личной собственности граждан (гл. 5).

Развитие дифференцированных институтов (как и близких к ним функциональных) нередко начинается с вариантных конкретизирующих предписаний. Так, первоначально особенности в регламентации уголовно-правовой ответственности за преступления против социалистической собственности были выражены в виде вариантных предписаний (п. «г» и «д» ст. 162, ч. II ст. 169 и др. ранее действовавшего УК РСФСР), и лишь затем, в связи с развитием социалистических общественных отношений, сформировался самостоятельный институт ответственности за преступления против социалистической собственности.

Как и в других случаях, дифференциация правовых институтов по сферам вызывает необходимость встречного процесса — интеграции нормативного материала. В соответствии с этим в некоторых областях советского права намечается формирование *генеральных институтов*.

Генеральный институт представляет собой комплекс норм, которые закрепляют общую юридическую конструкцию, в преломленном виде (по сферам) выраженную в дифференцированных институтах. По своей природе генеральные институты родственны общезакрепительным: их роль состоит в том, чтобы выразить то юридически единое, которое свойственно отдельным ветвям дифференцированного правового регулирования.

Процесс формирования генеральных институтов в советском праве нельзя признать завершенным (отчасти потому, что не завершено еще и процесс дифференциации правового регулирования по сферам и надобность в указанных нормативных обобщениях еще не стала столь заметной).

Но думается, что предписания, например гл. VI Основ законодательства Союза ССР и союзных республик о труде, — это генеральный институт дисциплины труда.

Существует тенденция формирования генеральных институтов в советском гражданском праве. Так, дифференциация правового регулирования подрядных отношений по некоторым сферам (институт подряда на капитальное строительство, институт заказа индивидуального оборудования, институт бытового подряда) обуславливает необходимость формулирования норм, которые бы образовали генеральный институт подряда. В какой-то мере эта идея выражена в действующем законодательстве. Основы гражданского законодательства и республиканские ГК говорят о подряде вообще (см., например, ст. 350–367 ГК РСФСР, ст. 332–352 ГК Украинской ССР и др.). Однако по своему содержанию они все же в значительной степени сориентированы на регулирование подрядных отношений с участием граждан и не выражают в достаточной мере то общее, что свойственно всем дифференцированным институтам.

Необходимость генеральных институтов в уголовном праве требует специального подробного изучения. В действующем законодательстве общие моменты ответственности за имущественные преступления «растворены» в двух указанных выше дифференцированных институтах. Именно поэтому в разных главах республиканских УК не только повторяются некоторые понятия (например, понятия «кража» — ст. 89 и 144 УК РСФСР, «грабеж» — ст. 90 и 145 и др.), но и синхронно применительно к социалистической и личной собственности дублируются варианты предписания. Так, и в ч. II ст. 89 и ч. II ст. 144 говорится о краже, совершенной повторно, или по предварительному сговору группой лиц, или с применением технических средств; в ч. III тех же статей одинаково говорится о краже, совершенной особо опасным рецидивистом. Надо думать, что такого рода дублирование (оно встречается и в ряде других статей гл. 2 и 5 Особенной части УК РСФСР и соответствующих глав УК других союзных республик) не может быть отнесено к технико-юридическим достижениям действующих уголовных кодексов. А это является одним из свидетельств того, что структура уголовного права окончательно еще не сформировалась.

3. Объединения правовых институтов. Комплексные институты

1. В ряде отраслей советского права обращает на себя внимание многоступенчатость, «многоэтажность» правовых общностей. Например, институт приговора входит в более высокое структурное подразделение уголовно-процессуального права — систему норм, регулирующих производство в суде первой инстанции (разд. III УПК РСФСР). Институт соучастия включается в подразделение Общей части уголовного права,

которое в уголовных кодексах озаглавлено «О преступлениях». Институт неустойки вместе с другими институтами обеспечения обязательств образует составную часть общих положений обязательственного права, которое в свою очередь входит в состав гражданского права, и т.д. Эта многоступенчатость правовых общностей той или иной отрасли находит отражение и в построении кодифицированных актов: в них нередко наряду с главами (и подглавами) выделяются подразделения более высокого ранга — разделы (в уголовных кодексах — части).

Для теоретического осмысливания многоступенчатости правовых общностей в юридической литературе выдвинута идея *субинститутов*. О.С. Иоффе — автор этой идеи — пришел к выводу, что «институт — не только не последнее после нормы подразделение отрасли права (имеются еще и подотрасли), но и не всегда первое подразделение, следующее за ней, так как самостоятельные органические образования встречаются иногда и внутри института. Такие образования, — подводит итог автор, — можно было бы назвать *субинститутами*»¹.

Мысль о существовании субинститутов плодотворна (мы вернемся к ней далее).

Вместе с тем не следует смешивать это «усложнение» в строении отдельных институтов с другим, весьма существенным явлением в структуре права — с *объединениями институтов*.

Правовой институт в принципе остается все же первичной, начальной правовой общностью, следующей, как правило, сразу за нормативными предписаниями и их ассоциациями².

Но правовые институты, как и нормативные предписания, могут объединяться в более крупные подразделения. Такие объединения нередко

¹ *Иоффе О.С.* Структурные подразделения системы права (на материалах гражданского права) // Ученые записки ВНИИСЗ. Вып. 14. С. 51.

² Ряд примеров, которые приводит О.С. Иоффе в обоснование идеи субинститутов, в действительности иллюстрируют объединения институтов. Таково, в частности, соотношение между институтами правосубъектности гражданина и юридического лица, с одной стороны, всей системой норм о гражданской правосубъектности — с другой; между институтами долевой и общей собственности и системой норм об общей собственности в целом и др. Автор сам указывает на то, что «в приведенных примерах нормы, образующие институт, целиком подразделяются по равнозначным самостоятельным группам» (Ученые записки ВНИИСЗ. Вып. 14. С. 50).

Более общие возражения против конструкции «субинститут» высказал И.В. Федоров. Он полагает, что каждый институт, «будучи видом структурного подразделения определенного рода, в то же время может быть родовым подразделением по отношению к другим структурным подразделениям» (*Федоров И.В.* Хозяйственный договор — особый вид гражданско-правового договора // Сборник работ Барнаульского юридического факультета. Томск, 1971. С. 52).

тоже именуется институтами. Например, принято говорить об институте гражданской правосубъектности, об институте авторского договора, об институте общей собственности и т.д. На самом деле во всех указанных случаях существуют *объединения* вполне самостоятельных институтов.

Не случайно поэтому в кодифицированных актах правовое регулирование указанных отношений, хотя и соединяется при изложении нормативных предписаний в одной главе акта, в действительности строится применительно к исходным правовым институтам. Так, в республиканских гражданских кодексах нормативные предписания о долевой и совместной собственности сосредоточены в одной главе и даже есть одна общая статья о том, что имущество может принадлежать нескольким лицам. Но по своему содержанию правовое регулирование долевой и совместной собственности дано раздельно (с одной стороны, ст. 117–125, с другой – ст. 126–134 ГК РСФСР). Это тем более оправданно потому, что институты общей долевой собственности и общей совместной собственности (собственности колхозного двора, собственности супругов) обособились, существуют и в принципе развиваются независимо друг от друга и лишь в результате нормативных обобщений объединены в специфическую *связку* институтов.

В каком же случае можно говорить о существовании субинститутов?

Это – органические образования относительно самостоятельного характера, формирующиеся внутри институтов. Следовательно, перед нами «усложнение» структуры института, относительное обособление внутри его определенного комплекса норм.

Такого рода образования внутри институтов зачастую представляют собой разросшиеся ассоциации предписаний. В частности, комплекс норм, регулирующих отношения по поставке, представляет собой в социалистическом обществе единый и цельный правовой институт (хотя в нем произошли и усиливаются дифференциация и интеграция нормативного материала в связи с особенностями отдельных видов поставки). Но в рамках этого единого и цельного правового института образовались из разросшихся ассоциаций компактные группы нормативных предписаний, которые в той или иной мере *выделяются* из всей массы нормативного материала, например институт гарантийных сроков, институт имущественной ответственности, институт заключения договора и др. Аналогичную структуру имеет институт льгот для рабочих и служащих, совмещающих работу с обучением. Здесь из всей массы однородного нормативного материала выделились два субинститута, один из которых посвящен льготам для рабочих и служащих, обучающихся в общеобразовательных и профессионально-технических учеб-

ных заведениях, а другой — льготам для рабочих и служащих, обучающихся в высших и средних специальных учебных заведениях.

Правовые институты, в составе которых относительно обособляются субинституты, могут быть названы *сложными*. От объединения институтов они отличаются тем, что в их содержании всегда есть значительный нераспределимый по субинститутам «остаток», который не сводится к одним лишь общим нормам. Например, весь нормативный материал института поставки невозможно без «остатка» распределить по равновеликим подразделениям. Основная масса его норм образует единый комплекс предписаний и их ассоциаций, которые лишь при изложении в нормативном акте располагаются по отдельным рубрикам (количество поставки, цена и порядок расчетов и т.д.). Когда же в результате дальнейшего развития социалистических хозяйственных отношений и соответствующего совершенствования законодательства весь нормативный материал обязательства поставки распределится по устойчивым, юридически равновеликим комплексам (подобная перспектива вполне реальна), то это будет означать, что указанные комплексы приобрели статус институтов, а отношения по поставке в целом регламентируются объединением институтов.

В некоторых отраслях права можно встретить правовые образования, которые представляют собой нечто среднее между сложным институтом и объединением. К ним, в частности, принадлежит система норм Общей части уголовного права, посвященных назначению наказания и освобождению от него (гл. 5 Общей части УК РСФСР). Эта система норм может быть охарактеризована в качестве единого и цельного института, в составе которого выделяются отдельные комплексы (условное осуждение, давность, освобождение от ответственности и др.). В то же время данные комплексы, несомненно, имеют статус институтов, и потому вся указанная выше система общих норм может быть определена и как объединение институтов.

2. Обращаясь к характеристике объединений правовых институтов, прежде всего необходимо заметить, что иногда можно встретить «связки» институтов, своего рода их ассоциации (в какой-то степени похожие на ассоциации нормативных предписаний). Так, в уголовно-процессуальном праве институт обстоятельств, исключающих возможность участия в судопроизводстве (гл. 4 УПК РСФСР), может рассматриваться в качестве детализирующего комплекса по отношению к институту, регламентирующему уголовно-процессуальную правосубъектность (гл. 3 УПК РСФСР). Таким же образом институт назначения наказания и освобождения от него (гл. 5 Общей части УК РСФСР) относится к институту наказания (гл. 4 Общей части УК РСФСР). Известные свя-

зи существуют между генеральным и дифференцированными институтами, а также между предметными и функциональными институтами (первые являются отношениями субординации, а вторые — координации). Но во всех указанных случаях связи между институтами остаются только связями: они не означают наличия особой правовой общности в структуре советского права.

Объединение же правовых институтов — это особый, наиболее высокий уровень строения отрасли права. В результате дифференциации и интеграции нормативного материала в ряде отраслей из родственных институтов формируются укрупненные образования, которые и могут быть названы *объединениями*.

Эти правовые объединения в кодифицированных актах именуются разделами, частями. Надо полагать, что юридические конструкции «раздел», «часть» и используются в правотворческой работе для юридико-технической компоновки родственных институтов в укрупненные подразделения отрасли.

Конечно, разделы в нормативных актах могут иметь и чисто классификационное значение. Например, в уголовно-процессуальных кодексах законодатель в целях логики процесса в одном ряду поместил и разделы, закрепляющие объединения институтов, и разделы, излагающие содержание одного института (например, раздел пятый — «Исполнение приговора» — содержит одну главу того же названия; аналогично содержание раздела седьмого и восьмого УПК РСФСР и соответствующих разделов УПК других союзных республик). Но все-таки, думается, что до тех пор, пока группа родственных институтов не получила формального закрепления в укрупненном разделе кодифицированного нормативного акта, можно констатировать факт постепенного накопления материала для объединения, но не само объединение. Почему? Да потому, что объединение институтов представляет собой системно-цельное правовое образование. А это значит, что содержание составляющих его институтов приведено в какое-то единство (согласовано, сцементировано единством понятий, терминов и т.д.), т.е. является правовой общностью. Достижение же такого единства реально становится возможным в том случае, когда законодатель целеустремленно компоует из нескольких родственных институтов единое подразделение кодифицированного акта. Поэтому, например, при весьма значительной общности правовых институтов, регулирующих договорные отношения гражданского права, они так и не образовали объединения; не образовали как раз потому, что соответствующий нормативный материал поглощен другим объединением (подотраслью) — обязательственным правом.

Объединения правовых институтов могут быть двух основных типов: *общие* и *предметные*. Об общих объединениях (общих частях) речь пойдет в следующей главе.

Что же касается предметных объединений, то они, как показывает практика законодательства, формируются в связи с особенностями отдельных укрупненных разновидностей в предмете регулирования данной отрасли. Таковы, например, объединения институтов советского семейного права («Брак», «Семья»). В частности, институты, помещенные в разделе «Семья», представляют собой довольно сложный комплекс, который охватывает различные стороны и ответвления семейных отношений, основанных на родстве, усыновлении, опеке и попечительстве. Объединение уголовно-процессуальных институтов, закрепленных в разделе шестом УПК РСФСР (институт надзорного производства и институт возобновления дела по вновь открывшимся обстоятельствам), охватывает весьма специфическую область уголовного судопроизводства – пересмотр приговоров, определений и постановлений, вступивших в законную силу.

3. Наиболее развитым объединением правовых институтов является *подотрасль права*¹.

Подотрасль – это такое объединение институтов, для которого характерна высокая степень специализации, дифференциации и интеграции входящих в его состав правовых общностей. Обратимся, например, к такой подотрасли советского гражданского права, как право собственности. Эту подотрасль образует связанная система дифференцированных и функциональных институтов, возглавляемая общим институтом. В нее входят: общие нормативные положения о праве собственности (гл. 7 ГК РСФСР), четыре предметных дифференцированных института, регулирующих формы и виды собственности (гл. 8–11 ГК РСФСР), и три функциональных института, посвященных общей собственности, приобретению и прекращению права собственности, его защите (гл. 12–14 ГК РСФСР).

Наиболее яркой отличительной чертой подотраслей, выделяющей их из иных правовых общностей, является *наличие в составе подотрасли общего института или, во всяком случае, ассоциации общих норм*.

¹ На важность выделения подотраслей как существенных структурных подразделений права указывает в литературе О.С. Иоффе. При этом автор подчеркивает, что подотрасль регулирует комплекс повторяющихся отношений. «Подотрасль, как и отрасль права, – пишет он, – должна содержать в себе совокупность норм, регулирующих однородные отношения разных видов, с включением в свой состав и таких норм, на основе которых могут быть приобретены конкретные права и обязанности» (Иоффе О.С. Структурные подразделения системы права (на материалах гражданского права) // Ученые записки ВНИИСЗ. Вып. 14. С. 50).

Как правило, подотрасль «возглавляется» общим институтом или даже группой общих институтов, которые закрепляются в особой главе кодифицированного нормативного акта. Эти общие институты характерны, например, для подотраслей гражданского процессуального права – особого производства (гл. 26 ГПК РСФСР), исполнительного производства (гл. 38). Есть они и в подотраслях уголовно-процессуального права – в системе институтов, регулирующих предварительное следствие (гл. 10 УПК РСФСР), и в системе институтов, предметом которых является производство в суде первой инстанции (гл. 21 УПК РСФСР). А в такой важнейшей подотрасли гражданского права, как обязательственное право, сформировался комплекс общих институтов, своего рода общая часть, закреплённый в особом подразделе республиканских гражданских кодексов, именуемом «Общие положения об обязательствах». Наметилась тенденция формирования общей части и в подотрасли гражданского права, регулирующей отношения собственности; ее могут образовать общие нормативные положения и функциональные институты, которые при такой компоновке нормативного материала тоже приобретают статус общих (общезакрепительных).

Но и те подотрасли, которые не характеризуются законодательно выделенными общими положениями, в действительности их имеют: либо в виде еще окончательно не сформировавшегося общего института, либо в виде ассоциации общих норм. Такие общие нормативные положения имеются, в частности, в авторском праве, изобретательском праве, наследственном праве, военно-уголовном праве. Так, в наследственном праве кроме института наследования по закону, института наследования по завещанию и ряда других институтов имеется комплекс общих норм (ст. 527–531 ГК РСФСР), который уже сейчас мог бы быть выделен в особое структурное подразделение соответствующего раздела ГК.

4. Специфическими, вторичными правовыми образованиями, выражающими известное удвоение нормативного материала, являются *отраслевые комплексные институты*¹.

¹ Под другим углом зрения рассматривает понятие «комплексный институт» Ю.К. Толстой. По его мнению, это – лишь результат систематики права по критерию, произвольно выбранному систематизатором (см.: *Толстой Ю.К. О теоретических основах кодификации гражданского законодательства // Правоведение. 1957. № 1*). При таком подходе понятие «комплексный институт» связано лишь с научными классификациями. Оно поэтому не может быть использовано при характеристике объективно существующей структуры советского права.

Как и удвоение структуры права на других ее уровнях, формирование комплексных институтов связано со множественностью черт юридического своеобразия подразделений правовой системы, а также множественностью системообразующих факторов.

Обратимся для примера к институту хозяйственного договора.

В советской цивилистической литературе до сих пор остается нерешенным вопрос о том, что такое «хозяйственный договор». Особый правовой институт? Теоретическая конструкция? Казалось бы, есть все основания принять первое из упомянутых предложений. В самом деле, существуют некоторые общие юридические черты гражданских правоотношений, возникающих в сферах материально-технического снабжения, капитального строительства, грузовой перевозки, оказания хозяйственных услуг; имеются самостоятельные нормативные акты, регламентирующие отдельные из этих общих вопросов; в науке и на практике утвердилась единая терминология. Но если хозяйственный договор — особый институт, то как объяснить это в связи с наличием таких институтов, отражающих своеобразие построения товарных имущественных отношений, как институты поставки, подряда, перевозки, услуг?

Для ответа на поставленный вопрос нужно вспомнить, что упомянутые гражданско-правовые институты, сложившиеся в сфере социалистического хозяйства, являются результатом дифференциации гражданско-правового регулирования по сферам. Дифференциацию же нормативного материала неизбежно сопровождает процесс интеграции.

Одно из проявлений такой интеграции состоит в отмеченной ранее тенденции формирования генеральных институтов (купли-продажи, подряда, услуг и др.). Генеральные институты воплощают в определенной юридической конструкции действия главного системообразующего фактора — особенности построения товарных имущественных отношений.

Но каково бы ни было построение имущественно-стоимостных отношений, всем им, если они находятся в сфере социалистического хозяйства, свойственны общие черты, связанные с централизованным государственным регулированием, планированием, единством материальных фондов и др. Отсюда проистекают общие юридические черты хозяйственных обязательств независимо от того, к какой юридической конструкции (в плане генеральных институтов) они относятся. Иными словами, через реальную структуру обязательств по основным юридическим типам проступает («прорывает-

ся») вторичная структура, которая и охватывается понятием «хозяйственный договор»¹.

Такая же вторичная (наслаивающаяся, «прорывающаяся») структура может быть обнаружена в сфере гражданских правоотношений, связанных с удовлетворением личных потребностей граждан. И здесь главные подразделения структуры гражданских правоотношений — институты, обособившиеся в соответствии с особенностями товарных, имущественных отношений. Это такие юридические конструкции, как договоры купли-продажи, подряда, перевозки, услуг и др. Но на содержание указанных правоотношений оказывают существенное влияние системообразующие факторы данной сферы: частичное удовлетворение потребностей из общественных фондов, направленность на всемерное удовлетворение потребностей граждан. Вот почему в рассматриваемой области гражданских правоотношений постепенно вырисовываются контуры специфического вторичного структурного образования, которое условно можно назвать «обязательство (договор) на обслуживание»².

В чем же реально состоит удвоение структуры права в случаях, когда складываются комплексные институты?

По отношению к отдельному нормативному предписанию, как было показано, оно заключается в факте «дублирования», «диффузии», при котором предписание из определенной области права воспринимает некоторые черты, свойственные другой области. При формировании же комплексных институтов нормативные предписания *внешне объективируются одновременно в двух разноплоскостных юридических конструкциях*.

Так, юридические нормы, регулирующие подрядные отношения по капитальному строительству, должны быть квалифицированы одновременно в качестве подрядных норм, т.е. соответствующих юри-

¹ Надо полагать, что без учета удвоения структуры права проблема хозяйственного договора как подразделения системы права не может быть решена. Отсюда — неопределенность суждений ряда авторов. Вот, например, что пишет Н.И. Овчинников: «Это категория... более общая, чем институт, и менее широкая, чем отрасль или даже подотрасль. Рассмотренный в качестве определенного законодательного образования, хозяйственный договор есть составная часть той подотрасли гражданского законодательства, которая именуется обязательственным правом» (*Овчинников Н.И. Хозяйственный договор и структура договорных связей: Автореф. дис. ... докт. юрид. наук. Изд.-во ЛГУ, 1972. С. 4*).

² Об особенностях гражданско-правового регулирования имущественных отношений в сфере обслуживания интересов граждан см.: *Кабалкин А.Ю. Гражданско-правовые договоры в сфере обслуживания // Советское государство и право. 1972. № 2. С. 127–132.*

дической конструкции генерального института подряда, и в качестве норм хозяйственного договора. Эти две юридические конструкции не исключают одна другую; напротив, они дополняют друг друга, являются параллельными.

Указанное обстоятельство имеет существенное значение для научных исследований ряда юридических норм, их практического применения. При изучении таких правовых явлений, как хозяйственный договор, договор на обслуживание и иные, должны быть в полной мере обнаружены обе юридические конструкции; только в этом случае раскрывается все богатство юридических свойств данных правовых явлений.

Аналогичные задачи следует решать при толковании и применении нормативных предписаний, одновременно воплощающихся в двух разноплоскостных юридических конструкциях. Например, при применении норм по бытовому подряду, учитывая их юридические особенности, связанные с публичным характером обслуживания граждан государственными и кооперативными организациями, нельзя упускать из поля зрения и то, что отношения по обслуживанию имеют подрядный характер, и поэтому организации, осуществляющие обслуживание, обременены всеми теми обязанностями, которые они должны нести в соответствии с общей конструкцией договора подряда.

5. Наряду с отраслевыми комплексными институтами, представляющими собой удвоение структуры в пределах отдельной отрасли, существуют также *межотраслевые* комплексные объединения норм¹.

Межотраслевые комплексные институты — это общности норм, которые также представляют собой результат известного удвоения структуры права. Но они сами выступают в качестве подразделений общностей более высокого уровня — комплексных отраслей. Тако-

¹ Надо заметить, однако, что комплексность в регулировании общественных отношений может достигаться при помощи отраслевых институтов, непосредственно не образующих межотраслевые объединения. Так, содержание уголовной ответственности настолько многопланово, что складывающиеся здесь общественные отношения регламентируются институтами уголовного и уголовно-процессуального права. Вряд ли поэтому можно согласиться с П.С. Дагелем, полагающим, что совместное участие уголовного и уголовно-процессуального права в регулировании ряда отношений (таких, как передача лица на поруки) и наличие в соответствующих нормативных актах корреспондирующих норм свидетельствует будто бы о существовании в указанных случаях комплексных материально-процессуальных институтов (Правоведение. 1972. № 2. С. 87).

вы, например, институты общей аварии, морских протестов и другие в морском праве. По своим юридическим свойствам они являются образованиями, которые целиком соответствуют особенностям комплексных отраслей. Следовательно, в этом случае особой проблемы межотраслевых комплексных институтов не возникает. Все те характеристики отраслей, которые могут быть сформулированы в отношении комплексных отраслей, полностью распространяются и на их внутренние подразделения — предметные и функциональные институты¹.

¹ Своеобразную конструкцию межотраслевых (а также общеправовых) институтов разработал Ю.К. Осипов. С его точки зрения, «каждая определенная часть норм, составляющих такие институты, принадлежит к какой-либо *одной определенной отрасли права*, но, как всякое отдельное, неполно через присущие им и нормам других отраслей общие черты входят в состав общего, то есть межотраслевых и общеправовых институтов» (Осипов Ю.К. Подведомственность юридических дел. Свердловск, 1973. С. 81).

В принципе такая конструкция межотраслевых институтов представляется приемлемой, тем более что она хорошо согласуется с идеей вторичных образований в структуре права.

Вместе с тем здесь есть и трудный вопрос. Какое место занимают межотраслевые и общеправовые институты в правовой системе? Ведь правовая система прежде всего распадается на укрупненные подразделения — отрасли. Нельзя же архитектонику права представлять таким образом, что наряду с отраслями (в том числе комплексными) сами по себе, обособленно существуют межотраслевые или общеправовые институты.

Наиболее логически последовательным вариантом решения рассматриваемого вопроса является включение межотраслевых институтов в состав комплексных образований (надотраслей, суперотраслей).

Интересно отметить, что институты подведомственности и права государственной собственности, которые ранее были отнесены к разряду смешанных, могут быть одновременно охарактеризованы и в качестве комплексных. В частности, институт подведомственности входит во вторичную интегрированную структуру — процессуальное право. Впрочем, такая двойная характеристика этих институтов была уже предопределена указанием на то, что их «смешанность» имеет черты межотраслевого объединения. Таким образом, обе характеристики рассматриваемых институтов (и как особого рода смешанных, и как части интегрированных комплексных объединений) не конкурируют, не исключают друг друга: с разных сторон они отражают богатство и многогранность их свойств и особенностей.

ГЛАВА ПЯТАЯ ОТРАСЛЬ ПРАВА

1. Понятие отрасли права. Ее структура

1. Отрасли советского права — это главные его структурные подразделения, подразделения на самом высоком уровне. Советское право как единая правовая система Союза ССР (включающая правовые подсистемы союзных республик) непосредственно складывается из такого рода крупных, обособленных друг от друга частей, которые и называются отраслями¹.

Если отдельное нормативное предписание представляет собой первичную «живую» клеточку права, а правовые институты — «блоки», то отрасли являются самостоятельными, относительно замкнутыми *механизмами* регулирования.

Обладая значительным юридическим своеобразием, каждая отрасль права есть относительно автономное образование, которое опосредствует не отдельный участок общественных отношений, а их специфический, качественно особый вид, охватывающий множество его разновидностей и разветвлений.

¹ Вопросы о делении советского права на отрасли и о связях между отраслями, рассматриваемые в этой и следующей главах, уже освещались мной в ранее опубликованных работах, в частности в кн. «Общие теоретические проблемы системы советского права» (Госюриздат, 1961).

Главные из защищавшихся в то время идей нашли подтверждение и развитие в результате последующего обсуждения и разработки проблемы (о предмете правового регулирования и его чертах; о методе правового регулирования, его многогранности, значении и соотношении с предметом; об объективности системы права и др.). Эти идеи взяты за основу и в данной работе. Разумеется, учтены новые данные и материалы, например те, которые обусловили необходимость признания в качестве самостоятельных отраслей земельного и финансового права.

Вместе с тем изменение «угла зрения», связанное с новейшими философскими исследованиями структурно-элементных отношений, потребовало рассмотрения деления права на отрасли в качестве одного из уровней структуры права в целом. А это позволило не только расширить проблематику, но и дополнить основные идеи, выдержавшие проверку временем, некоторыми новыми моментами, в том числе о вторичных образованиях в системе права, о механизме воздействия на нее системы законодательства и других, а также охарактеризовать структуру советского права как существенную правовую ценность.

Таким образом, под отраслью советского права понимаются главные, относительно замкнутые структурные подразделения, состоящие из компактной системы распределенных по институтам нормативных предписаний, регулирующих специфический вид общественных отношений.

Основная функция отраслей в правовой системе состоит в том, чтобы применительно к качественно особому виду общественных отношений *обеспечивать определенный юридический режим правового регулирования.*

Юридический режим регулирования — это *особая система правового воздействия*, состоящая главным образом в специфике приемов (метода) регулирования, а также в его механизме. Указанная специфика настолько существенна, что складывается именно режим регулирования, особая его атмосфера — такой порядок, который пронизан едиными принципами и который сказывается на всех его элементах: и на отраслевых нормах, и на статусе субъектов, и на конкретных правоотношениях (юридических фактах, юридических санкциях и др.). Реально, в фактической жизни отраслевой режим выражается в характере и особенностях правовых связей, во всем строе правовых отношений (как общих, так и конкретных)¹.

Для того чтобы отчетливее обрисовать юридическую специфику отраслей, можно представить себе правовую систему в виде такого образования, каждый крупный участок которого отличается ярким контрастным цветом. И в цвет данного участка *окрашено все, что им охватывается, все дробные подразделения, в него входящие*².

¹ Мысль о том, что каждая отрасль права обеспечивает особый юридический режим, все более утверждается в советской юридической литературе. Об особом правовом режиме земли, установленном советским земельным правом, говорит Г.А. Аксененко в статье «Понятие советского земельного права и его системы» (Советское государство и право. 1969. № 3. С. 31). Понятие «правовой режим» для характеристики юридических особенностей советского трудового права с успехом использует Б.К. Бегичев в кн. «Трудовая правоспособность советских граждан».

² В области науки особенности юридического режима отрасли воплощаются в виде специфичной для каждой отрасли системы фундаментальных юридических понятий. Таковы, например, понятия преступления, наказания, уголовной ответственности в уголовном праве; компетенции, административного акта, штрафа в административном праве; гражданской правосубъектности, собственности, обязательства в гражданском праве; брака, семьи, алиментирования в семейном праве и т.д. Именно глубокое интеллектуальное единство отрасли приводит к тому, что фундаментальные и иные отраслевые понятия, отраслевые теоретические конструкции образуют «единый, четко налаженный механизм, стройную, во всех своих подразделениях согласованную систему, координированную в одних и субординированную в других образующих ее составных частях» (Иоффе О.С. Логические пределы понятий юридического лица, оперативного управления, хозяйственного обязательства // Правоведение. 1972. № 6. С. 103).

Известная замкнутость, суверенность правового режима, обеспечиваемого отраслью, выражается в подмеченном в литературе факте «неприменимости к отношениям, регулируемым данной отраслью, норм, лежащих за ее пределами»¹.

Замкнутость, суверенность отраслевых режимов регулирования определяет важнейшие моменты правовой квалификации юридических дел, саму направленность их решения правоприменительными органами. Верховный Суд Союза ССР и Верховные суды союзных республик неоднократно подчеркивали необходимость проведения строгих разграничительных линий между правовыми режимами различных отраслей права. Так, в ряде постановлений и определений, изданных в последнее время, указывается, что при решении споров об оплате труда следует разграничивать отношения трудового и гражданского права, трудового и авторского права² и др.

Более конкретный пример. Кунцевский районный народный суд Москвы, приговорив Смирнова к лишению свободы за побег из лечебно-трудового профилактория, указал в приговоре на то, что после отбытия наказания Смирнов подлежит возвращению в профилакторий сроком на один год и десять месяцев. Это указание признано Верховным Судом РСФСР неправильным, не основанным на законе. Почему же? Потому что меры административно-медицинского характера и уголовное наказание — средства юридического воздействия, подчиненные различным отраслевым юридическим режимам. В определении Судебной коллегии по уголовным делам говорится: «Направление в лечебно-трудовой профилакторий является мерой административно-медицинского характера, и осуждение за преступление прекращает действие постановления о применении этой меры». Поэтому, решая уголовное дело, народный суд некомпетентен одновременно, да еще и на будущее, определять судьбу административных правоотношений. «Если, — сказано в определении, — необходимость в принудительном лечении не отпадает и после отбытия лишения свободы, то при наличии медицинского заключения администрация исправительно-трудового учреждения в соответствии со ст. 58 Исправительно-трудового кодекса РСФСР входит в суд с представлением о принудительном лечении такого лица в лечебно-трудовом профилактории»³.

¹ Мицкевич А.В. Соотношение системы советского права с системой советского законодательства // Ученые записки ВНИИСЗ. Вып. 11. С. 11.

² См., например: Бюллетень Верховного Суда РСФСР. 1972. № 5. С. 37; № 11. С. 4.

³ Бюллетень Верховного Суда РСФСР. 1972. № 1. С. 5.

2. Освещение юридической специфики отраслей права через при-
сущие им юридические режимы, и прежде всего через особые методы
регулирования, позволяет с необходимой четкостью раскрыть *соци-
альную ценность* той или иной отрасли.

Если социальная ценность советского права в целом коренится
в его свойствах (нормативности, формальной определенности и др.),
в его социально-политическом и правовом содержании, то социаль-
ная ценность той или иной отрасли с юридической стороны вопло-
щена в сумме способов, приемов, принципов регулирования, харак-
теризующих главные особенности отраслевого режима, во всем бо-
гатстве его юридического инструментария.

Например, административно-правовое регулирование выражено в ре-
жиме власть — подчинение, построенном на наличии у субъектов власт-
ной компетенции, императивности актов и т.д. Именно поэтому основные
черты социальной ценности советского административного права состоят
в том, что оно призвано обеспечивать проведение начал социалистической
централизации, развертывание управленческих отношений, строгую дис-
циплину в области исполнительно-распорядительной деятельности.

Социальная ценность советского трудового права заключена в осо-
бом трудовом режиме этой отрасли. Порядок подчиненности рабоче-
го и служащего правилам трудового распорядка, правомерным распо-
ряжениям администрации, юридические возможности работника воз-
действовать на отношения по производству, получать определенную
сумму благ и льгот — все это такие правовые ценности, которые обес-
печивают надлежащее развертывание и функционирование социали-
стических отношений по применению труда.

«Величина» социальной ценности той или иной отрасли зависит
от того, каков уровень совершенства приемов и способов регулиро-
вания данного юридического режима, какие резервы регулирования
в этом режиме заключены.

Например, о социальной ценности гражданского права свидетельст-
вует сам факт использования метода гражданско-правового регулиро-
вания, сложившегося на основе товарных имущественных отношений,
для опосредствования личных неимущественных связей. Показателем
ценности юридического режима трудового права является использо-
вание его элементов в развитии советского колхозного права и т.д.

3. Каждая отрасль права — это юридически цельное, нерасторжи-
мое правовое образование, отличающееся высоким уровнем внутрен-
ней организации, единством образующих ее элементов — институтов,
их объединений, подотраслей.

В юридической литературе уже обращалось внимание на то, что отрасль складывается не непосредственно из норм, а представляет собой «обособленную совокупность распределенных по институтам правовых норм»¹. Необходимо с большей определенностью сказать, что отрасль права следует рассматривать в качестве сложного соединения институтов и их укрупненных подразделений, соединения, выражающего устойчивый закон связи элементов отрасли, т.е. ее структуру в точном смысле этого слова.

Для отрасли права характерен *такой полный «набор» взаимодействующих между собой общих, функциональных, предметных регулятивных и охранительных институтов и их объединений, который обеспечивает все стороны и элементы данного юридического режима.*

Иными словами, начала целостности, интегрированности имеют для отраслей права еще большее значение, чем для дробных подразделений правовой системы. Например, правовые институты тоже призваны дать цельное регулирование, которое, однако, в рамках институтов носит, как правило, специализированный характер, касается узкого участка общественных отношений.

Отрасли же права способны выполнить в правовой системе свои функции по обеспечению определенного юридического режима лишь постольку, поскольку в их составе есть весь нормативный инструментарий — от общих норм до охранительных предписаний. То, что может быть названо юридическим режимом, представляет собой целостный, многогранный юридический порядок, который предполагает и введение общих принципов регулирования, и регламентацию всех сторон данных отношений, и указание на содержание правосубъектности, и установление необходимых государственно-обеспечительных мер, и наличие предписаний, призванных определять действие норм во времени, решать коллизионные вопросы, и т.п. Словом, отрасль должна содержать весь комплект «блоков» и «агрегатов», чтобы бесперебойно работало все отраслевое «хозяйство», функционировал весь отраслевой механизм регулирования. Весьма характерно, что нередко только в рамках отрасли права в целом могут быть выявлены логические нормы — нормы со всеми элементами и атрибутами, необходимыми для единого юридического, государственно-властного регулирования данных отношений.

Таким образом, в строении отрасли, в связях и соотношении образующих ее элементов заключен закон связи — устойчивый способ их со-

¹ Правоведение. 1970. № 6. С. 67.

единения. Для подавляющего числа отраслей он является более или менее типичным (общие институты – предметные регулятивные – функциональные – предметные охранительные). Исключение, пожалуй, составляет уголовное право, которое подчинено в основном выполнению охранительных задач и структура которого не включает конкретно-регулятивных институтов.

Особо следует сказать о месте и роли в структуре отрасли общих институтов. В развитых отраслях права они образуют специфическое объединение, которое не только выражает и олицетворяет единство отрасли, ее целостность, но и выступает в рамках отрасли в качестве активного центра.

Выше уже отмечалось, что в каждой отрасли есть свой *основной институт* – комплекс нормативных предписаний, посвященных определению предмета отрасли, ее задачам, отраслевым принципам. Обратим внимание – *принципам!* Именно потому, что главное содержание основного института образуют отраслевые принципы (а также нормы-задачи, общие отраслевые дефиниции), основной институт и органически связанные с ним общезакрепительные институты выполняют в структуре отрасли роль наиболее интенсивного звена, «одухотворяющего» всю отрасль единым идейно-теоретическим содержанием, общими социалистическими политико-правовыми началами¹.

И еще один момент представляется здесь существенным. В ряде отраслей права (гражданском праве, процессуальных отраслях и др.) к основному институту вплотную примыкает общий институт, который регламентирует правосубъектность участников данных отношений. Но это и есть комплекс нормативных предписаний, регламентирующий главный элемент общего юридического положения субъектов, их правового статуса.

По мере развития той или иной отрасли права, усиления процесса специализации, дифференциации и интеграции нормативного материала усложняется и ее структура. Такие, например, крупные отрасли советского права, как административное, гражданское, уголовно-процессуальное, гражданское процессуальное, в настоящее время пред-

¹ В.Ф. Яковлев пишет: «Отраслевой метод, фокусирующий в себе основные черты юридического содержания отрасли и выраженный наиболее рельефно в нормах общей части, проникает во все гражданско-правовые институты и служит тем скрепляющим составом, который объединяет все нормы и институты гражданского права в одно целое. Единый метод гражданско-правового регулирования потому и существует, что в отрасли сформировалась общая ее часть» (Яковлев В.Ф. Гражданско-правовой метод регулирования общественных отношений. С. 169–170). О значении общих норм в утверждении общих начал отрасли см.: Советское государство и право. 1971. № 1. С. 38–45.

ставляют собой сложный комплекс, состоящий из объединения общих институтов (общей части), группы подотраслей и отдельных правовых институтов.

Правильной характеристике структуры того или иного комплекса институтов принадлежит немалое значение для решения вопроса о том, является ли этот комплекс самостоятельной основной отраслью. Но самое главное, думается, состоит здесь в том, что *характер, развитость структуры отрасли служит существенным показателем ее социальной ценности*. Полнота «комплекта» основных элементов структуры, многоуровневое ее построение, наличие надлежаще дифференцированных подразделений, общей части и т.д. — все это значительно влияет на степень регулирующей «энергии» отрасли, ее потенциала в воздействии на социалистические общественные отношения.

Отсюда рассматриваемая проблема имеет и непосредственное практическое значение, связанное с определением состава и соотношения подразделений кодифицированных актов.

Казалось бы, чисто технико-юридический вопрос: как построить структуру Основ гражданского законодательства и ГК республик — по институционной системе (без выделения общей части и вещного права) или по пандектной системе (с выделением указанных подразделений)? Но ведь юридическая техника должна выражать реальную структуру права, ее отдельных отраслей. «Если система данной отрасли права существует объективно, — пишет С.Н. Братусь, — то осознание определенных закономерностей единства (общая часть) и расчленения норм с группировкой по институтам, заключенных в этой отрасли, лучше и глубже отражает действительность, чем эмпирическая констатация и регистрация существования таких норм»¹. Общая часть в Основах гражданского законодательства и республиканских ГК — это не просто удачный технико-юридический прием, а выражение и утверждение реальной структуры социалистического гражданского права, ее регулирующей «энергии», ценности.

В свое время при подготовке проектов кодифицированных актов по гражданскому праву реальный факт дифференциации гражданско-правового регулирования, казалось, предопределил структурное обособление в системе гражданского законодательства хозяйственных гражданско-правовых институтов и институтов, направленных на обеспечение индивидуальных потребностей граждан. Законодатель

¹ Братусь С.Н. Предмет и система советского гражданского права. Госюриздат, 1963. С. 181.

не пошел по такому пути: и те и другие институты расположены в Основах и республиканских ГК в «одном ряду» (в частности, отдельные виды обязательств расположены с ориентировкой на их генеральные юридические типы — купля-продажа, мена, дарение, поставка и т.д.); не в полной мере использованы нормативные обобщения, которые бы в комплексе могли отразить все то общее, что свойственно гражданско-правовому регулированию в области хозяйства¹.

Недостаточный учет в системе гражданского законодательства реальной дифференциации гражданско-правового регулирования, видимо, и привел к тому, что его воздействие на экономику страны и на развитие хозяйственного законодательства оказалось не столь значительным, как можно было ожидать. Во всяком случае это дало основание утверждать, что проведенная кодификация гражданского законодательства не решила вопросов правового регулирования хозяйственных отношений² и увеличила силу аргументов тех авторов, которые считают, что при сложившихся воззрениях на систему права (т.е. без признания идеи хозяйственного права) невозможно решать актуальные вопросы экономического развития.

Есть основания полагать, что в дальнейшей дифференциации и интеграции гражданско-правового регулирования, выраженных в совершенствовании структуры советского гражданского законодательства, и состоит один из важнейших резервов повышения его эффективности, усиления его социальной ценности в социалистическом обществе.

2. Предмет и метод регулирования в отрасли права

1. Главным системообразующим фактором, обуславливающим выделение отрасли в правовой системе, является *предмет правового регулирования*.

Разумеется, отрасль права формируется под воздействием множества условий и обстоятельств, связанных с общим развитием правовой системы, ее подразделений, с законодательными традициями, влиянием на законодательную деятельность тех или иных теоретических концепций и др. Вообще предмет регулирования, как и объект любой управляющей системы, важен для всех других звеньев структуры пра-

¹ См.: Яковлев В.Ф. Гражданско-правовой метод регулирования общественных отношений. С. 198—200.

² См.: Мамутов В.К. Тенденции исследования правового регулирования экономики // Советское государство и право. 1972. № 4. С. 77.

ва — нормативных предписаний, их ассоциаций, правовых институтов, объединений институтов, подотраслей.

Но все дело в том, что для отраслей права предмет правового регулирования имеет *первоочередное, повышенное* системообразующее значение. Конечно, не следует изображать это системообразующее значение предмета для деления права на отрасли в чрезмерном, гипертрофированном виде. Деление общественных отношений само по себе не «дает» системы права. Неверно отождествлять роль предмета с ролью экономического базиса, его воздействием на право, его структуру.

И все же именно предмет — главное неправовое основание выделения определенных комплексов правовых институтов в отрасли права. А происходит это потому, что *в предмете заложена объективная необходимость обособленной нормативно-правовой регламентации данных отношений*.

В юридической литературе распространено мнение, в соответствии с которым при обособлении отраслей права непосредственное значение имеет политический момент — заинтересованность социалистического государства, советского народа, руководимого Коммунистической партией, в самостоятельной юридической регламентации данных отношений¹. Отдельные авторы указывают на момент заинтересованности как на системообразующий фактор, который действует наряду с предметом регулирования².

Между тем соотношение системообразующих факторов здесь совсем иное. Предмет правового регулирования является решающим системообразующим основанием как раз потому, что известная группа отношений, назревшие потребности общественной жизни, т.е. все то, что входит в предмет регулирования, объективно требуют юридически своеобразной регламентации при помощи особого режима регулирования.

Иными словами, когда мы рассматриваем предмет правового регулирования в качестве основания деления права на отрасли, то данные общественные отношения разворачиваются перед нами своими глубинными чертами и особенностями. И хотя на структуру права так или иначе влияют все стороны регулируемых фактических отношений (в том числе организационных, идеологических и пр.), деление права

¹ См.: Марксистско-ленинская общая теория государства и права: Социалистическое право. С. 298.

² См., например: *Коток В.Ф.* Содержание конституционного права // Советское государство и право. 1971. № 2. С. 109.

на отрасли предопределяется именно глубинным *социально-экономическим, политическим содержанием* общественных отношений.

Следовательно, при характеристике предмета правового регулирования как решающего системообразующего фактора системы права внимание должно быть сконцентрировано на тех объективных свойствах общественных отношений, которые выражают момент требования правового регулирования, притом регулирования особым юридическим режимом.

Значение предмета правового регулирования как решающего системообразующего фактора системы права объясняется тем, что через глубинные черты и особенности общественных отношений проявляется воздействие на структуру права экономики социалистического общества, его политической организации. Даже при самой богатой фантазии трудно представить себе такую ситуацию, когда бы государство и общество «просто так» были заинтересованы в обособлении той или иной отрасли. Эта заинтересованность всегда является лишь выражением в сфере политики назревших потребностей общественного развития.

Конечно, общественные отношения, образующие предмет регулирования той или иной отрасли, складываются под воздействием сложного соединения сил — экономических, политических, моральных и т.д. Немалую роль в становлении определенных общественных отношений играют правовые рычаги. Но во всех случаях, когда и предмет правового регулирования, и соответствующая ему отрасль права *уже сложились*, в недрах данных общественных отношений могут быть выявлены такие черты и особенности, которые выражают объективную необходимость их регулирования в особых юридических формах.

Отсюда, помимо прочего, следует, что при характеристике предмета правового регулирования нельзя ограничиваться констатацией круга регулируемых фактических отношений, тем более что в орбиту регулирования данной отрасли втягиваются смежные, родственные, «сопряженные» отношения, а то и нетипические отношения, для которых оказалось возможным использовать уже сложившийся отраслевой механизм. (Так, например, случилось с гражданским правом, которое использовано для опосредствования и защиты личных неимущественных отношений.) Не случайно поэтому подробный анализ предмета любой сложившейся отрасли права приводит к выводу о разнородности регулируемых ею отношений.

Самое главное при исследовании предмета той или иной отрасли права — это выявление его ядра, т.е. тех общественных отношений,

глубинное социально-экономическое, политическое содержание которых и вызвало к жизни данную отрасль, предопределило своеобразие ее юридического режима.

Так, советское государственное право не только закрепляет в конституционных нормах начала полновластия советского народа, народный и национальный суверенитет, но и конкретизированно регламентирует властотношения, взаимосвязи между органами государственной власти и т.д. Однако основу, ядро предмета государственного права образуют отношения, непосредственно выражающие принципы, структуру и механизм политической организации социалистического общества, фундаментальные институты советского общества и государства. Эти центральные общественные отношения через систему конституционных норм и определяют главные юридические особенности государственного права, специфику свойственного ему метода, нацеленного на всеобщее закрепление полновластия народа, утверждение общих прав и свобод граждан и т.п.

Советское гражданское право в современных условиях регулирует не только имущественно-стоимостные отношения, включая безвозмездные, но и личные неимущественные и частично организационные отношения¹ (хотя последние и не образуют «равноправного» компонента с иными, а представляют собой момент, «связку» в системе имущественных отношений)². Однако жизнь гражданско-правовому регулированию дали товарные имущественные отношения, глубинные социально-экономические особенности которых предопределили и своеобразие метода гражданского права, и механизм гражданско-правового воздействия, и его принципы и т.д.

Весьма разнородны отношения, регулируемые советским трудовым правом. Это – отношения администрации предприятий с профсоюзами, и отношения по трудовому устройству и посредничеству, и отношения по надзору за охраной труда, и др. Но здесь тоже есть ядро, которое дало жизнь трудовому праву как особой отрасли, – отношения, сопряженные со сферой приложения рабочей силы к средствам производства и участия в распределении по труду. «Как раз в этой сфере, – пишет Б.К. Бегичев, – проявляются особенности, приводящие к формированию своеобразных общественных связей, которые тре-

¹ См.: Красавчиков О.А. Структура предмета советского гражданско-правового регулирования социалистических общественных отношений // Сборник ученых трудов СЮИ. Вып. 13. Свердловск, 1970.

² См.: Толстой Г.К. Кодификация гражданского законодательства в СССР: Автореф. дис. ... докт. юрид. наук. С. 7.

буют специфической формы правового регулирования – регулирования трудовым правом»¹.

Из комплекса разнообразных земельных отношений выделяются общественные связи, выражающие непосредственное землепользование в условиях национализации земли в СССР. Именно они и определяют существование особого юридического режима регулирования, свойственного советскому земельному праву².

Такие же центральные отношения, социально-экономические, политические, содержание которых определяется особенностями данной формы регулирования, могут быть найдены во всех других отраслях советского права. И хотя ядро предмета отрасли «обрастает» рядом других отношений, в том числе нетипических (причем последние, конечно, накладывают свою печать и на своеобразие отрасли, и на ее структуру), именно оно выражает системообразующее значение предмета правового регулирования в делении права по отраслям.

Итак, предмет отрасли права образует качественно особый вид общественных отношений. Это особое качество состоит именно в том, что глубинное социально-экономическое, политическое содержание данных отношений объективно требует адекватного юридического режима регулирования, который и выделяет данную совокупность правовых институтов в главное подразделение правовой системы.

Приведенные выше соображения объясняют бесплодность неоднократно предпринимавшихся в литературе попыток «вывести» систему права из какой-либо неправовой классификации общественных отношений. Бесперспективность подобного подхода проявляется с очевидностью, если учесть разнородность предмета любой отрасли: как правило, каждая отрасль в различных комбинациях охватывает и организационные, и личные, и имущественные, и другие разновидности общественных отношений.

Но если даже не идти дальше тех центральных отношений, которые образуют ядро предмета отрасли, то и в этом случае (с точки зрения неправовых классификаций) перед нами весьма разноплоскостные группы общественных связей.

Виды общественных отношений, являющиеся предметами отраслей права, представляют собой *особую, правовую* классификацию общественных отношений, такую классификацию, которая

¹ Бегичев Б.К. Трудовая правоспособность советских граждан. С. 26.

² См.: Ерофеев Б.В. Основы земельного права (теоретические вопросы). М.: Юрид. лит., 1971. С. 34–39.

выражает их глубинные социально-экономические, политические особенности — момент требования юридически своеобразного режима регулирования.

2. Юридический режим, обеспечиваемый той или иной отраслью права, выражается главным образом в особенностях ее регулятивных свойств, способов и приемов регулирования. Эти особенности настолько значительны, что они воплощаются в *особом, специфичном только для данной отрасли методе правового регулирования*¹.

Как уже отмечалось, значение метода регулирования для обособления отраслей в правовой системе подмечено в юридической литературе уже давно. В последние годы вышли в свет монографические исследования, посвященные методам регулирования отдельных отраслей права². Обращено, в частности, внимание на то, что отраслевой метод выражается прежде всего в самом содержании отрасли, в природе и направленности ее норм и институтов³. В то же время прочно утвердилась мысль о том, что метод нельзя сводить только к одному приему или способу регулирования: особенности метода, свойственного отрасли, выражаются во многих сторонах и элементах юридических норм и правоотношений⁴. Это и позволяет, в частности, говорить о том, что каждой отрасли присущ свой структурный тип правоотношения⁵.

Метод правового регулирования — наиболее яркий и надежный показатель юридического своеобразия отрасли, обеспечиваемого ею

¹ Иногда в юридической литературе понятие «метод регулирования» используется, на мой взгляд, чрезмерно широко. Некоторые авторы находят «особый метод» не только у отраслей, но даже у подотраслей, институтов, субинститутов. Конечно, каждое подразделение правовой системы отличается известными особенностями своих регулятивных свойств. Но все же, думается, понятие «метод регулирования» нужно сохранить для главных особенностей в приемах регулирования, присущих отраслям права. В отношении же других подразделений достаточно ограничиться указаниями на особенности «способов» воздействия, «приемов» регулирования и т.д.

² См.: *Процевский А.И.* Метод правового регулирования трудовых отношений. М.: Юрид. лит., 1972; *Яковлев В.Ф.* Гражданско-правовой метод регулирования общественных отношений.

³ См. там же. С. 65 и сл.

⁴ Только недоразумением можно объяснить то обстоятельство, что автору настоящей работы (неоднократно и с подчеркнутой настойчивостью обращавшему внимание на многообразие сторон отраслевого метода) был брошен упрек в сведении метода к одним лишь юридическим фактам (Советское государство и право. 1967. № 9. С. 38).

⁵ Понятие «структурный тип правоотношения» с успехом использовано С.И. Аскназием и О.С. Иоффе для разграничения гражданских и административных правоотношений (см., в частности: *Иоффе О.С.* Правоотношение по советскому гражданскому праву. Изд-во ЛГУ, 1949. С. 32).

особого режима регулирования. Правда, «наряду с таким явлением, относящимся к форме права, как метод, существует еще много других относящихся сюда же, но недостаточно раскрытых и выявленных нами правовых явлений, правовых особенностей»¹. К числу этих правовых особенностей относится своеобразный *механизм регулирования*, т.е. особое сцепление норм, правоотношений, индивидуальных актов, которое также выражает особый юридический режим (с точки зрения свойственного отрасли юридического инструментария). Вообще же юридический режим регулирования хотя реально и проявляется в системе правоотношений, но потому и обозначается словом «режим», что характеризуется многими чертами, в том числе особыми отраслевыми принципами, едиными общими положениями, обособленным кодифицированным законодательством и др.

Однако главным и определяющим, в концентрированном, сжатом виде выявляющим юридические особенности отрасли, остается метод правового регулирования. Метод, как уже говорилось ранее, принадлежит к той стороне правового воздействия, которая характеризует качественные особенности права как института социального управления. Поэтому от метода зависят и другие особенности, которые свойственны правовому режиму данной отрасли, выражающемуся в определенном строении правовых связей. Даже механизм регулирования (который имеет самостоятельное значение и вместе с методом очерчивает основные контуры отраслевого режима²) в конечном счете обусловлен спецификой отраслевого метода³. Как правильно отмечено в литературе, отраслевой метод «концентрирует в себе основные юридические особенности отрасли, ее п р а в о в ы е с в о й с т в а»⁴.

3. Существенный теоретический и практический интерес представляет вопрос о г л а в н о й черте отраслевого метода.

¹ Советское государство и право. 1967. № 9. С. 38.

² Хотелось бы привлечь внимание к необходимости самостоятельной научной разработки отраслевых механизмов правового регулирования. Правда, на первый взгляд может сложиться впечатление, что эта проблема в значительной степени совпадает с проблемой метода данной отрасли. Действительно, в особом сцеплении норм, правоотношений, индивидуальных актов и других элементов механизма проявляются особенности метода, рассматриваемого в действии, в динамике. Но здесь есть и свой, чрезвычайно важный аспект — *системное освещение всего юридического инструментария*, что и представляет значительный интерес для раскрытия важных, не охватываемых проблемой метода сторон отраслевого юридического режима.

³ См.: Яковлев В.Ф. Гражданско-правовой метод регулирования общественных отношений. С. 15–16.

⁴ Там же. С. 16.

В последние годы утверждается мысль, что метод правового регулирования выражается в самом содержании отраслей права. В.Ф. Яковлев убедительно показал, что основные формы (способы) правового воздействия – запрет, обязывающее предписание, дозволение – проявляются в отраслях права по-разному и это прежде всего характеризует особенности свойственных им методов регулирования. Так, уголовному праву присущ преимущественно запретительный характер, административному – обязывающий, гражданскому – дозволи- тельный и т.д.¹

Однако если бы методы регулирования сводились только к комбинациям указанных трех форм правового воздействия (запретов, обязывающих предписаний, дозволений), то все правовое регулирование нужно было бы разделить на три большие сферы, внутри которых отдельные отрасли оказались бы юридически нивелированными, неразличимыми².

Но все дело в том, что запрещающий, обязывающий и дозволи- тельный способы регулирования определяют лишь групповые контуры отраслевых методов. Специфические правовые режимы, обеспечиваемые отраслями права, характеризуются не только тем, предоставлены ли субъектам правомочия на дозволи- тельные действия и какому – актив- ному или пассивному – образу поведения должно следовать обязан- ное лицо. В административном праве, например, дозволений не мень- ше, чем в гражданском. Самое важное – *качество* субъективных прав и обязанностей, особенности дозволений, обязывающих предписа- ний, запретов.

В принципе здесь возможны два простейших приема регулирова- ния: императивный и диспозитивный. Государство может регламен- тировать поведение участников общественных отношений либо не- посредственно, сверху (императивное регулирование), либо опосре-

¹ См.: Яковлев В.Ф. Гражданско-правовой метод регулирования общественных отношений. С. 70–71.

² Так, выделив «три типа правового регулирования», В.Д. Сорокин распределил по этим трем типам все отрасли права (см.: Сорокин В.Д. Административно-процессу- альное право. М.: Юрид. лит., 1972. С. 39–41). Отказавшись от выяснения юридиче- ской специфики каждой отрасли (автор подвергает решительной критике воззрение о наличии отраслевых методов регулирования. Там же. С. 30–39), В.Д. Сорокин тем са- мым поставил под сомнение самостоятельность отдельных отраслей (в том числе кон- струируемое им в качестве основной отрасли административно-процессуальное право) с точки зрения их юридического своеобразия.

О «трех методах» (в зависимости от «преобладания» указанных форм регулирова- ния) см. также: Пешков А.Б. О методе правового регулирования // Правоведение. 1971. № 2. С. 28–29.

дованно, с предоставлением субъектам так или иначе дозированной возможности самим определять условия своего поведения (диспозитивное регулирование)¹.

Из различных комбинаций указанных двух простейших приемов в сочетании с тремя перечисленными выше общими способами регулирования и формируются отраслевые методы. Исходным здесь, как правило, является один из простейших приемов регулирования (императивный или диспозитивный), а на этой основе сообразно специфике данных общественных отношений складывается особый отраслевой метод. Групповые способы (запрет, обязывающее предписание, дозволение) дают своего рода общую направленность процессу формирования отраслевого метода; они проявляются в ткани нормативного материала не непосредственно, а главным образом в виде особого сочетания запретов и дозволений, т.е. в виде упомянутого ранее разрешительного или дозволительного регулирования (следует еще раз повторить — всегда на фоне либо императивного, либо диспозитивного приемов).

Особенности отраслевого метода выражаются во многих сторонах и элементах правоотношений, из которых реально складывается юридический режим данной отрасли. Применительно к правоотношениям и выделяются *черты метода*.

Ряд черт метода проявляется в конкретных правоотношениях данной отрасли (юридических фактах, способе формирования прав и обязанностей, характере юридических санкций).

Решающей же чертой отраслевого метода правового регулирования является *общее юридическое положение субъектов, их правовой статус*.

Юридический режим регулирования общественных отношений в том и состоит, что участники отношений *ставятся в особое правовое положение и таким путем определяются их исходные юридические позиции*. Если в рамках данной общности норм субъекты обретают своеобразный юридический статус — перед нами специфический метод регулирования и, значит, самостоятельная отрасль права.

Каждая основная отрасль права характеризуется тем, что участники регулируемых ею отношений обладают особым правовым статусом, охватывающим правосубъектность, а также основные права и обязан-

¹ Два простейших приема регулирования (императивный и диспозитивный) в «чистом» виде воплощаются соответственно в методах административного и гражданского права, что и дает возможность кратко именовать первый методом власти—подчинения, а второй — методом юридического равенства. Вместе с тем методы указанных отраслей — это многогранные, богатые по содержанию комплексы способов и приемов регулирования.

ности субъектов¹. Например, для метода административно-правового регулирования специфичны начала власти и подчинения; причем речь здесь идет не о фактических властных отношениях, а именно о том, что субъекты по своему статусу занимают юридически неоднородные позиции, выступают в качестве «властных органов», «субъектов подчинения» (хотя бы, например, субъекты власти вступали друг с другом в административные соглашения)².

Особый правовой статус свойствен рабочим и служащим — участникам отношений по применению труда, регулируемых советским трудовым правом³. Своеобразное общее юридическое положение занимают субъекты семейных отношений⁴. В советском праве выкристаллизовался своеобразный статус землепользователей⁵.

Определяющее значение общего юридического положения субъектов в ряде отраслей (в процессуальных, трудовом, колхозном, социального обеспечения и др.) настолько существенно, что вся система отраслевых правоотношений предстает в виде единого комплекса, совокупности правовых связей. Это, по всей видимости, и вызвало к жизни конструкцию «единого», «одного» правоотношения — процессуального, трудового, колхозного, по социальному обеспечению⁶. Хотя рассматриваемая конструкция имеет ряд уязвимых мест (и потому предпочтительней идея *единой системы* отраслевых правоотношений⁷), она характеризуется и позитивными моментами, выражающи-

¹ О правовом статусе как единстве правосубъектности (правоспособности) и основных прав см.: *Плахадзе Б.В.* Юридические формы положения личности в советском обществе. Тбилиси, 1968. С. 18.

² Об особенностях метода административно-правового регулирования см.: *Козлов Ю.М.* Предмет советского административного права. Изд-во МГУ, 1967. С. 33—41.

³ Развернутую характеристику правового статуса рабочих и служащих см.: *Бегичев Б.К.* Трудовая правоспособность советских граждан. С. 60—75.

⁴ См.: *Ворожейкин Е.М.* Семейное право как самостоятельная отрасль права // Советское государство и право. 1967. № 4. С. 34. Автор правильно указывает на то, что «лично-правовой статус» субъектов семейных отношений придает определенный оттенок правоотношениям в целом. Когда анализируется, например, имущественное отношение, пишет он, то мы сначала «должны знать, а каким образом субъекты этого правоотношения противостоят друг другу». От этого и зависит способ регулирования (см. там же); *Он же.* Семейные правоотношения в СССР. М.: Юрид. лит., 1972. С. 45 и сл.

⁵ См.: *Ерофеев Б.В.* Соотношение земельного, горного, лесного, водного права // Советское государство и право. 1971. № 1. С. 60—61.

⁶ Мысль о «едином», «одном» трудовом правоотношении выдвинута и обоснована в работах Н.Г. Александрова.

⁷ Интересно, что авторы, отстаивающие конструкцию «единого», «одного» трудового, колхозного, социально-обеспечительного правоотношения, в то же время являются убежденными сторонниками признания соответствующей отрасли в качестве вполне

ми цельность комплекса отраслевых правоотношений, которая основана на единстве правового положения субъектов¹.

Отдельные элементы метода, которые проявляются в конкретных правоотношениях, могут отклоняться от типических черт, выходить за границы отраслевого структурного типа правоотношения, за рамки единого комплекса, обусловленного общим юридическим положением субъектов. Например, гражданские правоотношения могут возникать на основе административных актов, обеспечиваться уголовно-правовыми санкциями и т.д.

Но до тех пор пока эти отклонения не преобразуют правовой статус, свойственный данной отрасли, соответствующие отношения остаются в ее пределах, не меняют своей отраслевой принадлежности.

Значительные отклонения от типических черт отраслевого метода приводят к качественному скачку — к преобразованию правового статуса и, следовательно, к изменению метода правового регулирования.

4. Юридические особенности отрасли и ее предмет едины, нераздельно связаны. Это касается прежде всего метода правового регулирования и ядра предмета — тех общественных отношений (рассматриваемых со стороны их социально-экономического, политического содержания), которые определяют юридический облик отрасли, своеобразие обеспечиваемого ею юридического режима. И хотя на отрасль права, ее особенности влияет множество системообразующих факторов, а в орбиту предмета втягиваются некоторые нетипические, смежные и иные отношения, но отмеченное выше единство представляет собой своего рода закономерность, объясняющую объективный характер и стабильность основных элементов правовой системы.

Положение о единстве предмета и метода правового регулирования вызывает, однако, в литературе определенные сомнения.

самостоятельной, основной. Они не замечают, однако, того, что указанная конструкция, в сущности, низводит трудовое, колхозное право, право социального обеспечения до уровня правового института.

¹ Надо полагать, что в процессуальных и таких специальных отраслях права, как трудовое, колхозное право и другие, единство системы отраслевых правоотношений имеет различную степень общности, органичности. Так, весьма значительная степень в ней судебных органов, присуща гражданско-процессуальным и уголовно-процессуальным правоотношениям. По мнению М.А. Гурвича, комплекс гражданско-процессуальных связей («единое» правоотношение) «вбирает в себя все инструментальное богатство объективного гражданско-процессуального права... Это богатство раскрывается и проявляется по мере движения (развития) процесса» (Гурвич М.А. Основные черты гражданского процессуального правоотношения // Советское государство и право. 1972. № 2. С. 31).

Так, высказана мысль о том, что «одни и те же отношения» могут регулироваться законодателем по его выбору различными методами¹.

Подробное освещение этой проблемы с точки зрения соотношения объективных и субъективных моментов в праве дано В.Ф. Яковлевым. Автор пишет: «Говорить о выборе законодателем метода правового регулирования можно лишь условно, с рядом оговорок. Во-первых, такие методы складываются постепенно, априорных методов нет и быть не может. Во-вторых, законодатель имеет возможность выбрать один из нескольких сложившихся методов без ущерба для регулируемых отношений... только в тех случаях, когда эти отношения не формируют самостоятельного метода. В-третьих, выбор метода под влиянием конкретных условий может оказаться случайным. Однако рано или поздно законодатель изберет тот метод, который соответствует сущности регулируемого отношения, и тогда оно займет должное место в составе отношений, образующих предмет регулирования данной отрасли права»².

Присоединяясь к приведенным положениям, необходимо прежде всего обратить внимание на следующее. Если не сводить метод отрасли права к какому-либо одному приему или способу регулирования (а именно из этого во многих случаях исходят авторы, говорящие о «произвольном выборе»), то единство между методом и предметом носит характер неустранимой закономерности. Выбор законодателем метода, не соответствующего природе этих отношений, их глубинному социально-экономическому, политическому содержанию, влечет за собой такие отрицательные последствия, которые наступают при нарушении всякой объективной закономерности, — регулирование оказывается неэффективным, возникают трудности, издержки, потери. В.Ф. Яковлев прав: в конце концов жизнь берет свое, законодатель приводит в соответствие предмет и метод правового регулирования.

Но здесь есть еще одна сторона вопроса, которая нередко выпадает из поля зрения.

Хотя главное в предмете отрасли — его глубинное социально-экономическое, политическое содержание, объектом непосредственной юридической регламентации являются реальные, фактические отношения, выражаемые в волевых актах поведения их участников. Разрыв же между отраслевым методом регулирования и реальными, фактическими отношениями немислим, невозможен.

¹ См., например: *Лантес В.В.* Предмет и система хозяйственного права. М.: Юрид. лит., 1969. С. 62–71; *Сорокин В.Д.* Административно-процессуальное право. С. 34–36.

² *Яковлев В.Ф.* Объективное и субъективное в методе правового регулирования // Правоведение. 1970. № 6. С. 59–60.

Дело в том, что когда говорят о выборе законодателем того или иного метода, то, в сущности, речь идет не о реальных, фактических отношениях, а об известной сфере отношений, т.е. о рассматриваемом в общем плане крупном участке общественной жизни (о проектировании вообще, о материально-техническом снабжении вообще, о заготовках сельскохозяйственной продукции вообще и т.д.). Выяснение того, какие методы возможно и целесообразно использовать для регулирования отношений данной сферы, вполне оправданно: именно таким путем выявляются социально-экономические, политические особенности отношений, их «запросы» к праву, к методам их опосредствования. Но все это — сфера отношений, крупный участок общественной жизни.

Когда же социалистическое государство реально использует тот или иной метод регулирования и, следовательно, ставит субъектов в строго определенные юридические позиции, то *это свидетельствует о соответствующем преобразовании фактических отношений*. Вот почему в жизни нет отношений по проектированию вообще, по заготовкам вообще и т.д. Реально существуют качественно определенные виды отношений по проектированию, заготовкам и другие, которые либо имеют управленческий, властно-организационный характер, либо строятся на началах автономии, юридического равенства. Эти реально существующие виды общественных отношений не допускают использования различных методов; они могут существовать и функционировать лишь постольку, поскольку каждому из них соответствует только один, точно определенный отраслевой метод регулирования.

3. Разновидности отраслей права. Комплексные отрасли

1. Каждая отрасль является необходимым компонентом советской правовой системы. По своей роли в опосредствовании социалистических общественных отношений, по своему социальному значению все они нужны и в принципе не могут рассматриваться в качестве подразделений различного ранга.

Однако это не исключает того, что отрасли в правовой системе могут занимать и действительно занимают различное положение¹. Правовой ор-

¹ Из того обстоятельства, что ни одна отрасль права не имеет преимуществ перед другой (обстоятельство, которое с особой настойчивостью подчеркивают представители ряда специальных юридических наук), В.Д. Сорокин почему-то сделал вывод, что для «системы советского права характерно горизонтальное расположение ее отраслей» (Сорокин В.Д. Административно-процессуальное право. С. 31).

ганизм — объемное явление, структура которого имеет как горизонтальные, так и вертикальные характеристики¹. Поэтому отрасли права отличаются друг от друга не только фактическим содержанием, но и функциями в правовой системе, особым, только им свойственным местом. Между отраслями права существуют сложные зависимости и связи.

Рассматривая разновидности отраслей права, необходимо сразу же провести четкие разграничительные линии между основными отраслями, выражающими главную структуру права, и комплексными отраслями.

Комплексные отрасли представляют собой вторичные, производные образования. Вот они-то и не занимают однопорядкового положения в структуре. Так, морское право, страховое право, исправительно-трудовое право, хозяйственное право, строительное право представляют собой наслаение над главными структурными подразделениями — основными отраслями.

В принципе все институты и нормы, составляющие советское право, распределяются по основным отраслям. Существование основных отраслей права связано с системообразующими факторами, концентрирующимися главным образом в предмете правового регулирования (рассматриваемом с точки зрения его глубинного социально-экономического, политического содержания).

Однако на структуру права воздействуют наряду с главным и многие другие системообразующие факторы, прежде всего особенности данной сферы общественных отношений (своеобразие условий морских перевозок, характер распределения жилья в домах государственного фонда и т.д.). Но эти дополнительные, вторичные факторы влияют на уже «построенную» структуру в соответствии с действием главных факторов. Поэтому правовые общности, возникающие в ходе развития законодательства под влиянием дополнительных системообразующих факторов, имеют характер вторичных образований.

Можно ли, однако, считать, что нормативный материал, который составляет содержание комплексных отраслей, полностью растворяется в подразделениях главной структуры? Если бы дело обстояло подобным образом, то не было бы оснований говорить о комплексных отраслях как об объективном факте действительности. Между тем в рассматриваемых вторичных образованиях есть «нерастворимый остаток» — то, что не умещается в основные отрасли.

¹ См.: Ушаков А.А. О предмете, норме и системе права (к вопросу об особенностях правового отражения) // Ученые записки Пермского государственного университета. № 264. Пермь, 1972. С.103.

Если реальное существование вторичных предписаний выражается в факте дублирования (диффузии) норм, а комплексных институтов — в наличии особых обобщающих структур — юридических конструкций, то комплексные отрасли объективируются в правовой системе в *нормативных обобщениях, выраженных в общих положениях, принципах, некоторых специфических приемах регулирования*. Отсюда понятно, почему комплексные отрасли, как и иные подразделения правовой системы, нуждаются во внешнем выражении в виде самостоятельных, кодифицированных актов: именно посредством кодификации специальные нормы и институты приобретают интеллектуально-волевое единство, подчиняются известным общим принципам, понятиям и таким путем komponуются в правовые общности.

Юридические особенности специальных норм, входящих в комплексную отрасль, как бы распределены «по двум адресам». По своим главным показателям (методу и механизму регулирования) они относятся к той или иной основной отрасли, подчиняются ее общим нормам, принципам, положениям. Их структурные признаки, особенности метода и механизма регулирования выражены в этих общих нормах, принципах, положениях. Следовательно, в каждом случае можно совершенно точно определить, к какой основной отрасли относится данная специальная норма.

В этом легко убедиться, проведя анализ любого комплексного нормативного акта, в том числе актов, действующих в области социалистического хозяйства, охраны природы, страховых отношений и т.д. На необходимость учета отраслевой принадлежности специальных норм комплексных актов с точки зрения основных отраслей обращается внимание и в руководящих разъяснениях Верховных судов. Так, в п. 15 и 16 постановления Пленума Верховного Суда СССР от 11 апреля 1972 г. «О практике применения судами законодательства об охране природы» указывается на гражданско-правовую и административно-правовую природу возмещения ущерба, причиненного нарушением законодательства об охране природы¹.

В то же время специальные нормы комплексного образования получают с точки зрения интеллектуально-волевого содержания некоторое объективное обособление. А потому те же нормы (уже в иной плоскости — во вторичной структуре) «проявляют» свои особенности и свойства в общих нормах, принципах, положениях, присущих данному комплексному образованию.

¹ См.: Бюллетень Верховного Суда СССР. 1972. № 3. С. 10–11.

Исходя из этого, в упомянутом выше постановлении Пленума Верховного Суда СССР указывается па первоочередное применение специального законодательства, особых такс за ущерб, причиненный незаконной охотой, выловом или уничтожением рыбы ценных видов (подп. «б» п. 15 постановления).

В комплексных отраслях складываются и некоторые особые приемы регулирования, пронизывающие содержание всей отрасли. Они не образуют самостоятельного метода и механизма регулирования (прежде всего не выражают особого статуса, общего юридического положения субъектов), но с правовой стороны наиболее ярко характеризуют тот «нерастворимый остаток», который присущ комплексным отраслям.

Особенно выразительно такие специфические приемы регулирования обнаруживаются в советском морском праве, в частности в институтах общей аварии, вознаграждения за спасение на море, привилегированных требований (см. гл. XIII, XV, XVII Кодекса торгового мореплавания Союза ССР).

Единство интеллектуально-волевого содержания комплексной отрасли, а также формирование некоторых специфических приемов регулирования дает возможность образовать систему особых научных понятий, комплексную юридическую науку (науку морского права, науку исправительно-трудового права, науку транспортного права, науку банковского права и т.д.). Вместе с тем эти понятия хотя и составляют известное единство, но по отношению к фундаментальным понятиям основных отраслевых наук носят функционально зависимый характер. Как правило, они представляют собой специфическое выражение понятий основных отраслей — обязательства, договора, административного акта, землепользования и т.д. Отсюда следует, что понятия комплексной науки, проистекающие из фундаментальных категорий основных, в особенности профилирующих дисциплин, должны строиться таким образом, чтобы они соответствовали логическому содержанию указанных категорий. Вполне правомерно, например, понятие хозяйственного обязательства, отражающего своеобразие имущественно-стоимостных правоотношений в сфере социалистического хозяйства (обязательства поставки, обязательства подряда на капитальное строительство, перевозки и др.). Но когда отдельные авторы попытались охватить этим понятием хозяйственные связи, складывающиеся внутри предприятий (например, между цехами)¹, то это привело к на-

¹ См.: *Танчук И.А., Ефимочкин В.П., Абова Т.Е.* Хозяйственные обязательства. М.: Юрид. лит., 1970. С.10–17.

рушению логических пределов понятия «обязательство», к утрате им отраслевого единства¹.

Таким образом, степень объективизации основных и комплексных отраслей в структуре права неодинакова. Если основные отрасли создают главный «массив» советского права как единой союзно-республиканской правовой системы, то комплексные отрасли лишь наслаиваются, «надстраиваются» над основными, обособляясь вовне гораздо меньше, чем основные отрасли².

2. В основных отраслях советского права воплощаются все признаки и особенности, свойственные отраслям как наиболее крупным и важным подразделениям правовой системы. Основные отрасли имеют не просто особый предмет — какой-то вид общественных отношений (и у комплексных отраслей есть свой предмет). В их основе лежат качественно своеобразные виды общественных отношений, глубинное содержание которых объективно требует правового регулирования при помощи особых методов, механизмов регулирования. Особый метод и механизм регулирования — вот что выводит данную общность нормативных предписаний на уровень главной структуры и характеризует внешние черты того специфического правового режима, который обеспечивается основными отраслями.

По указанным выше признакам все основные отрасли — однопорядковые, равновеликие подразделения главной структуры советского права. Вместе с тем из их состава выделяется особая группа — *профилирующие (традиционные) отрасли*.

Профилирующие (традиционные) отрасли образуют юридическую основу, обязательную часть системы права. В советском праве в число профилирующих входят: государственное право, административное право, гражданское право, уголовное право³.

¹ См.: *Иоффе О.С.* Логические пределы понятий юридического лица, оперативного управления, хозяйственного обязательства // Правоведение. 1972. № 6. С. 111–112.

² Ю.К. Толстой утверждает, что отношение автора данной работы к комплексным отраслям «несколько раз менялось» (Правоведение. 1973. № 6. С. 119). В действительности же мое отношение к идее комплексных отраслей изменилось только «один раз». Оно явилось логическим результатом дальнейшей разработки ранее отстаивавшихся и защищаемых сейчас положений об объективности системы права, предмете и методе правового регулирования. Именно поэтому комплексные отрасли трактуются в настоящей работе *только* в качестве *вторичных* образований (т.е. в иной интерпретации, чем та, которую в свое время давали В.К. Райхер и Ю.К. Толстой).

³ Заслуга в выделении этих четырех отраслей, а также процессуального права принадлежит О.С. Иоффе и М. Д. Шаргородскому, которые правильно обратили внимание на то, что указанные отрасли обладают наиболее яркими особенностями с точки зрения предмета и метода регулирования (см.: *Шаргородский М.Д., Иоффе О.С.* О системе советского права // Советское государство и право. 1957. № 6).

Именно указанные отрасли характеризуют основные секторы юридических режимов, лежат в основе семей отраслей, воплощают типовые методы регулирования. Обусловлено это тем, что рассматриваемые подразделения правовой системы вызваны к жизни основными разновидностями социалистических общественных отношений, требующих правового регулирования: отношениями по организации и функционированию социалистической государственной власти (государственное право), управленческими отношениями (административное право), экономическими, имущественно-стоимостными отношениями (гражданское право), отношениями, связанными с защитой от посягательства общественно опасных лиц (уголовное право). Подчеркнем: речь идет не вообще о главных пластах отношений социалистического общества (хотя они в какой-то мере совпадают и с приведенным делением), а о таких разновидностях общественных отношений, существование и функционирование которых требует *качественно своеобразных юридических режимов* (методов и механизмов регулирования, специфических принципов и т.д.).

Методы, механизмы регулирования профилирующих отраслей отличаются наиболее резкими, в известном смысле несовместимыми, полярными юридическими особенностями. В частности, профилирующие отрасли, которые имеют непосредственно регулятивный характер, — административное и гражданское право — в «химически чистом» виде воплощают простейшие приемы правового регулирования (императивное и диспозитивное регулирование), нередко обозначаемые как метод власти — подчинения и метод юридического равенства. В профилирующих отраслях прямо проступает тип регулирования с точки зрения его способа — обязывающего, дозволительного, запретительного.

Иными словами, профилирующие отрасли представляют собой основные автономные центры правовой системы, ее главные секторы, выражающие наиболее «контрастные цвета» правового организма.

Эта самобытность, своеобразие юридического содержания профилирующих отраслей объясняет тот факт, что между профилирующими отраслями в принципе невозможно субсидиарное применение юридических норм. Такого рода несовместимость в какой-то степени распространяется и на те основные отрасли, которые по источнику своего формирования органически связаны с данной профилирующей отраслью, образуют с ней единую семью¹.

¹ Вот почему, как подметила С.В. Поленина, субсидиарное применение норм гражданского права, с одной стороны, и норм земельного, водного, лесного законодательства — с другой, кроме отдельных случаев, исключено (см.: *Поленина С.В.* Субсидиарное

Все другие основные отрасли могут быть разбиты на две подгруппы: процессуальные и специальные.

Процессуальные основные отрасли, в том числе гражданское процессуальное и уголовно-процессуальное право, вплотную примыкают к профилирующим, как бы «надстраиваются» над ними. Необходимость организации принудительного осуществления норм соответствующих профилирующих отраслей вызывает к жизни процессуальные формы, которые используются социалистическим государством и для выполнения целого ряда иных задач (воспитательных, профилактических и пр.). Будучи своего рода продолжением профилирующих отраслей, осуществляющих непосредственно регулятивные и охранительные функции, процессуальные отрасли наполнены своим, специфическим содержанием. Все они (гражданское процессуальное, уголовно-процессуальное, а также постепенно формирующееся административно-процессуальное право) прямо опираются и на государственное право, воплощают в своем содержании его положения, принципы.

Специальные основные отрасли — это развившиеся на базе профилирующих отраслей правовые общности, призванные обеспечить специализированный правовой режим для данного вида социалистических общественных отношений. К ним относятся: трудовое право, колхозное право, семейное право, земельное право, финансовое право.

В процессе формирования эти отрасли воспринимают некоторые элементы, свойственные профилирующим отраслям, и в первую очередь элементы гражданского и административного права, т.е. тех отраслей, в которых получили «чистое» развитие простейшие приемы правового регулирования.

Однако в соответствии с особенностями данного вида общественных отношений (трудовых, семейных, земельных и др.) комбинация традиционных элементов дает новое качество, своеобразный юридический режим, выражающийся в методе регулирования, прежде всего в правовом статусе, общем юридическом положении субъектов. Эту мысль можно подтвердить анализом любой специальной основной отрасли права. Например, суть метода правового регулирования земельных отношений состоит в органическом сочетании императивных и диспозитивных моментов, таком сочетании, при котором элементы подчинения играют исходную роль, а элементы равенства сторон, их обособленности и самостоятельности при использовании земельных

применение норм гражданского законодательства к отношениям смежных отраслей // Советское государство и право. 1967. № 4. С. 22).

участков – производную. «Можно даже сказать, – пишет Б.В. Ерофеев, – что второе существует в рамках первого»¹.

В последующем будут рассмотрены различные варианты сочетания традиционных элементов в специальных отраслях. Сейчас же важно подчеркнуть главное: коль скоро сформировалась основная отрасль, такого рода сочетание дало новое, интегративное качество, которое проявляется прежде всего в специфике правового статуса, общего правового положения субъектов.

Особого внимания в рассматриваемом отношении заслуживает советское трудовое право. Труд в условиях социализма выражает решающую сферу социальной жизни. В соответствии с этим и правовое регулирование отношений по применению труда приобрело такие самобытные черты, которые воплотились в специфическом юридическом режиме (приближающемся по своему социальному значению и юридическим особенностям к рангу юридических режимов профилирующих отраслей). Знаменательно, что формирование и развитие ряда специальных отраслей – колхозного права, права социального обеспечения – непосредственно опирается на элементы юридического режима трудового права.

Особенности юридических режимов, обеспечиваемых процессуальными и специальными отраслями, в большей степени, чем в профилирующих отраслях, отражаются в их интеллектуально-волевом содержании и прежде всего в отраслевых *принципах*.

Конечно, каждая процессуальная и специальная отрасль обладает своим методом регулирования. Однако этот метод, имея черты, присущие только данной отрасли (интегративное качество), по источнику своего формирования носит вторичный характер и отдельными своими сторонами сходен с соответствующими элементами профилирующих отраслей.

Можно предположить, что в этих условиях правовые принципы, выражая интеллектуально-волевое содержание отрасли, в то же время становятся носителями качественного своеобразия метода и механизма регулирования и, следовательно, решающими концентрированными показателями юридических особенностей отрасли в целом.

Не потому ли в юридической науке, да и в законодательстве, категория принципов процессуальных отраслей и ряда специальных отраслей (трудового права, семейного права и др.) сформировалась как бы «сама собой»? И не потому ли в профилирующих отраслях, где правовые принципы тоже есть, но где общими, «всепоглощающими» показателями юридической специфики являются метод и механизм ре-

¹ Ерофеев Б.В. Основы земельного права (теоретические вопросы). С. 39.

гулирования, сама по себе категория отраслевых принципов страдает известной неопределенностью? Думается, дальнейшее исследование соотношения отраслевых методов и принципов с учетом особенностей отдельных групп отраслей права позволит решить, насколько правильно такого рода предположение.

3. Комплексные отрасли, будучи вторичными образованиями в советской правовой системе, выполняют в ней ограниченные задачи и потому обладают лишь частью признаков и особенностей, свойственных общему понятию «отрасль права».

Большинство комплексных отраслей формируется в связи с необходимостью специализированного регулирования определенной группы отношений на основе и в рамках существующих отраслевых юридических режимов. Хотя каждая комплексная отрасль имеет свой предмет регулирования (рассматриваемый, правда, в иной плоскости, нежели предметы основных отраслей), этот предмет не требует особого метода и механизма регулирования. Он предопределяет лишь необходимость относительно обособленного нормативного регулирования и некоторое юридическое своеобразие – отдельные специфические принципы, положения, приемы регулирования. К такого рода комплексным отраслям относятся, в частности, страховое право, морское право, железнодорожное право (и иные транспортные отрасли), горное право, банковское право, налоговое право. На базе соответствующих подотраслей гражданского права постепенно приобретают характер комплексных отраслей жилищное право, авторское право, изобретательское (патентное) право.

Содержание комплексной отрасли складывается из специальных норм, обладающих предметным и известным юридическим единством. Но каждая из этих норм имеет главную «прописку» в той или иной основной отрасли, входит в обеспечиваемый ею юридический режим. Таким образом, комплексные отрасли полностью охватываются теоретической конструкцией производных структур, разработанной в философской литературе. Производные структуры, как пишут В.И. Свидерский и Р.А. Зобов, «(пока они окончательно не превратились в самостоятельные образования), сохраняют свои связи с исходной структурой, и их элементы получают возможность раскрывать свои потенции как через механизм закона результирующей структуры, так и через вновь возникшие системы отношений»¹.

¹ Свидерский В.И., Зобов Р.А. Новые философские аспекты элементарно-структурных отношений. С. 38.

Комплексные отрасли, обладая лишь частью признаков и особенностей отрасли права, представляют собой своего рода «наслоения» на поверхности правовой системы. Если быть предельно строгим к терминологии, рассматриваемые правовые общности следовало бы назвать «полуотрасли», но их вторичный, производный характер, надо думать, получает отражение и в слове «комплексная», которое в соединении с понятием «отрасль» позволяет указать на особенности данных общностей как таких компонентов советской правовой системы, которые выражают одну из граней определенного участка правового регулирования.

Как правило, *комплексные (специализированные) отрасли* тяготеют к какой-либо основной и прежде всего профилирующей отрасли. По сути дела, многие из них формируются на основе определенной *подотрасли, объединения институтов или даже отдельного отраслевого института*. «Юридический корень» указанных выше комплексных отраслей может быть найден во внутренних подразделениях гражданского, административного, финансового, земельного права. И хотя комплексные правовые общности вышли за пределы отдельной отрасли и при помощи цельного нормативного регулирования образовали некоторое единство, каждый из исходных элементов, в особенности тот, с которого началось развитие комплексной отрасли, продолжает существовать в рамках той или иной основной отрасли.

Юридический источник некоторых комплексных образований полярно разнороден, что придает им составной характер. Например, военное право как комплексная отрасль развилось из двух основных подотраслей – военно-административного и военно-уголовного права, а также ряда иных подразделений. Не исключено, что этот процесс развития завершится достаточно полным выявлением всего специфического, что свойственно правовому регулированию данной группы общественных отношений, тем более что и в настоящее время особенности регулирования затрагивают здесь общее правовое положение субъектов (для завершения указанного процесса, очевидно, не-

Указанная особенность частей целостных образований в иерархии структур правильно отмечена Д.А. Керимовым. Для некоторых частей целого, пишет он, «характерно не только то, что они входят в состав соответствующего целого, но и то, что одновременно являются частями другого целостного правового образования. В результате оказывается, что разнообразие свойств, связей и отношений этих правовых частей гораздо богаче и шире их разнообразия лишь как частей данного целого» (Керимов Д.А. Философские проблемы права. С. 267). Он указывает на, так сказать, «двойное подчинение» отдельных целостно-системных правовых образований (там же. С. 306). Эти правильные положения, однако, не согласуются с отрицательным отношением автора к идее комплексных отраслей (см. там же. С. 299).

обходимо издание единых кодифицированных нормативных актов). Тем не менее и в этом случае в рассматриваемой области сохранится качественная юридическая разнородность различных ветвей нормативного материала¹.

Несмотря на издание единых кодифицированных актов, значительная качественная разнородность сохраняется в исправительно-трудовом праве. И тут особенности правового регулирования в какой-то мере затрагивают даже общее правовое положение субъектов. Но юридическая регламентация уголовно-процессуальных (исправительных), административных и трудовых отношений отличается значительными особенностями, которые вряд ли могут быть объединены в нерасчленяемое правовое образование.

Существенные юридические особенности свойственны исходным компонентам нормативного материала, который входит в хозяйственное право. Хотя правовое регулирование хозяйственных отношений отличается известными общими чертами (их количество, по-видимому, увеличится, если будет принято предложение об издании единого Хозяйственного кодекса), централизованное и децентрализованное регулирование по своей природе таково, что оно в равной степени обеспечивается юридически разнородными, в какой-то мере несовместимыми правовыми методами, которые соответственно коренятся в режимах административно-правового и гражданско-правового регулирования.

4. Наряду со специализированными комплексными общностями в системе советского права существуют и имеют тенденцию дальнейшего развития *интегрированные комплексные отрасли*, которые могут быть названы также *надотраслями* или *суперотраслями*.

Процесс дифференциации права, возникновение новых комплексных (специализированных), а затем при наличии необходимых предпосылок специальных основных отраслей порождает необходимость встречного процесса — интеграции структурных подразделений.

Яркий пример этому дает правовое регулирование в сфере природно-ресурсовых и природоохранных отношений. Развитие земельного, административного, гражданского и колхозного права, а на их базе таких

¹ В.Н. Хропанюк, рассматривая военно-правовые нормы как единый межотраслевой комплекс, пишет: «Сохраняя общую отраслевую сущность, формы и методы юридического воздействия на военные отношения характеризуются более высокой категоричностью и безусловностью установления и реализации прав и обязанностей, четкой детализацией возможного и должного поведения субъектов военных отношений, а также более строгой ответственностью за нарушения воинского порядка» (*Хропанюк В.Н. Понятие советского воинского правопорядка // Правоведение. 1972. № 4. С. 18*).

отраслей, как водное, лесное, горное право, выдвинуло в качестве острой проблемы необходимость объединения правового регулирования в рассматриваемой сфере общественных отношений. Поэтому здесь в качестве нового слоя комплексных образований намечается выделение по мере совершенствования законодательства перекрещивающихся интегрированных структур – природоохранительного¹ и природно-ресурсового² права (как комплексные надотрасли они не конкурируют между собой и тем более не исключают друг друга; каждая из них интегрирует нормативный материал земельного, водного, лесного, горного права под своим углом зрения, в своем аспекте).

Такие же процессы происходят и в других сферах общественных отношений.

В качестве интегрированного структурного образования (надотрасли), по всей видимости, может быть охарактеризовано судебное право.

Давно ведущийся в литературе научный спор о том, является ли судебное право самостоятельной отраслью, получает вполне удовлетворительное решение при использовании теоретической конструкции интегрированной комплексной структуры. Оно представляет собой не основную отрасль, поглощающую (заменяющую) уголовно-процессуальное, гражданско-процессуальное, судоустройственное право, а комплексную интегрированную общность, «надстраивающуюся» над указанными подразделениями основной структуры советского права.

В современных условиях, когда в ряде отраслей все более консолидируются процедурно-процессуальные нормы, постепенно формируется такая интегрированная структура, как процессуальное право, в определенной степени перекрещивающееся с судебным правом. Опосредствуя правообеспечительную деятельность компетентных органов социалистического государства, оно является вторичной общностью, которая охватывает процессуальные отрасли, а также процедурно-процессуальные институты, сложившиеся в ряде отраслей материального права – трудового, колхозного, земельного и др.³ Следует

¹ См.: Вопросы философии. 1973. № 10. С. 62–63.

² См.: Ученые записки ВНИИСЗ. Вып. 26. М., 1972. С. 126.

³ С рассматриваемых позиций представляет интерес постановка В.М. Горшеневым вопроса о «процессуальном праве». Автор, в частности, пишет: «Каждая отрасль материального права, особенно при наличии в ней норм, которые не могут реализоваться без правоприменительного процесса, имеет соответствующие процессуальные нормы с самой различной степенью группировки – от самостоятельной отрасли до частных обособленных групп» (*Горшенев В.М.* Способы и организационные формы правового регулирования в социалистическом обществе. С. 231). Вместе с тем определенные сомнения вызывает конструкция «частные обособленные группы» (и кроме того, кате-

лишь заметить, что рассматриваемая вторичная общность имеет содержательное, позитивное значение постольку, поскольку она связана с особым рода процедурой — процессуальными формами, обеспечивающими правовые начала в государственно-принудительной деятельности компетентных органов¹.

Под углом зрения теоретической конструкции интегрированной комплексной отрасли новый «поворот» может получить и проблема хозяйственного права.

Если в результате развития законодательства хозяйственное право не перерастет в основную отрасль (достаточных объективных предпосылок для такого перерастания наукой не установлено), оно по мере формирования специализированных комплексов типа промышленного права, строительного права и других приобретет значение интегрированного вторичного образования².

Аналогичный вывод можно сделать и в отношении сельскохозяйственного права. Известная общность правового положения и производственно-хозяйственной деятельности колхозов, совхозов, межколхозных и государственно-колхозных предприятий и организаций, аграрно-промышленных комплексов и объединений постепенно очерчивает контуры весьма обширной вторичной структуры³ (в рамках которой, однако, не должны потеряться существенные особенности, свойственные колхозному праву и правовому регулированию деятельности государственных сельскохозяйственных организаций и предприятий⁴).

горичность суждений автора — стремление увидеть процессуальные нормы в каждой отрасли). Эти сомнения возрастают, когда В.М. Горшенев, продолжая цитированную мысль, утверждает: «Все они (т.е. и «частные обособленные группы»? — С.А.) обладают определенной самостоятельностью по отношению к отраслям материального права и не входят в их содержание в качестве составных частей» (там же). Куда же эти «частные обособленные группы» входят? В процессуальное право в целом? Но оно может мыслиться только как вторичная интегрированная структура.

¹ Правильную мысль высказала В.А. Тарасова, подчеркнувшая, что «процедура — это только начальная форма урегулированности в деятельности соответствующих органов, которая при наличии объективной необходимости может перерасти в форму, именуемую процессом» (*Тарасова В.А. Процедурная форма деятельности органов социального обеспечения // Советское государство и право. 1973. № 11. С. 112—113.*)

² Именно так эта проблема ставится Станиславом Владыкой (см.: *Władysław St. Problem prawa gospodarczego w świetle aktualnej nauki o systematice prawa // Państwo i prawo. 1972. № 12. С. 41—42.*)

³ Советское государство и право. 1973. № 6. С. 43—51; № 9. С. 53—55.

⁴ См.: *Беляева З.С., Козырь М.И., Краснов Н.И. Советское колхозное, земельное, водное, лесное и горное законодательство // Советское государство и право. 1972. № 12. С. 129.*

Интегрированные отрасли объективированы в правовой системе в меньшей степени, чем специализированные комплексные образования. В тех же случаях, когда отсутствует единое нормативное регулирование, они в целом остаются еще сферами, зонами регулирования.

Если, например, в природоохранительном праве могут быть найдены известные (хотя и «растворенные» в конкретном нормативном материале) нормативные обобщения, то сельскохозяйственное право представляет собой зачаточную форму правовой общности. Сельскохозяйственное право в современных условиях является в значительной степени зоной регулирования, только намечающейся интегрированной правовой общностью, весьма близкой, скажем, к правовому комплексу, который охватывает правовое регулирование научно-технического прогресса.

5. Решение вопроса о том, к основной или комплексной отрасли относится данная правовая общность, требует в каждом случае тщательного всестороннего анализа. Этот анализ предполагает, конечно, характеристику соответствующего предмета правового регулирования, но сразу же вслед за тем необходимо изучение юридического своеобразия свойств данного подразделения, позволяющих ему быть (или не быть) самостоятельным элементом единой правовой системы.

На пути такого анализа исследователя подстерегают трудности субъективного и объективного порядка.

Трудности субъективного порядка — это сложившиеся традиции в понимании и терминологическом обозначении определенных структурных подразделений. Какие, например, затруднения проистекают из того, что один из профилирующих юридических режимов (методов) правового регулирования в силу некоторых исторических причин получил терминологическое обозначение — «гражданское право»? Как легко «пойти» здесь за термином и признать, что данная основная отрасль охватывает отношения, участниками которых являются только граждане!

Решению вопроса о характере той или иной отрасли препятствует существующее в отдельных юридических науках стремление с самого начала доказывать лишь одно: данная общность норм — только основная, занимающая такое же положение, как и традиционные отрасли, и т.д. Как правило, такого рода разработки имеют цель обосновать заранее намеченное решение; они не приемлют иного варианта, и потому научные обсуждения о характере отраслей превращаются в бесперспективные, затяжные споры, в результате которых происходит консервация полярных точек зрения.

Имеются и трудности объективного порядка. Одна из них — множественность системообразующих факторов (а также наличие отраслей, которые находятся в состоянии развития).

Если внимательно проанализировать источник споров, ведущихся в литературе по вопросу о составе отраслей, то выяснится, что во многих случаях проблема сводится к тому, какой из системообразующих факторов рассматривать в качестве главного, доминирующего.

Например, проблема хозяйственного права. Какой системообразующий фактор является решающим в области правового регулирования хозяйственных отношений? Порождает ли сфера хозяйства как таковая единый юридический режим, цельный метод и механизм регулирования? Или же общность нормативной регламентации хозяйственных отношений на современном этапе развития советского права складывается на базе двух качественно разнородных, главных форм регулирования, одна из которых порождена властно-организационными, управленческими отношениями, а другая — децентрализованными, имущественно-стоимостными связями? Достаточно так поставить вопросы и станет ясно, что в данном случае необходимо тщательное «взвешивание» системообразующих факторов в связи со сложившейся реальной структурой советского права.

6. Отрасли советского права находятся в состоянии развития, а некоторые и перерастания из одной группы в другую. К ним, в частности, относятся право социального обеспечения, административно-процессуальное право и некоторые другие.

Например, в связи с развертыванием деятельности социалистического государства по социальному обеспечению граждан из состава трудового, административного, колхозного права выделяется компактная группа правовых институтов, которая, по мнению ряда авторов, может быть названа правом социального обеспечения. Существенную роль в этом процессе сыграло принятие Закона о государственных пенсиях, Закона о пенсиях и пособиях членам колхозов, Основ законодательства Союза ССР и союзных республик о здравоохранении и др. Предоставление материальных благ алиментарного характера¹ потребовало развития таких специфических правовых связей, которые все более отражаются на общем правовом положении граждан, приводят к формированию своеобразного правового статуса. Видимо, право социального обеспечения пока не отмежевалось от своей основы, в част-

¹ См.: *Андреев В.С.* Понятие и система советского права социального обеспечения // Правоведение. 1969. № 5. С. 70; *Полупанов М.И.* Право социального обеспечения — самостоятельная отрасль права // Советское государство и право. 1971. № 9. С. 58.

ности от трудового права¹. В современных условиях оно *еще* остается комплексной отраслью. Вместе с тем право социального обеспечения в какой-то мере *уже* перешло ту грань, которая отделяет комплексные отрасли от основных. Процесс его утверждения как основной отрасли завершится, по мнению В.С. Андреева, с реализацией важнейших мероприятий по пятилетнему плану², с выработкой и закреплением общих норм, воплощающих специфические черты метода данной отрасли, его особые принципы.

Все более утверждается в качестве основной отрасли советское административно-процессуальное право. Правда, природа правового регулирования управленческих отношений такова, что процедурные нормы во многих случаях не выходят за рамки материальных институтов и их объединений³. В то же время своеобразие административного принуждения, да и логика советской правовой системы обуславливают необходимость формирования процессуальных институтов, которые на последовательно социалистических правовых началах регламентировали бы порядок разрешения споров, применение мер административно-принудительного воздействия и иных средств юридического обеспечения⁴. В настоящее время эти институты образуют правовую общность, имеющую в своей основе комплексный характер: она охватывает процедурные правила материального административного права и процессуальные нормы, источником которых являются уже сложившиеся процессуальные отрасли — уголовно-процессуальное и гражданско-процессуальное право⁵. Думается, однако, что перед нами правовая общность, все более обретающая черты и свойства

¹ Ряд авторов (Б.К. Бегичев, В.И. Смолярчук и др.) рассматривают право социального обеспечения в качестве трудового права. Вместе с тем Б.К. Бегичев отмечает, что совокупность общественных отношений по социальному обеспечению ныне «с трудом может быть «рассыпана» между... отраслями права. Разросшейся совокупности норм по материальному обеспечению нетрудоспособных становится «тесно» в рамках трудового и других отраслей права» (*Бегичев Б.К.* Трудовая правоспособность советских граждан. С. 39).

² См.: Правоведение. 1969. № 5. С. 69.

³ См.: *Бахрах Д.Н.* Советское законодательство об административной ответственности. Пермь, 1969.

⁴ См.: *Салищева Н.Г.* Административный процесс в СССР. М.: Юрид. лит., 1964; *Она же.* Гражданин и административная юстиция в СССР. М.: Наука, 1970.

⁵ Комплексный характер правил, регулирующих административные процессуальные отношения, подметил Б.Б. Хангельдыев. Он выделил в особые группы правила, приближающиеся по своей природе к нормам уголовного и гражданского процесса (см.: *Хангельдыев Б.Б.* О систематизации советского административного законодательства // Сборник ученых трудов СЮИ. Вып. II. Свердловск, 1964. С. 90).

основной отрасли права¹. Совершенствование советского законодательства по вопросам административного принуждения, насыщение соответствующих процессуальных правил специфически процессуальным содержанием и принципами, выработка нормативных обобщений и закрепление в кодифицированных актах структуры всего комплекса административно-процессуальных институтов — все это приведет к завершению формирования рассматриваемой основной отрасли (место для которой в системе советского права давно «заготовлено»)².

В стадии активного формирования находятся и такие отпочковывающиеся от земельного права отрасли, как водное, лесное, горное право. В юридической литературе вопрос о самостоятельности этих отраслей нередко решается по принципу «или — или»: или самостоятельная отрасль, существующая наряду с земельным правом, или особое подразделение (подотрасль) земельного права. Между тем водное, лесное, горное право, начав свою жизнь в пределах земельного права³, обогатившись затем новыми элементами, связанными с хозяйственным использованием природных богатств⁴, по существу, превратились в комплексные отрасли. В настоящее время они, надо полагать, все более обретают статус основных отраслей. В этом процессе перехода правовых общностей от комплексных отраслей к основным «вырвалось вперед» водное право. Проведенная в последние годы общесоюзная и республиканская кодификация водного законодательства усилила интеграцию охватываемого им нормативного материала, выработку обобщающих положений, закрепила своеобразные черты общего юридического положения водопользователей (по ряду моментов

¹ На ряд свойств административно-процессуального права как структурного элемента единого советского права указал В.Д. Сорокин в кн. «Административно-процессуальное право» (С. 52 и сл.). Вместе с тем защищаемая автором широкая трактовка содержания конструируемой им системы норм, охватывающей все виды процедур по разрешению индивидуально-конкретных дел, препятствует выяснению юридического, специфически процессуального характера данной отрасли. (Впрочем, такой подход согласуется с отрицательным отношением В.Д. Сорокина к утвердившейся в советской юридической науке идее о наличии у каждой отрасли своего особого метода правового регулирования.)

² Об административно-процессуальном праве как о формирующейся отрасли см.: *Осинов Ю. К.* Подведомственность юридических дел. Свердловск, 1973. С. 64.

³ Б.В. Ерофеев пишет: «С момента выделения земельного права в качестве самостоятельной отрасли права начался процесс накопления элементов самостоятельности горного, лесного и водного права, которые проявились сначала в виде отдельных правовых норм, а затем сформировались в отдельные институты, постепенно образовавшие единство» (*Ерофеев Б. В.* Основы земельного права. С. 20).

⁴ См.: Советское государство и право. 1969. № 3. С. 29.

существенно отличающегося от общего правового положения землепользователей).

7. Указывая на тенденцию перерастания ряда комплексных отраслей в основные, необходимо в то же время отметить, что это — лишь тенденция, да к тому же не касающаяся всех комплексных образований.

Рассматриваемая тенденция вовсе не затрагивает интегрированные комплексные структуры, которые выполняют в правовой системе весьма ограниченные функции. Но и специализированные комплексные отрасли нередко имеют четкие границы в своем развитии. Некоторые из них (такие, например, как морское право, исправительно-трудовое право), в полной мере обеспечивают и будут обеспечивать осуществление свойственных им функций, оставаясь и впредь комплексными.

Нужно видеть и то, что для перерастания комплексной отрасли в основную необходимы не только объективно-материальные, но и юридические предпосылки. Для такого рода перерастания, в частности, требуется, чтобы в данной области отношений все же существовал доминирующий правовой режим, который, впитывая и перерабатывая новые элементы, постепенно переходил бы в новое качественное состояние.

Этого, по всей видимости, нет в комплексных отраслях, имеющих составной характер, — в военном праве, хозяйственном праве, исправительно-трудовом праве. Исходные элементы в этих комплексных образованиях не только качественно разнородны, но и ни один из них не является базой, которая способна объединить («переварить») разнородный материал.

Показательно в этом отношении развитие исправительно-трудового права. Казалось бы, недавно проведенная кодификация исправительно-трудового законодательства позволила в полной мере выявить специфику правового регулирования в этой области общественных отношений. Более того, особенности регулирования исправительно-трудовых отношений затрагивают и общий правовой статус лиц, отбывающих уголовное наказание (в особенности наказание в виде лишения свободы). Но регулирование, с одной стороны, уголовно-процессуальных, административных отношений, а с другой — отношений трудовых, воспитательных остается настолько специфичным, что исправительно-трудовое право так и не перешло ту грань, которая отделяет основные отрасли от комплексных. Снижение же удельного веса лишения свободы среди других мер уголовного наказания, все более широкое проникновение в данную сферу общих норм трудового

права — эти и другие факты, выражающие процесс гуманизации исправительно-трудовой политики в социалистическом обществе, дают основания говорить даже об обратном процессе: об усилении черт комплексности исправительно-трудового права¹.

8. Отрасли советского права (основные и комплексные) находятся в сложной взаимозависимости. Главные генетические и функциональные связи, существующие между отраслями, проявляются в рамках всей правовой системы (гл. 6). Вместе с тем некоторые из этих взаимосвязей проявляются и на уровне отдельных отраслей. Речь идет о том, что группы отраслей образуют нередко своего рода ассоциации, объединения, которые могут быть названы *семьями* отраслей.

Факт существования такого рода семей уже отмечался в советской юридической литературе. Если внести поправку в нечеткое употребление термина «подотрасль», то в принципе следует согласиться с мнением о том, что «представление о структуре отраслей как *семьях* (курсив мой. — С.А.) подотраслей, связанных воедино какой-то общей частью, произрастающих от одного общего корня, отражает процессы не только дифференциации, но и интеграции права»². О группах отраслей в правовой системе пишет В.Ф. Яковлев³.

Началом, корнем отдельных правовых семей являются профилирующие отрасли — государственное право, административное право, гражданское право, уголовное право. В них воплощаются *типовые методы* правового регулирования, выражающие наиболее «чистое» развитие не только простейших приемов регулирования (административное и гражданское право), но и общих способов правового воздействия — дозволения, обязывающего предписания, запрета⁴.

Конечно, границы между семьями отраслей права в какой-то мере условны. Другие основные и специализированные комплексные отрасли формируются в результате синтеза, определенной компоновки элементов, свойственных нескольким профилирующим отраслям. Составные комплексные отрасли (типа хозяйственного права), т.е.

¹ Об исправительно-трудовом праве как комплексной отрасли см.: Пинчук В.И. Место исправительно-трудового права в системе советского права // Правоведение. 1972. № 1. С. 54—60.

² Советское государство и право. 1967. № 9. С. 33—34.

³ См.: Яковлев В.Ф. Гражданско-правовой метод регулирования общественных отношений: Автореф. дис. ... докт. юрид. наук. С. 32.

⁴ См. там же. С. 70—71. В.Д. Сорокин указывает на три типовых метода правового регулирования (уголовно-правовой, гражданско-правовой, административно-правовой), упуская из поля зрения четвертый — государственно-правовое регулирование (см.: Сорокин В.Д. Административно-процессуальное право. С. 40—41).

отрасли с качественно разнородными компонентами, тяготеют сразу к нескольким профилирующим отраслям. Интегрированные же комплексные отрасли вообще представляют собой в значительной степени обширные зоны правового регулирования. Но большинство отраслей советского права довольно четко и определенно распределяется по отдельным семьям (хотя точнее говорить, что составные элементы семьи лишь *тяготеют* к той или иной профилирующей отрасли).

В настоящее время в советском праве существует **четыре** семьи отраслей.

Первая из них — отрасли, непосредственно группирующиеся вокруг *советского государственного права*. Конечно, государственное право является основой, корнем всей советской правовой системы. Содержание отраслей всех правовых семей базируется на принципах, выраженных в государственно-правовом регулировании. Поэтому семья отраслей государственно-правового профиля немногочисленна. Но она есть. Это, в частности, такие комплексные отрасли, как прокурорское право¹, судоустройственное право², бюджетное право.

Особую семью образуют основные и комплексные отрасли, тяготеющие к типовому методу *административно-правового регулирования*. В эту группу, кроме административного и административно-процессуального права, включаются: основные отрасли — финансовое право³, земельное право с отпочковывающимися от него водным, лесным, горным правом; административно-хозяйственное право (как часть составной комплексной отрасли — хозяйственного права), военно-административное право (как часть составной комплексной отрасли — военного права) и др.

К тому же циклу отраслей тяготеет и право социального обеспечения, хотя в общем оно находится и на грани с цивилистической группой.

¹ См.: *Бровин Г.И.* Прокурорский надзор — подотрасль государственного права // Правоведение. 1970. № 4. С. 106. Ряд авторов (С.Г. Березовская, Г.И. Бровин, В.Г. Мелкумов и др.) относят прокурорское право к разряду «самостоятельных», т.е. основных отраслей (см., например: *Березовская С.Г.* Нормы прокурорского надзора и их место в системе советского права // Вопросы прокурорского надзора. М., 1972. С. 19–35).

² См.: *Семенов В.М.* Организация суда и прокуратуры в СССР. Свердловск, 1973. С. 4.

³ По мнению И.С. Гуревича, есть «доказательства в пользу признания финансового права комплексной отраслью права, состоящей из пяти отраслей: 1) бюджетное право; 2) налоговое право; 3) банковское право; 4) страховое право; 5) правовая организация сберегательного дела» (*Гуревич И.С.* Правовые проблемы расчетных и кредитных отношений: Автореф. дис. ... докт. юрид. наук. Изд-во ЛГУ, 1972. С. 6).

Следующая семья – *отрасли цивилистического профиля*. Эта группа, кроме гражданского и гражданско-процессуального права, охватывает: основные отрасли – трудовое право, колхозное право, семейное право, а также комплексные отрасли – банковское право, «транспортные» отрасли (железнодорожное, морское, воздушное и др.), страховое право, жилищное право, авторское право, изобретательское право, гражданско-хозяйственное право (как составная часть комплексной отрасли хозяйственного права) и др.

И наконец, особо должна быть выделена *семья отраслей уголовно-правового цикла*: уголовное право, уголовно-процессуальное право, исправительно-трудовое право¹.

¹ Несколько слов о международном праве. Международное частное право может быть охарактеризовано в качестве особого подразделения советского права. Оно представляет собой комплексную отрасль, тяготеющую главным образом к семье отраслей цивилистического профиля, да к тому же с международно-правовой окраской (о природе международного частного права см.: Луиц Л.А. Международное частное право. М.: Юрид. лит., 1970. С. 9–16, 35–37 и сл.). Международное публичное право – это вообще не отрасль права. Как правильно отмечено в литературе, международное право есть «особая правовая система, особая область права, автономная по отношению к праву внутригосударственному (национальному)» (Игнатенко Г.В. Международное право и общественный прогресс. М.: Междунар. отношения, 1972. С. 25). Под углом зрения своих системно-структурных характеристик международное публичное право – такое социальное образование, которое занимает *равное* положение с любой национальной правовой системой. Поэтому в принципе к определению структуры международного публичного права следует подходить с тех же позиций, с каких освещается структура национальных правовых систем. Значит, нормативный материал этой своеобразной межгосударственной правовой системы подразделяется на отрасли (основные и комплексные), подотрасли, институты и др. В области науки наряду с общей теорией международного права выделяются самостоятельные отраслевые международно-правовые научные дисциплины, например международное космическое право, международное право по использованию атомной энергии и т.д.

ГЛАВА ШЕСТАЯ СИСТЕМА ОТРАСЛЕЙ СОВЕТСКОГО ПРАВА

1. Понятие системы отраслей советского права

1. Структура советского права в конечном ее выражении образует систему права, т.е. связанную прочным единством взаимодействующую систему отраслей – профилирующих, процессуальных, специальных, комплексных.

На уровне системы отраслей и раскрываются особенности советского права как цельного правового организма. Советское право в рассматриваемой плоскости выступает не столько в качестве совокупности норм, сколько в качестве распределенного по институтам и объединенного по отраслям органического единства нормативных предписаний. Если отрасли права – это самостоятельные, суверенные, относительно замкнутые механизмы регулирования, то система права представляет собой комплекс такого рода механизмов, «правовой цех», юридически обслуживающий все советское социалистическое общество, все виды социалистических общественных отношений, нуждающихся в правовом опосредствовании.

Таким образом, система отраслей советского права – это его *макроструктура*, т.е. строение, закон связи между отраслями права.

Функциями правовой системы отраслей являются функции права в целом – экономические, воспитательные и другие, а с правовой стороны – регулятивные, охранительная. Вместе с тем возможно вычленение *особых* функций советского права как структуры высшего порядка – строения, закона связи между отраслями, его композиции и организации в виде целостной системы. Каковы эти функции?

Главное здесь состоит в следующем. Советское право как система взаимосвязанных и взаимодействующих отраслей призвана обеспечить выполнение *всех* задач, которые при помощи правовых средств решаются в условиях строительства социализма, а ныне – в условиях развитого социалистического общества, строительства коммунизма. Это значит, что система советского права должна:

а) обеспечить правовое опосредствование всех возможных на данном этапе отношений во всех областях общественной жизни, требующих правовой регламентации;

б) содержать весь комплекс правовых механизмов, юридических режимов, методов регулирования, которые были бы своего рода резервами системы (например, административно-правовые способы регулирования хозяйственных отношений, которые были «приведены в действие» в условиях Великой Отечественной войны; приемы аналогии и субсидиарного применения, которые могут быть использованы в любом случае пробелов в законодательстве);

в) органически войти в политическую организацию социалистического общества; воплотить в своем содержании, в строении, связях и соотношении между подразделениями системы социалистический демократизм глубоко нравственную, гуманистическую природу нашего общественного и политического строя; отсюда проистекает, в частности, ведущее положение в правовой системе советского государственного права, особое место процессуальных отраслей и др.

Иначе говоря, комплекс отраслей права, рассматриваемых в единстве, призван *обеспечить социальную ценность* советского права как существенного инструмента социального управления, эффективного и целесообразного регулятора социалистических общественных отношений, надежного средства осуществления задач социалистического государства, обеспечения и защиты прав и свобод советских граждан. Да и сама структура советского права на уровне системы отраслей представляет собой правовую ценность — юридическое богатство, демонстрирующее высокий уровень системного, технико-юридического развития советского права.

2. Система отраслей советского права — это структура права на таком его уровне, на котором отчетливо проявляются социальные особенности советского права как элемента политической организации социалистического общества, его особенности как права нового, высшего исторического типа.

На этот момент хотелось бы обратить особое внимание. Социальные закономерности и особенности данного общественного и государственного строя раскрываются в общественных явлениях в целом, в их организации и общей структуре. На уровне микроструктуры на первый план выступают такие характеристики, которые выражают строение явлений, их специальные технико-конструктивные черты, связи. И хотя, как было показано выше, социальные особенности и закономерности советского права в ряде случаев проявляются и в отдельных нормативных предписаниях, их ассоциациях, в структуре институтов, последние нуждаются прежде всего в освещении с точки зрения специальных конструктивных моментов, технико-юридических сторон.

Эти моменты и стороны относятся к форме права; они не всегда способны непосредственно вывести исследователя на уровень глубоких закономерностей и особенностей.

Когда же рассматривается весь комплекс отраслей, то советское право, будучи цельной, законченной нормативной системой, может быть охарактеризовано вместе с тем в качестве элемента всего общественного организма – необходимой части политической организации нашего общества, инструмента социального управления. А это не только важно для понимания генезиса и развития советской правовой системы, места и роли тех или иных системообразующих факторов, но и дает возможность обрисовать ее социальный облик как классового, социально-политического явления.

Именно при освещении данного, наиболее высокого уровня структуры права может быть прослежена ее связь с политическими институтами, с теми или иными звеньями политической организации социалистического общества и – что особенно важно – раскрыта руководящая и направляющая роль Коммунистической партии в развитии социалистического права.

Конечно, эта роль Коммунистической партии в ряде случаев непосредственно проявляется и по отношению к отдельным отраслям и институтам советского права. Так, на XXIV съезде КПСС была поставлена задача выработки Закона о статусе депутатов Советов. «Съезд считает целесообразным, – говорится в резолюции по Отчетному докладу ЦК КПСС, – законодательным путем определить статус депутатов Советов всех степеней, их полномочия и права, а также обязанности должностных лиц в отношении депутатов»¹.

Решение съезда КПСС по рассматриваемому вопросу явилось законодательным почином, началом большой организационной работы, обеспечившей подготовку проекта закона, который в 1972 г. и был принят Верховным Советом СССР². Принятие этого закона не только привело к формированию нового правового института (или даже объединения институтов). В дальнейшем, быть может, указанный закон окажет глубокое воздействие на структуру права, на систему существующих в сфере государственной деятельности методов регулирования.

Вместе с тем руководящая и направляющая роль Коммунистической партии в развитии советского права и его подразделений раскрывается во всех аспектах, если правовая система рассматривается в це-

¹ Материалы XXIV съезда КПСС. М.: Политиздат, 1971. С. 204.

² См.: Ведомости Верховного Совета СССР. 1972. № 39. Ст. 347.

лом, как единый правовой организм. При таком подходе обнаруживается глубокая, органическая связь между *политикой, директивами* Коммунистической партии по важнейшим вопросам политической, хозяйственной, культурной жизни и *глубинными закономерностями, тенденциями* в развитии советского права, его отраслей. Например, взятый Коммунистической партией курс на дальнейшее повышение жизненного уровня трудящихся, реальное осуществление программного положения «все во имя человека, все для блага человека» нераздельно связаны с усилившимся в последнее время процессом формирования (в качестве основной отрасли) права социального обеспечения, развитием административно-процессуального права, дифференциацией и интеграцией правового регулирования в сфере охраны природы.

Л.И. Брежнев говорил 14 июня 1974 г. на встрече с избирателями Бауманского избирательного округа г. Москвы: «Принятые за последние годы Верховным Советом Основы трудового законодательства, законодательства об образовании и здравоохранении, о защите природной среды продолжают нашу принципиальную линию — линию на то, чтобы постоянно расширять и обогащать права личности, права трудящегося человека»¹.

При рассмотрении всего комплекса отраслей советское право может быть охарактеризовано как такая нормативная система, которая взаимодействует с другими нормативными системами, обеспечивая единое социалистическое общественное регулирование. Особый интерес в данном отношении представляют взаимодействие системы моральных и системы юридических норм с точки зрения свойственных им структур. Эта сторона взаимодействия советского права и морали социалистического общества (в общем, широко освещенного в философской и юридической литературе)² еще не привлекала достаточного внимания. Между тем, по всей видимости, взаимодействие моральной и правовой систем наиболее интенсивно проходит через некоторые, частично перекрещивающиеся подразделения их структур. Примечательно в этом отношении развитие советского семейного права, соблюдение которого в самостоятельную основную отрасль сопряжено с углублением нравственного содержания семейных отношений, их очищением от материального расчета.

¹ Брежнев Л.И. Все для блага народа, во имя советского человека. М.: Политиздат, 1974. С. 14.

² См., в частности: Якуба Е.А. Право и нравственность как регуляторы общественных отношений. Харьков, 1970; Хайкин Я.З. Структура и взаимодействие моральной и правовой систем. М.: Высш. ш. к., 1972, и др.

3. При характеристике правовой системы недостаточно ограничиться указанием на ее строение, на наличие ряда отраслей – основных и комплексных. Отрасли права образуют именно структуру, между ними существует свой *закон связи*.

Стойкая внутренняя организация присуща прежде всего ядру советского права – комплексу профилирующих отраслей.

Общую юридическую основу советской правовой системы образует государственное право. Именно его можно рассматривать в качестве активного центра всей правовой системы. Это хорошо согласуется с тем, что на уровне правовых предписаний такими активными центрами являются принципы права, а на уровне правовых институтов – общие институты и их объединения. Основные принципы советского социалистического права воплощаются именно в государственном праве, к тому же оно, как только что говорилось, представляет собой своего рода общую часть всей правовой системы.

За государственным правом следуют две «полнокровные» отрасли, выполняющие непосредственно регулятивные функции, – административное и гражданское право. Здесь же следует указать на расположенную чуть особняком такую профилирующую отрасль, нацеленную в основном на выполнение охранительных задач, как уголовное право. Легко заметить, что в комбинации этих трех отраслей в какой-то степени проступает идеальная структура права – две основные подсистемы: регулятивная, разветвляющаяся на две полярные ветви (административное и гражданское право), и охранительная.

Таким образом, в сжатом, концентрированном виде комплекс профилирующих отраслей содержит с юридической стороны исходные начала правовой системы в целом¹. Это же обстоятельство характеризует профилирующие отрасли как обязательную часть системы права.

Обязательными компонентами системы советского права являются также другие основные отрасли – процессуальные и специальные. Развитая социалистическая правовая система (а именно таково советское право на современном этапе его развития) неизбежно включает своего рода «продолжение» профилирующих отраслей в сфере правоохранительной деятельности социалистического государства – процессуальные отрасли. Развитие и дифференциация социалистических общественных отношений вызывают к жизни и специальные основные

¹ В этом и кроется объяснение того, удивившего В.Д. Сорокина факта, что советские ученые при характеристике методов регулирования ряда отраслей права в качестве исходных «кирпичиков» берут отдельные элементы методов административного и гражданского права (см.: *Сорокин В.Д.* Административно-процессуальное право. С. 33).

отрасли, обеспечивающие своеобразные правовые режимы при регулировании ряда важных общественных связей — трудовых, семейных, земельных и т.д.

В самом «наборе», многообразии отраслей советского права отражается не только сложность и разнохарактерность социалистических общественных отношений, но и то существенное обстоятельство, что система советского права призвана обеспечить юридическое опосредствование всех возможных общественных отношений, нуждающихся в правовом регулировании, причем при помощи всего комплекса юридических режимов, методов, правовых механизмов. Именно с этой стороны структура советского права может быть охарактеризована в качестве правовой ценности, своего рода юридического богатства, выражающего особенности права как высоко-развитой системы.

С рассматриваемой точки зрения необходимыми компонентами советской правовой системы являются и комплексные отрасли. Основные и комплексные отрасли в сочетании, единстве дают возможность социалистическому государству учитывать все грани и оттенки социалистических общественных отношений, обеспечивать разностороннее и глубокое воздействие на их функционирование и развитие и тем самым реализовать потенции права как высокоэффективного и целесообразного регулятора общественных отношений.

Чем совершенней социалистическая правовая система, тем сложнее ее строение, многообразнее связи между ее подразделениями. Уровень совершенства советского права выражается также в наличии ряда частично перекрещивающихся комплексных отраслей, каждая из которых обслуживает общественные отношения в своем аспекте и при помощи юридически согласованного единого нормативного регулирования обеспечивает специализированное правовое воздействие. Отсюда, в частности, следует, что далеко не всякое увеличение количества нормативных актов ухудшает правовое регулирование. К такому отрицательному эффекту приводит издание многочисленных, не всегда согласованных, а то и противоречивых актов, каждый из которых посвящен тому или иному частному вопросу. Комплексные же нормативные акты, отражающие реальные особенности регулируемых отношений и вследствие этого позволяющие внести в содержание правового регулирования новые позитивные моменты (например, путем нормативных обобщений), обогащают правовое регулирование, нередко подготавливают существенные преобразования в структуре права, повышают его эффективность.

Вряд ли поэтому с обостренным скептицизмом следует относиться к предложениям об издании сводных и систематизированных актов. Конечно, здесь нужна тщательная проверка. Да и термин «кодекс» должен быть использован крайне бережно: его предпочтительней использовать именно для кодифицированных актов, выражающих существенные юридические особенности данной общности юридических норм (главным образом особенности основных отраслей права). Но если регулируемые общественные отношения и соответствующий им нормативный материал дают возможность обеспечить единое комплексное регулирование, выработать новые нормативные обобщения, ввести специфические принципы регулирования, то высказываемые в литературе мнения об издании сводных и систематизированных актов должны рассматриваться как предложения *de lege ferenda*, способные при их осуществлении обогатить содержание советского права.

Однако как бы ни усложнялось строение советского права, какими бы многообразными ни становились связи между отдельными его подразделениями, эти связи подчинены определенному *закону*, который и выражает структуру советского права. Такая устойчивая связь между отраслями, при которой ядро правовой системы образуют профилирующие отрасли во главе с государственным правом, в непосредственном единстве с ними функционируют процессуальные и специальные основные, а на их основе комплексные отрасли, — такая связь характеризует существование права как единого, целостного организма, обеспечивающего слаженное, всестороннее, юридически согласованное воздействие на общественные отношения в соответствии с назревшими потребностями развития социалистического общества.

Сложное, иерархическое строение советского права обуславливает особенности его «внешнего облика». В какой-то мере система права напоминает своеобразную пирамиду. «Во главе этой пирамиды — конституционное право, от него идут вниз наиболее крупные, традиционные отрасли права, за ними по нисходящей — подотрасли»¹.

Конечно, это сравнение весьма условно. С учетом того, что отрасли права во главе с профилирующими объединяются в семьи, видимо, пирамида отраслей представляет собой более сложное образование. Каждая семья отраслей также может быть представлена в виде пи-

¹ Советское государство и право. 1967. № 9. С. 34. Однако завершают систему права не подотрасли (они выступают в качестве структурных подразделений внутри отрасли), а комплексные отрасли, которые к тому же являются правовыми общностями менее прочными, менее объективированными, чем профилирующие и другие основные отрасли, образующие главные подразделения правовой системы.

рамиды со своим автономным центром — профилирующей отраслью. Поэтому систему советского права в целом можно обрисовать как базирующийся на одной основе и исходящий из нескольких автономных центров ряд ветвей, частично перекрещивающихся пирамид, образующих единый правовой организм.

И разумеется, положение о пирамиде не следует понимать упрощенно, прямолинейно. Это образное сравнение помогает отразить особенности положения государственного права как активного центра во всей системе отраслей (а не только центра по отношению к ближайшим подразделениям). Когда же В.С. Основин, правильно указывающий на то, что государственное право представляет собой логический центр, добавляет, что это — центр, «вокруг» которого расположены другие отрасли¹, то такого рода характеристика не соответствует сложному, многоуровневому строению советского права. Он отождествляет всю правовую систему с семьей государственно-правовых подразделений, действительно расположенных «вокруг» государственного права.

4. Марксистско-ленинская юридическая наука в принципе отвергает деление советского права на публичное и частное. Действительно, если связывать группы отраслей с тем, какие — общие или частные — интересы выражают данные нормы, то такой подход, вполне объяснимый в отношении правовых систем буржуазного (и добуржуазного) общества, не согласуется с характером социалистических общественных отношений, которые отличаются гармоническим единством общественных и непосредственно личных интересов. Правда, в отдельных юридических нормах возможно, а иногда и необходимо определить, какой — непосредственно личный или общественный — интерес выражен в закрепляемых ими субъективных правах (поэтому вполне допустимо употреблять выражения «публичные права», «личные права»). Но в ткани правовой материи юридические нормы, обеспечивающие и те и другие интересы, настолько тесно переплетены, что указанный фактор не имеет системообразующего значения и не влияет на реальную структуру советского права².

¹ См.: Основин В.С. Место и роль советского государственного права в системе права // Правоведение. 1972. № 5. С. 11. Автор, на мой взгляд, неосновательно противопоставляет характеристики государственного права как центра системы права и как начального звена пирамиды отраслей (см. там же. С. 7, 11). По сути дела, это — совпадающие, дополняющие друг друга, вполне скоординированные теоретические положения.

² Вместе с тем иногда в литературе при разграничении публичного и частного права за основу брались не характер интереса, а юридические признаки, в частности такие черты метода регулирования, как наличие или отсутствие «автономии», «координация или субординация воли» и т.д. (см., например: Черепяхин Б.Б. К вопросу о частном

Любая группировка отраслей советского права должна выражать те реальные связи, которые характерны для его структуры. Поэтому та классификация отраслей, которая отражает существование его разновидностей (профилирующие, процессуальные, специальные, комплексные), и представляет собой *общую и главную их группировку*.

Но здесь есть аспект, который имеет определенное самостоятельное значение. Это — подразделение отраслей права на три главных звена:

а) основополагающее звено — государственное право;

б) материальные отрасли — профилирующие (гражданское, административное, уголовное право) и специальные (трудовое, семейное, земельное право и др.);

в) процессуальные отрасли.

Такое трехзвенное деление весьма важно для понимания генетических и функциональных связей в системе советского права (в частности, как будет показано в последующем, процессуальные отрасли, опираясь в первую очередь на профилирующие отрасли, вместе с тем тесно взаимосвязаны со специальными основными отраслями).

Как правильно отмечается в литературе, понятие «материальное право» в отрыве от понятия «процессуальное право» утрачивает всякий смысл. Напротив, каждая отрасль (или подотрасль) процессуального права обслуживает определенную совокупность материально-правовых норм. Реализация этих норм как раз и обеспечивается в данной процессуальной форме¹. К тому же процессуальное право не есть просто форма материального права, а представляет собой форму *его жизни*, т.е. его осуществления, причем посредством специфического юридического режима.

Характеристика процессуальных отраслей в качестве *особого звена* системы права позволяет с большей резкостью оттенить их самостоятельность, их особые в системе функции как *класса* отраслей, суще-

и публичном праве. Иркутск, 1926). Конечно, и по указанным признакам невозможно распределить отрасли права по двум группам. Данные моменты, в сущности, представляют собой *простейшие приемы регулирования*. В методах отраслей права они выступают в виде элементов, которые не только в каждом случае находятся в своеобразном сочетании, но и в зависимости от особенностей права в целом получают специфическую окраску. Однако теоретические положения, выработанные в науке *при такой трактовке проблемы* публичного и частного права, в ряде случаев имеют существенное значение при освещении юридических особенностей отраслей права. Надо полагать, к этому и склоняются рассуждения отдельных польских юристов, признающих конструктивное значение упомянутого глобального деления (см., например: *Opolek K. Problemy metodologicznie nauki prawa*. S. 188).

¹ *Иванов О.В.* О связи материального и гражданского процессуального права // Правоведение. 1973. № 1. С. 47.

ствующего *наряду* с материальными отраслями и основополагающим звеном – государственным правом. Помимо ряда иных моментов, следует иметь в виду, что, «играя служебную роль, гражданский процесс (а также уголовный, административный. – С.А.) вместе с тем не становится придатком материального права. Он представляет собой самостоятельное явление правовой жизни, имеет собственные принципы и тенденции развития»¹.

2. Генетические связи в системе отраслей советского права

1. Сложный, многогранный характер системы советского права в определенной степени обусловлен тем, что возникновение, формирование и развитие одних отраслей в той или иной мере опирается на другие отрасли. Между отраслями существуют связи «по происхождению». Они и могут быть названы *генетическими*.

От наличия генетических связей, их характера во многом зависит юридическая природа данной общности юридических норм, особенности ее взаимодействия с иными подразделениями правовой системы (функциональные связи). Само деление отраслей по четырем основным семьям – это классификация, отражающая главные «родственные» связи между отраслями.

Правда, в литературе была высказана мысль, в сущности, отрицающая наличие зависимостей между отраслями «по происхождению». «Известно, – пишет В.Д. Сорокин, – что за очень небольшим исключением развитие отраслей системы советского социалистического права началось, по сути дела, одновременно, т.е. после победы Октября. Кроме того, некоторые из «молодых» отраслей, в частности трудовое право, по сравнению с такой «старой» отраслью, как административное право, оформились значительно раньше и рельефнее»².

Действительно, *развитие* отраслей советского права началось после Октябрьской революции, в принципе, одновременно. Осуществляя в законодательной форме мероприятия, продиктованные самим ходом социалистической революции, Советское государство с первых дней взяло курс на создание единой и стройной правовой системы. Именно поэтому В.И. Ленин с такой настойчивостью требовал проведения кодификационных работ, разработки и создания единого Свода законов.

¹ Иванов О.В. О связи материального и гражданского процессуального права // Правоведение. 1973. № 1. С. 53.

² Сорокин В.Д. Административно-процессуальное право. С. 34.

Однако *формирование* правовых общностей, приобретение ими статуса самостоятельных отраслей происходит не одновременно. К тому же генетические связи между отраслями не следует понимать упрощенно, прямолинейно. Хотя и до сего времени уровень совершенства советского административного права, думается, уступает уровню совершенства советского трудового права, административно-правовое регулирование все-таки имеет исходное, базовое значение для трудового права: при формировании институтов трудового права, определении его юридических особенностей законодатель в той или иной мере исходит из своеобразия административно-правового регулирования, учитывает юридические построения, свойственные этой профилирующей отрасли¹. Таким образом, генетическая связь между отраслями есть зависимость «по крови», по юридическим конструкциям, методам правового регулирования.

Формирование отраслей права является результатом сложно-го соединения объективных и субъективных системообразующих факторов.

Определяющее значение имеет объективный фактор — глубинное социально-экономическое, политическое содержание развивающихся (или только складывающихся) общественных отношений, т.е. то главное в предмете правового регулирования, что выражает объективную необходимость существования особой ветви правового регулирования и, следовательно, заинтересованность общества и государства в формировании самостоятельного подразделения правовой системы.

Фактическое же формирование данной отрасли права происходит в результате активной правотворческой работы компетентных органов социалистического государства — процесс, в котором проявляются и законодательные традиции, и специфика определенных теоретических концепций и т.д. «Система права, — пишет А.В. Мицкевич, — складывается (конечно, не единым актом, а исторически, постепенно) все же только в результате законодательной деятельности и существует в рамках определенной системы законодательства»².

¹ О значении и характере административно-правовых конструкций и приемов регулирования в трудовом законодательстве первых лет Советской власти см.: *Горячих К.М.* Правовое регулирование труда рабочих и служащих в первые годы Советской власти (1917–1920 гг.): Автореф. дис. ... канд. юрид. наук. М., 1972. С. 8–10.

² *Мицкевич А.В.* Соотношение системы советского права с системой советского законодательства // Ученые записки ВНИИСЗ. Вып. 11. С. 10.

Аналогичные теоретические положения высказаны Л.С. Явичем. Отметив, что система права «складывается исторически объективно», он пишет: «В государстве определенного типа она складывается как результат развития общественных отношений и опо-

Хотелось бы обратить внимание на сложную диалектику взаимосвязи объективных и субъективных системообразующих факторов при формировании отраслей.

Хотя решающим для возникновения отрасли во всех случаях остается глубинное социально-экономическое, политическое содержание развивающихся (или только складывающихся) общественных отношений, однако до формирования соответствующей отрасли вся сеть фактических конкретных связей данного вида общественных отношений может еще и не сложиться. Создание правовых институтов, их известное единство *необходимы именно для того, чтобы на основе назревших потребностей общественного развития содействовать реальному возникновению сети фактических общественных отношений.* Правовые формы, следовательно, выступают в качестве *рычага*, являющегося необходимым компонентом в сложном процессе становления, динамики общественных отношений.

Здесь и «срабатывает» теоретическое положение о единстве предмета и метода правового регулирования. Социалистическое государство формирует особый метод регулирования на базе назревших потребностей общественного развития, выражающих глубинное социально-экономическое, политическое содержание общественных отношений (предмет правового регулирования). Созданные таким путем правовые формы в процессе своей реализации как бы «притягивают» к себе фактическое поведение людей — субъекты совершают те реальные акты поведения, которые предусмотрены этими правовыми формами. Таким образом, если рассматривать предмет правового регулирования как явление динамическое, то оказывается, что методы (правовые формы) регулирования «вклиниваются» в процесс становления и функционирования реальных общественных отношений. Оставаясь обусловленными глубинным социально-экономическим, политическим содержанием данных общественных отношений, юридические формы в то же время играют активную роль в возникновении, функционировании, да и в самом существовании конкретных фактических связей, из которых реально складываются указанные общественные отношения.

Вот почему конкретные общественные связи в современных условиях существуют в юридических формах. И это относится не только к идеологическим, надстроечным отношениям. Например, конкретные фактические отношения по социальному обеспечению не могут возникнуть до тех пор, пока социалистическое государство на основе на-

средствующего их законодательства. Систему права нельзя рассматривать вне зависимости от влияния на нее законодательной деятельности государства и систематизации законодательства» (Общая теория советского права. С. 317–318).

зревших потребностей и условий общественного развития не установит в нормативных актах «идеальные модели» социального обеспечения. Первым шагом в установлении конкретных фактических отношений является «чистая» правовая связь между гражданином и компетентным органом, возникающая при наступлении известных обстоятельств — возраста, стажа, инвалидности и т.п. А осуществление этих связей, когда в процессе реализации они обретают материальное содержание, означает, что перед нами — реальные, фактические отношения по пенсионному обеспечению, социальному страхованию и др.¹

2. Характеризуя механизм образования отраслей советского права, необходимо специально остановиться на роли в этом процессе кодифицированных актов.

Кодифицированные акты являются «формирующим инструментом» любого подразделения структуры советского права. Но для отраслей права они имеют особое, повышенное значение.

Нормативные предписания могут конструироваться законодателем и включаться в правовую систему при помощи отдельных некодифицированных актов. Таким же путем в ряде случаев идет формирование правовых институтов. Об этом уже говорилось в предшествующем изложении, например, применительно к институту денежных начетов (хотя, строго говоря, здесь все же необходимы известные нормативные обобщения и, следовательно, своего рода «кодификационный момент»).

Конечно, надо видеть и то, что система права как композиция, закон связи элементов имеет объективный характер. В литературе справедливо указывается, что «установленная юридическая норма тяготеет только к строго определенному месту в системе права (например, к гражданскому, административному праву и т.п.), и изменить это место, не изменив содержания нормы, не в силах даже законодатель»².

¹ Эта диалектика соотношения реальных общественных отношений и государственно-правовых форм, возможно, и породила у некоторых авторов иллюзию «перехода» государства в состав базисных явлений. Давая развернутую критику такого рода иллюзиям, Л.И. Загайнов пишет: «В экономическом процессе социалистическое государство выступает как надстроечный орган, обеспечивающий государственно-правовыми средствами планомерное развитие и совершенствование экономических отношений, способствующий объединению всех актов расширенного социалистического воспроизводства и направлению их к единой социально-политической цели» (*Загайнов Л.И.* Социалистическое государство и экономика // Советское государство и право. 1972. № 7. С. 50—51).

² Систематизация хозяйственного законодательства. С. 49; *Шаргородский М.Д.* Право и объективные законы общественной жизни // Правоведение. 1972. № 5. С. 106.

Однако развитие правовой системы, формирование новых отраслей права без кодифицированных актов невозможно. Даже профилирующие отрасли, образующие обязательную часть, ядро правовой системы и потому в принципе складывающиеся без кодифицированных актов, становятся без них в какой-то степени рыхлыми, лишенными четкой отраслевой окраски. Это можно сказать о действующем советском административном праве. Отсутствие Административного кодекса (или иного аналогичного кодифицированного акта) не только порождает известные трудности практического порядка при применении административно-правовых норм и снижает эффективность административно-правового регулирования, но и лишает эту профилирующую отрасль той степени качественной определенности, которая свойственна ей в принципе, по логике системы права. Не потому ли в науке административного права необходимость научного анализа юридического своеобразия этой отрасли (ее метода, специфических принципов и др.) до сих пор не получила всеобщего признания¹ и административное право нередко трактуется скорее в качестве обширной сферы регулирования, нежели в виде юридически особого подразделения структуры.

Значение кодифицированных актов для формирования отраслей советского права (или во всяком случае для полного выявления, кристаллизации их юридической специфики) обусловлено тем, что кодификация — главный путь формулирования в процессе правотворчества *нормативных обобщений*. А только нормативные обобщения, выраженные в виде особых дефинитивных и декларативных предписаний или же «растворенных» в определенном комплексе норм, могут связать эти нормы в единое целое, придать им черты некоторой общности.

Указанное обстоятельство не всегда учитывается в юридической литературе. Так, М.П. Ринг, выдвинув теоретические положения о существовании в советском праве особого правового комплекса, регулирующего научно-технический прогресс, одновременно утверждает о наличии «новой отрасли законодательства», которую называет «правом науки»².

¹ Вместе с тем ряд административистов дают глубокую и тонкую разработку юридических особенностей этой отрасли (см., в частности: *Козлов Ю.М.* Предмет советского административного права. Изд-во МГУ, 1967).

² См.: *Ринг М.П.* Правовое регулирование научно-технического прогресса // Советское государство и право. 1972. № 2. С. 116; см. также: XXIV съезд КПСС и вопросы теории государства и права. М.: Юрид. лит., 1972. С. 231—234.

По обоснованному мнению В.А. Рассудовского, «нормы и правоотношения в области организации науки не составляют особой отрасли права» (*Рассудовский В.А.* Государственная организация науки: Автореф. дис. ... докт. юрид. наук. М., 1972. С. 9).

Действительно, по вопросам науки изданы совместные нормативные акты ЦК КПСС и Совета Министров СССР, ряд ведомственных нормативных актов. Но отсутствие кодифицированных актов, в которых могли бы быть сформулированы необходимые нормативные обобщения, не дает возможности рассматривать группы норм, посвященных вопросам науки, в виде правовой общности, хотя бы даже комплексной. В лучшем случае здесь допустимо говорить о зачаточной разновидности интегрированной правовой общности, но не об отрасли права или отрасли законодательства (которая и выражает во вне комплексную отрасль права).

В связи с принятием Основ законодательства Союза ССР и союзных республик о народном образовании в настоящее время имеется значительно больше оснований для обсуждения вопроса о начавшемся процессе формирования комплексной общности, выражающей специфику правового регулирования общественных отношений, опосредствующих воспитание и обучение подрастающего поколения труженников социалистического общества. Наиболее эффективный способ формирования отраслей права (при наличии к тому необходимых материальных и юридических оснований) — издание единого сводного кодифицированного акта, охватывающего данную общность юридических норм в целом. Но в некоторых случаях достаточно и группы однородных кодифицированных актов, закрепляющих крупные институты или их объединения. Например, в области планового социалистического хозяйства, хотя отсутствует единый кодифицированный акт (да и сама необходимость его издания остается весьма проблематичной), несколько региональных кодифицированных актов — Положения о поставках, Правила о подрядных договорах на капитальное строительство и другие — ввели в правовую ткань такие близкие «по духу» обобщающие нормативные положения, которые свидетельствуют о наличии составной комплексной отрасли — хозяйственного права.

В области административно-процессуального права нет ни сводного, ни региональных кодифицированных актов. И если имеются достаточные основания говорить о том, что рассматриваемая правовая общность существенно продвинулась вперед по пути от комплексной отрасли к основной, то объясняется это наличием необходимых нормативных обобщений в кодифицированных актах смежных отраслей и, пожалуй, еще тем, что профилирующая отрасль необходимо вызывает к жизни соответствующую процессуальную отрасль.

Подчеркивая значение кодифицированных актов в формировании отраслей права, не следует преувеличивать роль этих актов. Решающим

системообразующим фактором остается предмет правового регулирования, назревшая объективная потребность самостоятельного, обособленного нормативного регулирования данного вида общественных отношений. Для формирования отрасли требуется также накопление нормативного материала, развитие объединений институтов, подотраслей, которым становится тесно в рамках породившей их основной отрасли. Кодифицированные же акты выполняют функцию «формирующего инструмента», своего рода «плавильного цеха», где из разнородного нормативного материала выплавляются юридические особенности отраслей — комплексных и основных. Кодифицированные акты, следовательно, *завершают* сложный процесс правообразования, в котором тесно переплетены объективные и субъективные элементы.

3. Формирование новых отраслей права представляет собой постепенный процесс, который распадается на ряд этапов, стадий. «Отрасль права, — пишет В.Д. Сорокин, — это система высокого порядка, и ее образование связано со значительным по времени и масштабам процессом эволюционного развития»¹.

Здесь, правда, необходимо учитывать следующее существенное обстоятельство.

Генетические связи между отраслями в ряде случаев имеют, так сказать, идеальный характер. В частности, исходной основой для договорных институтов советского трудового права, установленных уже в первые годы Советской власти, послужили юридические конструкции договоров подряда, сложившиеся в гражданском праве, но именно конструкции, а не указанные институты в реальном виде. Договоры услуг и подряда в советском гражданском праве сформировались позднее, фактически после принятия ГК РСФСР 1922 года.

Однако, как правило, генетические связи между отраслями права носят реальный характер, причем нередко обнаруживается ступенчатость в процессе формирования. Так, конструирование институтов советского колхозного права происходило с учетом не только сложившихся норм гражданского права об общественной собственности, институте товарищества и других, но и положений трудового права (о рабочем времени, дисциплине труда и т.п.). А право социального обеспечения последовательно вбирает нормативный материал ряда отраслей — административного, трудового, а затем и колхозного права.

В тех случаях, когда генетические связи имеют реальный характер, в последовательности этапов формирования отраслей прослеживается

¹ Сорокин В.Д. Административно-процессуальное право. С. 28.

известная закономерность. *Формирование молодой основной отрасли происходит путем постепенного преобразования правовых общностей обычно в таком типическом порядке: правовой институт — подотрасль — комплексная специализированная отрасль — основная специальная отрасль.*

Многие из сложившихся в настоящее время комплексных отраслей начали свое развитие из институтов гражданского, административного, государственного права. Таковы, в частности, авторское право, изобретательское право, морское право и т.д. Крупный институт, а затем подотрасль «обрастают» в результате кодификации законодательства институтами и нормами других отраслей, происходит их согласование, известное сближение, и в результате образуется некоторое единство — комплексная отрасль.

Комплексная же отрасль вследствие развития общественных отношений, совершенствования и обогащения законодательства может из вторичной, производной структуры перерасти в главную, т.е. основную, отрасль. Такое перерастание в полной мере соответствует общим диалектическим закономерностям развития явлений. «На определенном этапе, — пишет В.И. Свидерский, — элементы нового качества и присущие им звенья новой структуры получают преобладание над элементами старого качества и их структурой, и тогда устанавливается новая структура, знаменующая возникновение нового качества как целого, хотя достройка как самих элементов, так и звеньев новой структуры еще может продолжаться»¹.

Обособление той или иной области законодательства свидетельствует (в силу единства внешней и внутренней форм) об известном преобразовании в самой правовой материи. Комплексная отрасль, складывающаяся в результате появления новых областей законодательства, представляет собой первый шаг в сложном процессе формирования отраслей права. История развития социалистической правовой системы показывает, что многие основные специальные отрасли первоначально выступали в виде комплексных. Когда при наличии необходимых предпосылок в ходе объективного развития общественных отношений и соответствующего развития законодательства правовая общность достигает нужной степени внутренней организации, скла-

¹ Свидерский В.И. О диалектике элементов и структуры в объективном мире и в познании. С. 62. Далее автор вновь указывает на возможность наступления такого периода, «когда элементы нового состояния уже не укладываются в старую структуру и стремятся обрести, создать свою собственную структуру» (С. 66). Нетрудно заметить, что с таким процессом вызревания новой структуры связано и существование комплексных отраслей.

дываются специфический метод регулирования, правовые принципы и другие особенности отрасли, тогда вторичная структура превращается в главную, доминирующую. Это и является показателем завершения процесса формирования новой основной отрасли.

Перерастание вторичной структуры в главную происходит, как уже говорилось, далеко не всегда. Существенное значение здесь имеют две основные предпосылки: в о - п е р в ы х, формирование такого вида общественных отношений, который предопределяет и возможность, и необходимость нового качества в правовом регулировании; в о - в т о р ы х, постепенное преобразование нормативного материала в процессе правотворчества, и в особенности кодификационной работы, — преобразование, в результате которого разнородные элементы становятся «совместимыми», готовыми к тому, чтобы сформировалось единое и цельное правовое образование — основная отрасль права.

Здесь, как уже отмечалось в предшествующей главе, необходимо, чтобы существовал доминирующий правовой режим, на базе которого в результате развития законодательства происходило бы интегрирование разнородного нормативного материала, формирование на этой основе качественно нового юридического режима, метода регулирования.

О перерастании вторичной структуры в главную свидетельствует вся совокупность признаков основной отрасли (особый метод и механизм регулирования, специфические принципы, способность взаимодействия с другими отраслями на том же самом уровне и др.). Накопление новых принципов, общих положений, приемов регулирования, происходящее в комплексной отрасли в результате кодификационной работы, дает здесь такой сплав, такой качественный скачок, который выражается в появлении *нового правового статуса* — главной черты особого метода регулирования. До тех же пор пока правовые принципы, отдельные приемы регулирования и другие юридические особенности данной общности правовых норм — пусть весьма юридически существенные, значительные — не привели к появлению нового юридического статуса (т.е. не изменили общего юридического положения субъектов), нет и «нового качества» — самостоятельной основной отрасли.

Например, нормативный материал, охватываемый изобретательским и авторским правом, довольно обширен, есть в этих областях права и свои принципы, некоторые особые приемы регулирования. Но общее правовое положение автора и изобретателя не выходит за границы правового статуса, регламентируемого нормами гражданского и трудового права, и поэтому применительно к рассматриваемым общностям норм нет основа-

ний говорить о наличии особых методов; эти общности остаются только формирующимися комплексными отраслями (их ядро — основной нормативный материал — образует подотрасли гражданского права).

4. Большинство специальных отраслей сформировалось и формируется сейчас на базе двух профилирующих подразделений системы права — советского административного права и советского гражданского права (и в соответствии с этим входит в состав возглавляемых ими правовых семей).

Объясняется такая «привязанность» специальных отраслей к указанным профилирующим подразделениям главным образом тем, что именно в административном и гражданском праве получили наиболее полное и «чистое» развитие два простейших приема правового регулирования — императивный метод и диспозитивный метод. И хотя в рассматриваемых профилирующих отраслях эти простейшие приемы вошли в состав сложных правовых образований и получили особую окраску, все же при формировании новых отраслей они служат своего рода ориентирами для отдельных элементов новых конструкций.

Таким образом, конструкции административного и гражданского права являются, как правило, теми отправными юридическими предпосылками, которые при наличии объективных условий и соответствующего развития законодательства открывают путь к тому, чтобы дать новое качественное состояние, привести к формированию новой специальной отрасли права.

В тех случаях, когда новые отрасли создаются на базе административного и гражданского права, развитие соответствующих правовых образований может идти двумя основными путями.

П е р в ы й п у т ь — это такая линия развития, когда отправное, исходное значение имеют юридические конструкции и положения, сложившиеся в гражданском праве или в иных отраслях данной правовой семьи.

Так, в частности, сформировались трудовое, колхозное, семейное право. И дело не в том или, во всяком случае, не столько в том, что в некоторые из указанных правовых общностей «просочились» административно-правовые элементы: само по себе это обстоятельство свидетельствовало бы лишь о возникновении смешанных институтов. Главное заключается в том, что усиление императивного, централизованного регулирования, вызванное требованиями данных общественных отношений — трудовых, колхозных, семейных, существенно преобразовало первичную правовую ткань, пробудило к жизни специфический правовой режим, новый метод и механизм правового регулирования.

Следовательно, было бы недостаточно точно считать, что указанные специальные отрасли возникли в результате смешения элементов, «кусочков» гражданского и административного права (такой подход в особенности был бы неправилен по отношению к семейному праву). Однако знаменательно и то, что преобразование первичной правовой ткани, обусловленное усилением императивного регулирования, пусть в небольшой степени, но приблизило регулирование трудовых, колхозных, семейных отношений к тому типу, который свойствен административному праву. И это повысило уровень совместимости рассматриваемых видов регулирования. Отсюда становится понятным, почему институты трудового, колхозного и семейного права могут объединяться с институтами административного права в цельные комплексы (в качестве примера можно назвать институты трудоустройства, надзора и контроля за трудовым законодательством — в трудовом праве; усыновления — в семейном праве и др.).

В т о р о й п у т ь — это такая линия в формировании специальных отраслей, когда отправное, исходное значение имеют конструкции и положения, свойственные административно-правовому регулированию. По такому пути, надо полагать, шло развитие земельного права. В настоящее время частично таким путем формируется в качестве основной отрасли право социального обеспечения.

Здесь тоже нет смешения, механического объединения элементов административного и гражданского права. Процесс в рассматриваемой области идет в ином направлении, а именно: в рамках конструкций, источником которых является административно-правовой тип регулирования, развиваются элементы диспозитивного, автономного характера; для их опосредствования и используются некоторые правовые формы гражданско-правового метода, в частности договорное регулирование взаимоотношений между субъектами.

Рассматриваемый путь формирования специальных отраслей сопряжен с весьма интересным явлением в развитии советского права.

Развертывание деятельности социалистического государства по дальнейшему обеспечению потребностей и запросов советских граждан, по непосредственному предоставлению все большего количества благ из общественных фондов влечет за собой существенное преобразование «облика» правовых отношений, которые по своим началам соответствуют типу административно-правового регулирования.

Например, выделение в пользование гражданам и организациям земельных участков единого государственного фонда, предоставление бесплатного медицинского обслуживания и т.д. выражаются в правоотно-

шениях, имеющих в своей основе императивный, властный характер, но юридические позиции сторон здесь «вдруг» резко меняются. Компетентные государственные органы сохраняют свое положение субъектов, наделенных официальными властными полномочиями; в то же время лица, которым предоставляются определенные блага, становятся носителями автономных субъективных прав, имеющих в какой-то мере абсолютный характер. Эти публичные субъективные права (некоторые из них, например право на жилье в домах государственного фонда, входят в общую систему имущественных прав) не позволяют характеризовать правовое положение носителей данных прав как положение субъектов подчинения. Напротив, их положение нередко является активным и привилегированным по отношению к субъектам власти.

Подобного рода преобразование административно-правовых отношений, делающее их более совместимыми с гражданско-правовыми формами, позволяет объединять нормы гражданского и административного права в процессе правотворчества в комплексные образования и, следовательно, формировать комплексные отрасли права. Такая комплексная отрасль, надо полагать, постепенно складывается, например, в области обеспечения жилищных нужд граждан в домах государственного фонда: если по своему источнику право на жилую площадь имеет публичный характер, то его использование обеспечивается гражданско-правовыми институтами, в частности договором жилищного найма. И хотя соответствующие нормы жилищного права не отмежевались от своих основных отраслей (от административного и гражданского права), они в какой-то мере изменили свою природу, приблизились друг к другу.

А основное заключается в том, что автономные публичные права, складывающиеся в пределах административно-правовых отношений, при наличии необходимых условий (развитие данных отношений, кодификация законодательства и др.) могут не только изменить общее правовое положение субъектов, но и привести к формированию *специфического правового статуса* — главной черты особого метода регулирования, нового юридического режима. Таким путем сложилось земельное право, идет утверждение в качестве основной отрасли права социального обеспечения¹. Здесь видна и дальняя перспектива: про-

¹ В особом изучении нуждается процесс формирования финансового права. По-видимому, решающую роль в возникновении особого правового статуса субъектов финансовых отношений сыграли не автономные публичные субъективные права, связанные с обладанием материальными и иными благами, а само положение этих субъектов как собственников, к которому «подстроилось» финансово-правовое регулирование, имеющее по своей природе административно-правовой характер.

движение нашего общества к коммунизму, усиление деятельности социалистического государства, направленной на удовлетворение растущих материальных и иных потребностей тружеников социалистического общества, возможно, усилит процессы преобразования других групп административно-правовых отношений, приведет к формированию специфических методов правового регулирования, новых юридических режимов (например, в области медицинского обслуживания, народного образования и пр.).

Указанные выше социальные факторы общества, строящего коммунизм, обуславливают также известное преобразование содержания гражданско-правового регулирования имущественных отношений между социалистическими организациями и гражданами: и в эту область проникают «публичные» начала, с которыми сопряжено формирование комплексного гражданско-правового института, регулирующего отношения по обслуживанию интересов граждан (розничная купля-продажа, бытовой подряд, перевозки пассажиров и багажа и др.).

5. С учетом приведенных выше теоретических соображений должна быть рассмотрена и проблема хозяйственного права.

Можно понять и признать оправданным стремление ряда авторов увидеть в системе советского права основную отрасль, регулирующую отношения в плановом социалистическом хозяйстве. Однако данная проблема рассматривается в нашей науке в таком направлении, которое не способствовало, да и не могло способствовать ее решению.

Казалось бы, приняв идею хозяйственного права в качестве научной гипотезы, следовало на основе единых теоретических предпосылок и конкретного фактического материала выяснить, существует ли специфический правовой режим регулирования хозяйственных отношений, образуют ли складывающиеся здесь юридические особенности специфический метод, есть ли своеобразный юридический статус субъектов хозяйственных отношений. Вместо этого некоторые авторы попытались сразу же со ссылкой на один изолированно рассматриваемый предметный критерий «ввести» хозяйственное право в правовую систему, причем в качестве такой основной отрасли, которая существует в одном ряду с профилирующими отраслями — административным правом и гражданским правом. А так как указанная попытка сопровождалась немедленным введением в научный оборот новой терминологии («хозяйственные правоотношения», «хозяйственная ответственность», «хозяйственные обязательства» и т.д.), то это при отсутствии достаточной ясности и определенности тех понятий, которые введенная терминология должна обозначать, породило значи-

тельные трудности в науке. Отсюда — резкость полемики, накал страстей вокруг рассматриваемой проблемы, которые еще более осложнили ее решение.

Между тем если бы и удалось доказать на основе единых теоретических предпосылок, что хозяйственное право является основной отраслью, то по своему профилю она могла бы быть только специальной, т.е. генетически зависимой от профилирующих отраслей — административного и гражданского права. В этом отношении следует признать плодотворной наметившуюся линию на нахождение в хозяйственном праве единого «качественно нового метода регулирования, вобравшего в себя в преобразованном виде общеюридические классические методы»¹.

К сожалению, накопленный научный материал о юридическом своеобразии регулирования в сфере хозяйственных отношений не дает достаточных данных и для такого вывода². Он свидетельствует о том, что хозяйственное право — вторичное образование, комплексная составная отрасль.

¹ Мамутов В.К. Кодификация хозяйственного законодательства — важное условие предупреждения правонарушений и борьбы с ними // Проблемы борьбы с правонарушениями, причиняющими ущерб экономике предприятий. Донецк, 1972. С. 47. См. также: Красько И.Е. Общие теоретические проблемы советского хозяйственного права: Автореф. дис. ... докт. юрид. наук. Харьков, 1973. С. 24.

² Не привел таких данных в упомянутой статье и В.К. Мамутов. Специфика особого, хозяйственно-правового метода, по его мнению, состоит в своеобразной юридической конструкции сложного, многостороннего хозяйственного обязательства (стр. 42–46). Автор отмечает, что «гражданское обязательство — это, так сказать, амеба, хозяйственное же — сложный, многозвенный организм, очень сложная система» (С. 44). Но ведь «сложность» как раз и заключается в *юридической разнородности* отдельных звеньев данной системы, в их подчиненности *разным* юридическим режимам. К тому же автор в своих прежних работах убедительно показал, что эта, «так сказать, амеба» (например, обязательство подряда на капитальное строительство) сама представляет собой структурно сложное правовое образование. И наконец, «сложность» структуры правоотношений сама по себе не является признаком, характеризующим особенности того или иного метода правового регулирования.

С более четких общетеоретических позиций к характеристике метода хозяйственного права подошел И.Е. Красько. В полном согласии с положениями общей теории права он попытался увидеть особенности хозяйственного правового метода в общем юридическом положении участников общественных отношений. Однако и эта попытка не увенчалась успехом. По мнению И.Е. Красько, общее юридическое положение участников хозяйственных отношений отличается юридическим неравенством, но таким, при котором во взаимоотношениях субъектов «отсутствуют начала власти и подчинения» (С. 24). «Неравенство, — пишет он далее, — обнаруживается в структуре и содержании прав и обязанностей сторон» (Там же). Однако неравенство в «структуре и содержании прав и обязанностей» и есть то, что в литературе понимается под условной формулой «власть—подчинение».

Несмотря на известные преобразования административно-правового и гражданско-правового регулирования хозяйственных отношений, их определенное сближение, между ними сохраняется значительная дистанция, обусловленная объективной необходимостью обособленной правовой регламентации, с одной стороны, властно-организационных, управленческих, а с другой — имущественно-стоимостных, товарных отношений. В области правового регулирования хозяйственных отношений в современных условиях функционируют два взаимодействующих юридических режима — административно-правовой и гражданско-правовой. Это выражается, в частности, в том, что участники хозяйственной деятельности обладают двумя разнородными юридическими статусами: они выступают раздельно, и в виде субъектов властно-организационных, управленческих отношений, и в виде юридических лиц.

Какими путями пойдет развитие правового регулирования хозяйственных отношений в социалистическом обществе?

В настоящее время, несомненно, можно констатировать продолжающееся усиление дифференциации гражданско-правового и административно-правового регулирования, в частности все большее обособление хозяйственных гражданско-правовых институтов. Возможно, этот процесс приведет к формированию новых комплексных отраслей (таких, например, как строительное право, промышленное право и др.), а отсюда в порядке встречного развития — к интеграции правового регулирования. Хозяйственное право в этом случае все более будет превращаться в интегрированную комплексную отрасль.

Но есть еще одна возможная линия развития. Изучение правового регулирования хозяйственных отношений показывает, что наряду с дальнейшей дифференциацией традиционных юридических режимов (неустранимых в силу объективной необходимости централизованных начал и имущественно-стоимостных, товарных отношений в социалистической экономике) в некоторых областях хозяйственной деятельности намечается *развитие автономных имущественных прав в рамках отношений административно-правового типа*.

Так, постановлением Совета Министров СССР от 19 марта 1970 г. введен особый порядок планирования и распределения прибыли в Министерстве приборостроения, средств автоматизации и систем управления СССР¹. Суть нового порядка состоит в том, что в результате установления твердых нормативов отчисления от прибыли у хозорганов как субъектов управленческих отношений формируется «свой» фонд, т.е. имущество

¹ СП СССР. 1970. № 5. Ст. 37.

не всей системы, а лишь то, которым ведает, распоряжается данный орган как таковой и которое он обращает на поощрение лучших работников, лучших предприятий. Возникает предположение: нет ли здесь процесса, аналогичного тому, который, например, в области земельных отношений привел к формированию своеобразного режима регулирования, специфического метода, выраженного, в частности, в особенностях правового статуса субъектов? Дополнительный материал к такого рода предположению дают проводимые на основе постановления ЦК КПСС и Совета Министров СССР «О некоторых мероприятиях по дальнейшему совершенствованию управления промышленностью»¹ меры по организации всесоюзных и республиканских промышленных объединений. Эти объединения, осуществляя хозяйственно-управленческие функции, действуют на основе хозяйственного расчета. У них образуются свои фонды, которыми они оперативно распоряжаются в рамках соответствующих хозяйственно-управленческих отношений.

Если это предположение правильно (а оно, разумеется, нуждается в тщательной проверке), то, действительно, могут быть найдены истоки формирования новой специальной отрасли. И хотя перед нами только первые ростки специфических правовых явлений (к тому же они касаются не хозяйства в целом, а довольно локальной области хозяйственных отношений), дальнейшее углубление принципов экономической реформы дает основание полагать, что развитие советской правовой системы в указанном направлении не исключено.

6. В специальном внимании нуждается механизм формирования процессуальных отраслей.

Юридический процесс — это не просто процедура, длящиеся, растянутые во времени юридические отношения, а особая процедура, которая является выражением специфических юридических режимов применения права.

Существенные особенности процессуальных режимов зависят от материальных профилирующих отраслей — гражданского, уголовного, административного права. В этих отраслях сосредоточены типовые методы регулирования, которые как бы продолжают, проецируются на порядок государственно-властной, принудительной реализации соответствующих материальных правоотношений.

Однако от профилирующих отраслей права зависят *видовые* особенности процессуальных режимов, но не само их качество *процессуальности*.

¹ СП СССР. 1973. № 7. Ст. 31.

Процессуальные отрасли являются носителями глубоких социалистических правовых начал всей советской правовой системы, имеют свое специфическое содержание, свою самостоятельную ценность. Это и выражается в емких понятиях «юридический процесс», «процессуальные формы».

Дело в том, что государственное принуждение — острое средство социального воздействия, требующее осторожного применения, наличия строгих гарантий, развитых процедур использования. *Для того чтобы государственное принуждение в условиях строжайшей законности было правовым, оно должно быть одухотворено развитыми процессуальными формами.*

Процессуальные формы играют еще не достаточно оцененную в нашей науке роль важнейших политико-правовых институтов, обеспечивающих государственно-властную реализацию норм материального права в соответствии с высокими принципами ленинской законности, коммунистической морали, обеспечения объективной истины, всесторонней охраны прав и интересов личности¹. Именно поэтому каждая процессуальная отрасль необходимо включает в свой состав комплексы правовых норм, обеспечивающие: а) достижение объективной истины при решении юридических дел; б) всесторонние, нередко повышенные гарантии прав лиц, в отношении которых возможно применение государственно-принудительных мер.

Указанные особенности процессуальных отраслей и определяют специфику механизма их формирования.

В юридической литературе справедливо отмечено, что своеобразии гражданского процессуального права определяется не только материальным гражданским правом, но и в не меньшей степени государственным правом². Очень важный теоретический вывод, несомненно, распространяющийся и на все другие процессуальные отрасли! Именно советское государственное право оснащает процессуальные отрасли теми глубокими социалистическими правовыми началами, которые оно затем распространяет на сферу государственно-властной, принудительной деятельности³.

¹ «Процесс, который, по словам К. Маркса, имеет «самостоятельную ценность», — пишет П.С. Дагель, — во многом характеризует политический режим государства, степень развития демократии и обеспеченности прав личности» (Дагель П.С. Взаимодействие уголовного, материального и процессуального права в регулировании общественных отношений // Правоведение. 1972. № 2. С. 85).

² См.: Семенов В.М. Понятие и система принципов советского гражданского процессуального права // Сборник ученых трудов СЮИ. Вып. 2. Свердловск, 1964. С. 224—225.

³ См. также: Елисейкин П.Ф. Защита субъективных прав и интересов и компетенция суда в советском гражданском процессе // Ученые записки ДВГУ. Т. 31. Ч. 1. С. 151, и др.

Таким образом, процессуальные отрасли, будучи своего рода надстройками над профилирующими отраслями, находятся в непосредственной генетической связи также с государственным правом. Видимо, этим, помимо ранее указанных причин, можно объяснить то особо существенное значение, которое имеют в процессуальных отраслях правовые принципы. В них воплощается не только специфическое правовое содержание процессуальной отрасли, но и те решающие правовые начала, которые выражают и ее связь с государственным правом, и ее ценность как процессуальной формы.

Принципы процессуальных отраслей настолько важны, что они нуждаются в закреплении в виде обособленных, самостоятельных предписаний. Именно поэтому первые главы кодифицированных актов уголовно-процессуального и гражданского процессуального права посвящены основным положениям, состоящим главным образом из норм-принципов.

А отсюда следует еще один вывод. По-видимому, для формирования процессуальных отраслей издание кодифицированных актов играет большую роль, чем во всех других случаях. Ведь нормы-принципы — одна из наиболее высоких разновидностей нормативных обобщений, которые формируются в основном при помощи кодифицированных актов. Если материальное административное право, как профилирующая отрасль, сложилось без издания единого кодифицированного акта, то административно-процессуальное право, видимо, сможет утвердиться в качестве основной отрасли после издания кодифицированного акта, регламентирующего принципы и порядок применения административной ответственности и иных мер административного принуждения¹.

Процессуальные отрасли генетически связаны главным образом с соответствующей профилирующей материальной отраслью (гражданским правом, уголовным правом, административным правом). Вместе с тем на содержание той или иной процессуальной отрасли влияют и иные, специальные отрасли, входящие в данную семью. В особенности это касается гражданского процессуального права. Законодатель использовал сложившиеся гражданско-процессуальные формы для принудительной реализации трудовых, колхозных, семейных правоотношений. И хотя в трудовом, семейном, колхозном праве складываются свои специфические процессуальные нормы (которые, однако, не выходят за пределы материально-правовых институтов), об-

¹ См.: *Манохин В.М.* Советская государственная служба. М.: Юрид. лит., 1966. С. 28.

щее «процессуальное обслуживание» отношений указанных отраслей осуществляется при помощи гражданского процессуального права¹. Но это обстоятельство в свою очередь влияет на содержание институтов гражданского процесса: последний в той или иной мере приспособлен к особенностям правовых режимов трудового, семейного, колхозного права².

Таким образом, в результате развития системы права процессуальные отрасли, по сути дела, превращаются из «надстройки» над профилирующими отраслями в правовые общности, которые обслуживают все отрасли, входящие в ту или иную правовую семью.

От формирования процессуальных отраслей следует отличать иное явление, характерное для правовой системы социалистического общества, — развитие процедурных форм и институтов, опосредствующих правотворческую деятельность и правоприменительную (индивидуально-регулятивную) административную деятельность компетентных органов по регулированию общественных отношений.

Эти формы и институты, по справедливому мнению В.М. Горшенева, «имеют не менее важное, чем в области юрисдикционной, а пожалуй, более существенное значение»³.

Развитие указанных процедурных форм и институтов, однако, не приводит к образованию самостоятельных отраслей права. Процедурные формы и институты, связанные с регламентацией правотворческой и административной индивидуально-регулятивной деятельности, не нуждаются в таком специфическом правовом содержании, которое призвано обеспечить правовые основы государственного принуждения и сопряженное с этим достижение истины по делу, гарантию прав личности. В то же время они требуют особой регламентации, отражающей непосредственно управленческую природу правового регулирования

¹ По мнению В.Д. Сорокина, процессуальные нормы лишь тогда образуют самостоятельную процессуальную отрасль, когда они в совокупности приобретают способность обслуживать не только свою, но и другие отрасли на одном и том же уровне структуры права. «Отрасль, — пишет автор, — начинается тогда, когда определенная группа процессуальных норм... выходит за пределы одноименной материальной отрасли и участвует в реализации материальных норм других отраслей, т.е. взаимодействует с другими отраслями права» (Сорокин В.Д. Административно-процессуальное право — отрасль права // Советское государство и право. 1969. № 8. С. 18).

² О.В. Иванов отмечает, что гражданское процессуальное право «испытывает влияние других отраслей, и прежде всего тех, которые по отношению к нему выступают в качестве права материального» (Иванов О.В. О связи материального и гражданского процессуального права // Правоведение. 1973. № 1. С. 51).

³ Горшенев В.М. Природа и назначение процессуальных форм в советском праве // Вестник Ярославского университета. Ярославль, 1972. С. 10.

данных отношений (накопление информации, систему согласования, прогнозирование и др.). Такого рода процедурные формы и институты — что особенно существенно — неотделимы от материально-правового регулирования и вместе с материально-правовыми институтами включаются в соответствующую материальную отрасль, в частности в государственное право, административное право, земельное право, право социального обеспечения. В связи с этим следует согласиться с мнением тех авторов, которые указанные процедурные (процедурно-процессуальные) формы не выводят за пределы соответствующих материальных отраслей. «Специфика избирательного права, как и в целом советского государственного права, — пишет А.И. Ким, — состоит лишь в том, что здесь нормы материального и процессуального права органически связаны между собой и в совокупности составляют единое советское государственное право»¹.

Отсюда ясно, почему отсутствует сама возможность (да и необходимость) распространения традиционных уголовно-процессуальных и гражданско-процессуальных форм на область положительной административной деятельности. Впрочем, когда в литературе высказывается идея о такого рода распространении, то речь идет о свойствах процессуальной формы, под которой понимается лишь «совокупность однородных процедурных требований, предъявляемых к действиям участников процесса и направленных на достижение какого-то определенного результата»². Подобный процесс (его целесообразнее обозначать термином «юридическая процедура»), конечно же, должен внедряться в любую положительную правовую деятельность: деятельность всех правотворческих, административных, социально-обеспечительных и иных органов, осуществляющих властные полномочия. Но это другая, качественно иная процедура, нежели процессуальные формы в точном смысле этого слова, складывающиеся в связи с внедрением правовых начал в область государственного принуждения (юрисдикционной деятельности) и образующие основу для специфических структурных подразделений — самостоятельных основных отраслей советского права³.

¹ Ким А.И. Государственно-правовая природа норм, регулирующих организацию выборов в СССР // Труды Томского государственного университета. Т. 199. Томск, 1968. С. 77.

² Вестник Ярославского университета. С. 5.

³ Возражая против того, что объединение всех юридических процедур под рубрикой «процессуальная форма» приводит к обескровливанию, выхолащиванию этого содержательного, юридически богатого понятия, В.М. Горшенев утверждает, что «обеднение процессуальной формы как раз больше состоит в самом отрицании возможности более

3. Функциональные связи в системе отраслей советского права

1. Между отраслями советского права существуют многообразные функциональные связи.

Специализация права приводит к тому, что нормы внутри институтов и институты внутри отраслей действуют во взаимосвязи, сочетании. Такое сочетание наиболее ярко проявляется в нераздельном единстве регулятивных и охранительных норм, общих и специальных норм и т.д.

Однако основное значение функциональные связи имеют в системе права, во взаимодействии отраслей. Вряд ли можно признать убедительным мнение В.А. Кирина, полагающего, что «наиболее развиты функциональные связи между отдельными правовыми нормами: в пределах одной отрасли права, одной отрасли законодательства и тем более в пределах одного законодательного акта»¹. Внутри отрасли права либо внутри правового института (законодательного акта) решающую роль, как и на иных уровнях структуры, играют *связи строения* — те законы связи, которые и образуют структуру того или иного звена правовой системы. Функциональные же зависимости как таковые неизбежно приобретают *отраслевую окраску*: они проявляются как связи между нормами и институтами определенных отраслей права. Именно здесь, на уровне отраслей права, функциональные связи (разумеется, обусловленные особенностями строения права) наиболее развиты и сложны.

Весьма характерно, что в рамках системы советского права в целом проявляются функциональные связи, выражающие начала советского федерализма, союзно-республиканский характер советского законодательства. Даже в тех случаях, когда определенные правовые институты регламентированы только республиканским законодательством, нельзя упускать из поля зрения того, что они находятся в функциональной связи с нормами, установленными в общесоюзном поряд-

широкого распространения ее свойств» (Горшенев В.М. Способы и организационные формы правового регулирования в социалистическом обществе. С. 214). Но здесь под «процессуальной формой» понимается только совокупность однородных процедурных требований. А такого рода широкое понятие, призванное отразить общие черты разных юридических процедур, несомненно, *беднее*, чем емкое, насыщенное глубинным политическим, нравственным, юридическим содержанием понятие «процессуальная форма», сложившееся для характеристики особых юридических режимов применения права в области правообеспечительной (юрисдикционной) деятельности.

¹ Кирин В.А. Функциональные связи правовых норм // Советское государство и право. 1972. № 5. С. 35.

ке и лежащими в основе всей данной области права. Таким образом, лишь при рассмотрении системы отраслей советского права в целом обнаруживается одна из важных его особенностей, состоящая в том, что она выступает в виде нераздельного и в то же время дифференцированного, в соответствии с федеративной системой, союзно-республиканского советского социалистического права.

Функциональные связи между отраслями обусловлены особенностями строения права, которые в свою очередь нередко выражают генетические связи.

Так, тесные взаимозависимости существуют между смежными, родственными отраслями, а точнее, между отраслями, образующими одну правовую семью. Но ведь это родство есть результат связей между отраслями «по происхождению» — генезису их формирования. Реальным выражением функциональных связей в рамках той или иной семьи отраслей является возможность субсидиарного применения норм одной отрасли при регулировании отношений, входящих в сферу действия другой отрасли, а также наличие общих «внутрисемейных» понятий, которые складываются преимущественно в профилирующей отрасли¹.

Наиболее жесткой, причем односторонней зависимостью характеризуются функциональные связи между основными и комплексными отраслями. Если между основными отраслями одной семьи функциональные связи в принципе носят характер отношений координации, то нормативные положения комплексных отраслей по главному своему содержанию включаются в юридические режимы основных отраслей и, следовательно, находятся в прямой зависимости от их общих положений.

Функциональные связи между основными отраслями обусловлены, в частности, тем, что в результате специализации права обособляются охранительные нормы и институты. Вследствие такого обособления возможно использование охранительных предписаний одних отраслей права для обеспечения прав и обязанностей других отраслей. Речь идет не только об уголовном праве, доминирующая функция которого нацелена на обеспечение охраны всех отраслей права и прежде всего общих запретов (об этом см. ниже п. 3), но и о других основных подразделениях советской правовой сис-

¹ См.: *Поленина С.В.* Субсидиарное применение норм гражданского законодательства к отношениям смежных отраслей // Советское государство и право. 1967. № 4. С. 24–26; *Ершова Н.М.* Соотношение гражданского и семейного законодательства // Советское государство и право. 1973. № 1. С. 121–122.

темы. Так, охранительные предписания административного права используются для охраны гражданских прав (например, наложение денежного начета за служебные упущения, возникшие в результате поставки некачественной продукции); нормы трудового права, регулирующие дисциплинарную ответственность, используются для охраны административных, гражданских, уголовно-процессуальных и других отношений¹.

Главные функциональные связи между основными отраслями наиболее рельефно проявляются в трехзвенной группировке (государственное право – ведущее звено; материальные отрасли; процессуальные отрасли). Особо существенное значение принадлежит:

а) определяющему положению в советской правовой системе государственного права;

б) выражению в нормах уголовного права общих правовых запретов;

в) взаимосвязи материальных и процессуальных отраслей.

2. Советское государственное право – это такая ведущая профилирующая отрасль, которая является корнем всей советской социалистической правовой системы.

Центральное положение советского государственного права определяется главным образом тем, что оно, в сущности, представляет собой непосредственное *юридическое выражение принципов, структуры и механизмов функционирования политической организации социалистического общества*. Регулируя общественные отношения, возникающие в процессе осуществления народного и национального суверенитета советского народа, его полновластия², государственное право вместе с тем призвано через костяк своих норм (норм конституции) интегрировать фундаментальные институты советского общества и государства³. Как правильно отмечено в советской юридической литературе, «принципы, закрепляемые нормами государственного права, явля-

¹ См.: Черданцев А.Ф. Системность норм права // Сборник ученых трудов СЮИ. Вып. 12. С. 54–55.

² См.: Лепешкин А.И. Соотношение государственного права и норм Советской конституции // Советское государство и право. 1971. № 2. С. 103–107.

³ См.: Коток В.Ф. Содержание конституционного права // Советское государство и право. 1971. № 2. С. 112. По мнению автора настоящей работы, расхождения между А.И. Лепешкиным и В.Ф. Коток по вопросу о природе государственного права не столь полярны и несхожи, как представляется указанным авторам. И тот и другой высказали ряд правильных и конструктивных суждений, подчеркивая, однако, лишь одну из сторон такого сложного, многогранного правового образования, каким является государственное право. Думается, что «общей платформой», которая позволит увидеть единое во взглядах разных авторов на предмет государственного права, служат положения о единстве этой отрасли с политической организацией социалистического общества.

ются обобщенным выражением содержания общественных отношений, характеризующих социалистический строй»¹.

Одна из наиболее важных особенностей государственного права состоит в его нераздельной связи с Конституцией — Основным законом Советского государства. Ведь начала полновластия советского народа, народный и национальный суверенитет, фундаментальные институты общества и государства должны быть закреплены прежде всего с «принципиальной стороны», т.е. получить юридическое выражение в виде основополагающих правовых принципов. Такое закрепление и достигается в конституционных нормах. С рассматриваемой точки зрения есть некоторые основания к тому, чтобы именовать государственное право конституционным². Вместе с тем надо учитывать, что по своему содержанию государственное право не сводится лишь к конституционным нормам³. Следует принять во внимание и реальные факты, особенности данной отрасли, «исторически сложившейся именно как государственное право и имеющей свои традиции в социалистическом обществе»⁴. Поэтому если со временем новое наименование и будет внедрено (к сожалению, некоторые авторы без предварительного обсуждения вводят его в научный оборот), то это должно сопровождаться восприятием всех тех позитив-

¹ Основин В.С. Нормы советского государственного права. Госюриздат, 1963. С. 30. Автор правильно отмечает, что предмет государственного права «составляет не только определенная группа конкретных общественных отношений, но также и конституционные принципы, являющиеся обобщенным выражением всех наиболее типичных отношений советского социалистического общества» (Там же. С. 28). И хотя на первый взгляд в приведенной цитате допускается смешение предмета отрасли и ее содержания, все же автору удалось уловить интегрирующую функцию государственного права.

² См., в частности: Коток В.Ф. О предмете и источниках конституционного права социалистических стран // Конституционное право социалистических стран. Госюриздат, 1963. С. 3; Фарбер И.Е., Ржевский В.А. Вопросы теории советского конституционного права. Саратов, 1967. С. 8, и др.

³ См.: Основин В.С. Место и роль советского государственного права в системе права // Правоведение. 1972. № 5. С. 8–12. Однако вряд ли можно согласиться с автором, когда он утверждает, что нормам, совокупностью которых является государственное право, нельзя приписывать черты, свойственные только конституционным нормам (С. 8 и сл.). Да, всем отдельным нормам государственного права такого рода черты «приписывать» нельзя. Но функции государственного права в целом, его место в правовой системе могут быть определены не иначе как через основное содержание этой отрасли — конституционные нормы.

⁴ Лепешкин А.И. Соотношение государственного права и норм Советской конституции // Советское государство и право. 1971. № 2. С. 102.

По справедливому мнению А.И. Кима, предлагаемое переименование потребовало бы пересмотра ряда важных положений науки советского государственного права (см.: Доклады итоговой научной конференции юридических факультетов. Ч. 1. Томск, 1965).

ных традиций и достижений, которые выработаны наукой и практикой государственного права.

Своеобразие государственного права как отрасли, юридически закрепляющей основные институты нашего общества и государства, предопределяет его особое положение в советской правовой системе. Именно потому, что в конституции и других конституционных законах закрепляются основополагающие принципы общества и государства в целом, государственное право (прежде всего через главное в своем содержании — конституционные нормы) выступает в качестве юридической базы, стержня всей советской правовой системы¹. Если правовые принципы (на уровне правовых норм) и общие институты, в особенности их объединения (на уровне институтов и отраслей), могут быть определены как «активные центры» правовой системы, то такая характеристика тем более правильна по отношению к государственному праву, представляющему собой наиболее активную и интенсивную часть в общем комплексе отраслей права.

Необходимо указать на следующие направления, в которых проявляется ведущая роль конституционных норм советского государственного права по отношению к нормам всех других основных отраслей — профилирующих, процессуальных, специальных.

Закрепленные в советском государственном праве принципы в определенном сочетании и объеме одновременно являются принципами других отраслей. Государственное право как бы «снабжает» другие отрасли ведущими правовыми началами и тем самым предопределяет главное и решающее в их содержании. Вполне справедливо поэтому, например, в юридических науках, изучающих процессуальные отрасли, признано, что основное значение в процессуальных отраслях имеют конституционные принципы социалистического правосудия².

Закрепленные в советском государственном праве конституционные права и обязанности граждан, их коллективов, организаций одновременно (по линии других отраслей) выступают в качестве содержания правового статуса, правосубъектности. Право на труд, право на социальное обеспечение, право на образование и другие конституционные права, будучи «настоящими» субъективными правами в плоскости государственного права, в то же время определяют общее юридическое положение субъектов и, следовательно, в иной плоскости выступают как

¹ См.: Коток В.Ф. О предмете советского государственного права // Вопросы советского государственного права. Госюриздат, 1959. С. 56.

² См., в частности: Семенов В.М. Принципы советского гражданского процессуального права: Автореф. дис. ... докт. юрид. наук. Свердловск, 1965. С. 14—15.

элементы отраслевой правосубъектности, отраслевого правового статуса¹. А это значит, что советское государственное право закладывает устои тех особых юридических режимов, которые обеспечиваются другими отраслями советского права (ведь правовые режимы выражаются в системе правоотношений и в первую очередь в особенностях общего правового положения, статусов субъектов!).

Юридические источники советского государственного права, и прежде всего конституция, одновременно являются источниками всех других отраслей права. Этот давно признаваемый в советской юридической науке факт как раз и объясняется ведущей ролью государственного права в советской правовой системе. Более того, под рассматриваемым углом зрения, видимо, требует переосмысления и природа некоторых отраслевых нормативных юридических актов. Так, общесоюзный отраслевой сводный кодифицированный акт — Основы соответствующей области законодательства — обладает повышенной юридической силой даже среди законов (которые сами по себе являются актами высшей юридической силы). Как объяснить такое особое положение Основ в системе законодательства? Не означает ли их высшая юридическая сила среди актов, и так уже обладающих высшей силой, что Основы, будучи отраслевыми источниками права, представляют собой в то же время (хотя бы в потенции, по своей основе) акты, имеющие государственно-правовую природу? К этой мысли и склонилась С.В. Поленина, высказавшая предложение о «придании Основам любой отрасли законодательства значения конституционного акта»².

Итак, специфическая черта советского государственного права состоит в том, что закрепляемые им принципы, субъективные права и обязанности, а также свойственные ему источники как бы проникают, «просачиваются» во все отрасли права, воздействуя тем самым на главные элементы советской правовой системы. Государственно-

¹ Б.К. Бегичев, поддерживая такую «двойную» характеристику конституционного права на труд, пишет: «В том, что конституционное право на труд рассматривается, с одной стороны, как предпосылка конкретных правоотношений, а с другой — как особое субъективное право, нет никакого противоречия. Нужно только учитывать особенности, существующие между отраслями права; и прежде всего своеобразное положение государственного права» (*Бегичев Б.К. Трудовая правоспособность советских граждан.* С. 111).

² *Поленина С.В. Система советского гражданского законодательства и основные тенденции ее развития: Автореф. дис. ... докт. юрид. наук.* С. 31. Вместе с тем автор убедительно показала, что действующие Основы гражданского законодательства имеют значение *первичного* акта — исходной базы всего гражданского законодательства, акта, которым устанавливаются важнейшие, наиболее принципиальные нормативные положения отрасли в целом (см.: *Поленина С.В. Взаимосвязи нормативных актов в системе советского гражданского законодательства // Советское государство и право.* 1972. № 8. С. 68).

правовые отношения «присутствуют» в иных отраслевых правоотношениях, в той или иной степени «примешиваются» к ним.

В связи с отмеченной чертой государственного права есть известный резон в мнении, в соответствии с которым эта отрасль не имеет резко очерченных границ. «Если конституционные нормы, — пишет В.Ф. Коток, — составляют ядро каждой отрасли права, то нельзя требовать от конституционного права резких и точных границ размежевания с другими отраслями права»¹. Однако отсутствие «резких границ» вовсе не означает, что у государственного права нет собственного предмета регулирования. Государственное право имеет строго определенный предмет регулирования (о нем уже говорилось ранее), но значение, особенности регламентируемых государственным правом общественных отношений таковы, что они обуславливают всеобъемлющий, всепроникающий характер государственно-правового регулирования и в соответствии с этим отсутствие «резких границ» при сопоставлении его содержания с содержанием других отраслей.

3. Своеобразные функциональные связи существуют между запретами и советским уголовным правом.

Эти функциональные связи строятся различно в зависимости от того, выражены ли запреты в виде конкретных предписаний (при дозволительном регулировании) или же функционируют в виде принципов — общих запретов.

Если конкретные запрещающие предписания, как правило, входят в состав институтов отраслей регулятивного типа — административного, финансового, земельного, гражданского права и т.д., то общие запреты по своим главным юридическим особенностям тяготеют к типу государственно-правовых норм.

Наиболее важные функциональные связи существуют между советским уголовным правом и общими запретами.

Советское уголовное право — это такая материальная профилирующая отрасль, которая довольно резко отличается от других профилирующих отраслей тем, что в своем непосредственном содержании выражает правоохранительную функцию², является наиболее ярким и сравнительно «чистым» воплощением охранительной подсистемы советского права. В рассматриваемом отношении общие запреты (не нарушать социалистическую собственность, не нарушать честь, досто-

¹ Коток В.Ф. Содержание конституционного права // Советское государство и право. 1971. № 2. С. 111.

² См.: Смирнов В.Г. Функции советского уголовного права. Изд-во ЛГУ, 1965. С. 16 и сл.

инство гражданина и др.) выполняют такую же функциональную роль, как и общие нормы (принципы) государственно-правового типа; они лежат в основе конкретных охранительных уголовных предписаний, в определенной мере интегрируют и направляют их развитие. В науке советского уголовного права, на мой взгляд, еще недостаточно оценена эта интегрирующая и направляющая роль общих запретов, не менее значительная, чем роль объектов непосредственной уголовно-правовой охраны (впрочем, быть может, вместе с объектами и интересами они образуют единые социальные механизмы регулирования).

Но исчерпываются ли только этим функциональные связи между общими запретами и нормами уголовного права? Думается, нет.

Основываясь на общих запретах социалистического правопорядка, нормы советского уголовного права в то же время имеют *существенное значение в установлении и формировании этих запретов*. В принципе справедлива мысль А.Д. Пионтковского, полагающего, что уголовный закон «сам непосредственно вводит и устанавливает правовые нормы и правоотношения»¹. По мнению М.И. Ковалева, уголовное право, в частности, конкретизирует и подкрепляет установленные государством гарантии охраны жизни, здоровья, чести и достоинства человека².

Устанавливая уголовную ответственность за определенное поведение, уголовный закон т е м с а м ы м провозглашает запрещенность такого рода поведения. Сам факт существования охранительных уголовно-правовых предписаний придает общим запретам специфическую окраску, предопределяет особые, уголовно-правовые формы их выражения (таковы, например, нормы, запрещающие вести пропаганду войны, расовой ненависти и пренебрежения к другим народам, распространять клеветнические измышления о мероприятиях Советской власти и др.). Можно предположить, что уголовный закон — более богатое и многогранное явление, нежели просто источник уголовного права. Будучи формой выражения и закрепления уголовно-правовых охранительных предписаний, он в то же время, по-видимому, выступает в качестве средства, при помощи которого в правовую систему вводятся общие запреты, имеющие по своей основе государственно-правовую природу³.

¹ Курс советского уголовного права. Часть общая. Т. 1. М.: Наука, 1970. С. 12–13.

² См.: Ковалев М.И. Советское уголовное право. Вып. 1. Свердловск, 1971. С. 97.

³ Необходимо обратить внимание на то, что общие запреты, как правило, «растворены» в нескольких уголовно-правовых предписаниях. Думается, нет оснований считать, что существует особый запрет «не причинять легких телесных повреждений», особый — «не причинять тяжких телесных повреждений», особый — «не совершать неосторожного убийства» и т.п.

По-иному строятся функциональные связи между советским уголовным правом и конкретными запрещающими предписаниями. Такие предписания свойственны дозволителю регулированию (при котором в данной области отношений дозволено все, что прямо не запрещено в конкретных предписаниях). Здесь запрещающие нормы непосредственно вводятся иными отраслями — административным правом, финансовым правом, земельным правом и т.д. Конечно, уголовный закон придает отраслевому запрещающему предписанию уголовно-правовой оттенок, бóльшую определенность, повышенную властно-императивную силу. Но нетрудно заметить, что в принципе функциональные связи в рассматриваемых случаях характеризуются обратной зависимостью: сама уголовная ответственность в определенной степени обусловлена наличием запретов, установленных другими отраслями¹.

В областях отношений, для которых характерен дозволительный порядок регулирования, обнаруживается тенденция усиления контактов, взаимодействия между уголовным правом и отраслями, устанавливающими запреты. «Современной тенденцией при совершенствовании уголовного права, — пишет В.Н. Кудрявцев, — является все более тесная связь его с нормами других отраслей права»². Необходимость упрочения этой связи требует того, чтобы юридические запреты, с которыми уголовное право связывает возможность ответственности, формулировались в виде отдельных, самостоятельных, детализированных по содержанию нормативных предписаний. Вполне понятно, что, «если бы уголовно-правовые нормы об ответственности за частно-предпринимательскую деятельность и коммерческое посредничество (ст. 153 УК РСФСР) базировались на соответствующем гражданско-

¹ Достоин особого внимания то обстоятельство, что активно-творческое воздействие уголовного права на формирование правовых запретов происходит не на «чистом месте». Даже в тех случаях, когда запреты не вытекают из содержания других отраслей, они уже существуют в виде императивных требований социалистической морали. Характерным примером является требование морали об оказании помощи лицу, находящемуся в опасном для жизни состоянии, которое послужило базой для установления предписаний ст. 127 УК РСФСР, вследствие чего эта общая моральная обязанность трансформировалась в юридическую.

Кстати, ряд примеров, приводимых подчас для подтверждения мысли о возможности установления при помощи уголовного права позитивных юридических обязанностей (см. ст. 172 УК РСФСР — «Халатность», ст. 239 — «Неисполнение приказа»), на самом деле иллюстрирует «подкрепляющую» роль уголовного закона в отношении обязанностей, вытекающих из норм других отраслей права — административного, трудового и пр.

² Кудрявцев В.Н. Две книги об уголовном законе // Советское государство и право. 1969. № 10. С. 160.

правовом запрете (добавим – сформулированном в виде отдельного предписания. – С.А.), не существовало бы многих трудностей при расследовании и судебном рассмотрении дел этой категории»¹.

4. Особую группу функциональных связей, свойственных советской правовой системе, образуют связи между материальными и процессуальными отраслями.

На первый взгляд создается впечатление, что между материальными и процессуальными отраслями главными и определяющими являются отношения субординации. Действительно, известный «субординационный момент» во взаимоотношениях этих отраслей может быть обнаружен. Если рассматривать ту или иную процессуальную отрасль в качестве специфического продолжения профилирующей отрасли, «надстройки» над ней, обслуживающей всю семью материальных отраслей, то вполне естественно, что содержание материально-правовых институтов в какой-то мере предопределяет содержание институтов данной процессуальной отрасли. Так, весьма тесная связь существует между принципами материальной и соответствующей процессуальной отраслей. Область материальных правовых отношений общим образом очерчивает подведомственность компетентных органов – субъектов процессуальных отношений. Да и началом для образования процессуальных связей служит, как правило, определенный момент в возникновении и развитии действительных или предполагаемых материально-правовых (охранительных) отношений².

Но известная зависимость отраслей процессуального права от соответствующих материальных отраслей не должна заслонять того решающего

¹ Кудрявцев В.Н. Две книги об уголовном законе. С. 160.

² Известная зависимость процессуальных отношений отмечается многими авторами. «Уголовно-процессуальные отношения, – пишет М.И. Ковалев, – это форма реализации материально-правовых отношений. Они и приспособлены для этого» (Ковалев М.И. Советское уголовное право. Вып. 1. С. 106). По мнению К.И. Комиссарова, гражданское материальное и гражданское процессуальное право соотносятся не только как форма и содержание, но и как цель и средство. «Материальное право, – пишет он, – регулирует порядок и возможность овладения материальными и духовными благами, а процесс есть узаконенный способ принудительной реализации такой возможности» (Комиссаров К.И. Некоторые аспекты соотношения гражданского и гражданско-процессуального права // Сборник ученых трудов СЮИ. Вып. 27. Свердловск, 1973. С. 79).

Интересные моменты в соотношении материальных и процессуальных правовых форм подмечены О.В. Ивановым. Указав на тесную связь между охранительными и процессуальными правоотношениями, он пишет: «Связь материального права с процессом обеспечивается тем, что материальные охранительные правоотношения возникают и реализуются только параллельно с развитием процессуальных» (Иванов О.В. О связи материального и гражданского процессуального права // Правоведение. 1973. № 1. С. 50).

обстоятельства, что и те и другие отрасли — это относительно обособленные, самостоятельные звенья советской правовой системы. И материальные, и процессуальные отрасли представляют собой качественно специфические правовые явления, обеспечивающие особые юридические режимы в регулировании социалистических общественных отношений.

Поэтому главное и определяющее в функциональных связях между материальными и процессуальными отраслями составляют отношения *координации*, включающие некоторые субординационные моменты.

Такая характеристика зависимостей, существующих между отраслями материального и процессуального права, помимо прочего, означает, что необходимо с предельной четкостью проводить разграничительные линии между материально-правовыми и процессуальными свойствами и значением юридических явлений. Только при строгом учете отраслевой самостоятельности материального права и процесса можно «избежать смешения материально- и процессуально-правовых свойств и значений, искусственного слияния их в некие совокупные, на самом деле невозможные, материально-процессуальные понятия»¹.

Так, в юридической литературе по гражданскому процессуальному праву некоторыми авторами высказана мысль о том, что подведомственность — это скорее материально-правовой, чем процессуальный, институт². Действительно, вопрос о том, к ведению какого компетентного органа должно быть отнесено то или иное гражданское дело, зависит от факторов материально-правового порядка (характера правоотношения, его субъектного состава). Но это ничуть не устраняет процессуальных свойств и значения рассматриваемого института, так как входящие в его состав нормы опосредствуют возникновение и динамику отношений, связанных с принудительной реализацией материальных прав и обязанностей³.

Еще пример. В юридической литературе получила известное распространение двуединая трактовка природы права на иск, которое

¹ Сборник ученых трудов СЮИ. Вып. 27. С. 85.

² См.: *Дружков П. С.* Вопросы подведомственности дел, рассматриваемых в порядке уголовного судопроизводства // Доклады итоговой научной конференции юридических факультетов. Томск, 1968. С. 83; *Елисейкин П. Ф.* Защита субъективных прав и интересов и компетенция суда в советском гражданском процессе // Ученые записки ДВГУ. Т. 31. Ч. 1. С. 72–75.

³ См.: *Осинов Ю. К.* О характере правовых норм, регулирующих подведомственность юридических дел // Итоги научно-исследовательской работы за 1970 год, СЮИ. Свердловск, 1971. С. 150–151; *Он же.* Подведомственность юридических дел. С. 55–57, 82, и др.

якобы одновременно может быть охарактеризовано как явление и материально-правового, и процессуального порядка. Между тем право на иск имеет чисто процессуальную природу¹. В качестве же материально-правового явления выступает притязание как одно из состояний материального субъективного права. И хотя последнее может получить определенное отражение в праве на иск (отсюда возможность признания иска и некоторые другие последствия, имеющие материально-правовую окраску), это не устраняет весьма четкого различия между тем, что относится к области материального права, и тем, что имеет процессуальную природу.

Интересно, что существует встречная зависимость материально-правовых явлений от процессуальных форм. Например, уголовно-правовое отношение приобретает нужную определенность и законченность по содержанию лишь после вынесения основного уголовно-процессуального акта — обвинительного приговора. Точно так же воздействуют на материальное гражданское правоотношение гражданско-процессуальные формы. Только после вынесения судебного решения материальное гражданское правоотношение обретает строгую определенность, устойчивость, материально-правовую общеобязательность².

5. Достаточно полная и точная обрисовка функциональных связей в системе советского права имеет немалое практическое значение.

При решении юридических дел должны быть приняты во внимание все нормативные предписания, находящиеся в функциональной зависимости. При этом должны не только учитываться нормативные предписания, содержащиеся в актах различного ранга³, но и тщательно исследоваться внутренние связи, которые существуют между нормами разных нормативных актов.

Интересно, что иногда судебные органы, определяя характер функциональных связей между нормами различных актов, обращаются

¹ По справедливому мнению К.И. Комиссарова, «материальное право и иск в миниатюре воспроизводят соотношение между гражданским правом и процессом» (С. 81).

² В случае спора о правоотношении, пишет М.А. Гурвич, «обязательностью обладает действительное правоотношение, т.е. то, которое подтверждено или изменено, в обоих случаях — освобождено от сомнительности судебным решением» (*Гурвич М.А. Обязательность и законная сила судебного решения // Советское государство и право. 1970. № 5. С. 42*).

³ По одному из конкретных дел Пленум Верховного Суда СССР указал: «При решении дела о выселении нанимателя на другую жилую площадь в связи со сносом дома суд должен принимать во внимание, кроме норм союзных республик, акты местных органов власти, принятые по этому поводу» (Бюллетень Верховного Суда СССР. 1968. № 5. С. 10).

к генетическим зависимостям между ними. Вот как, например, Верховный Суд СССР мотивировал невозможность применения к одному из рассмотренных им случаев норм ведомственной Инструкции по службе конвойной охраны: «Из материалов дела видно, что караул по охране жилых зон и производственных объектов исправительно-трудовой колонии выполнял задачи и функции конвойной службы и при этом в своей деятельности руководствовался не уставными правилами караульной службы, а Инструкцией по службе конвойной охраны Министерства охраны общественного порядка РСФСР, которая в этой части представляет собой не развитие правил Устава гарнизонной и караульной служб, как ошибочно утверждается в протесте, а самостоятельный нормативный акт, определяющий правила несения конвойной службы»¹.

Функциональные связи в системе советского права – важнейший ориентир при систематическом толковании. По сути дела систематическое толкование представляет собой такой способ уяснения и разъяснения юридических норм, который призван раскрыть их содержание сквозь призму присущих им функциональных связей.

¹ Бюллетень Верховного Суда СССР. 1968. № 5. С. 15.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

История развития научных взглядов на структуру права показывает, что первоначально советская правовая наука исследовала в этой области проблемы, связанные с необходимостью выделить основные сферы правового регулирования и тем самым обеспечить решение практических вопросов по упорядочению советского законодательства, по определению основных направлений его научной разработки. В связи с этим и проблемы правовых институтов и видов юридических норм рассматривались преимущественно как чисто классификационные, а при характеристике структуры отдельной нормы внимание нацеливалось на то, чтобы с максимальной полнотой установить все компоненты, необходимые для осуществления нормативного, государственно-властного регулирования общественных отношений. По этой же причине во время первой дискуссии о системе права (1938–1940 гг.) научная мысль не пошла дальше фиксирования самых общих признаков отраслей права. В качестве ведущего (а иногда и единственного) критерия деления права на отрасли выдвигался изолированно рассматриваемый предмет регулирования.

Однако впоследствии, в особенности в ходе второй дискуссии о системе права (1956–1959 гг.), потребовалось углубить научные представления о подразделениях права, их юридических особенностях. Этим, в частности, объясняется то повышенное внимание, которое советские правоведы начали уделять методам и приемам правового воздействия.

Тогда-то и стали вырисовываться глубинные связи в советской правовой системе, те специфические закономерности, которые свойственны этой качественно своеобразной части надстройки над экономическим базисом социалистического общества.

В настоящее время в исследовании структуры советского права наступил, надо полагать, новый этап. Поставленные XXIII и XXIV съездами КПСС задачи по повышению эффективности всех звеньев социалистической общественной системы, по соединению научно-технического прогресса с прогрессом управления требуют от советской юридической науки дальнейшего проникновения в тонкости механизма правового регулирования, познания многообразных закономерных связей, образующих структуру права.

Характерно, что для решения новых проблем — как это нередко бывало в истории науки — появились и новые возможности. Именно за

последнее десятилетие в философии и социологии получила значительное развитие теория систем, разработаны плодотворные теоретические положения, являющиеся методологическими при проведении системно-структурных исследований.

В освещении советского права с точки зрения современных философских представлений о структурно-элементных отношениях заложена и перспектива дальнейшей разработки данной темы.

Здесь особо важно следующее. Изучение советского права на уровне системно-структурных характеристик не только раскрывает «теоретические глубины» механизма правового регулирования, функций, свойств и закономерностей права как внутренне согласованной правовой системы. Существенно важно и то, что такой подход смыкается с аксиологическим, способствует углублению представлений о социальной ценности правового регулирования.

Присущая советскому праву системность, как и иные правовые свойства, *характеризует его как ценность в обществе*. Благодаря своей многоуровневой, разноплоскостной, иерархичной структуре советское право способно оказывать многостороннее системное воздействие на общественные отношения, оперативно реагировать на изменяющиеся условия общественной жизни, эффективно, в комплексе решать задачи, выдвигаемые практикой коммунистического строительства.

Правовой материал, следовательно, подтвердил высказанную в философской литературе мысль об органической связи социальной системы и ценностных регуляторов.

Прежде всего важно то, что «наличие ценностных регулятивов составляет одну из принципиальных особенностей социальных систем»¹. Ценности и нормы, присущие данной социальной системе, обеспечивают ее устойчивость как целого и в значительной мере влияют на характер и пути ее развития².

Но дело не только в этом. Роль системности советского права состоит, кроме того, в том, что сложившиеся в нем структурные связи сами обладают социальной значимостью, могут быть отнесены к *правовым богатствам*. Набор основных и комплексных отраслей, сложные структурные связи между подотраслями, объединениями институтов, ассоциациями норм, общие нормы и их комплексы и т.д. — это накопленные в нашей правовой системе юридические ценности, которые характеризуют высо-

¹ Блауберг И.В., Юдин Э.Г. Системный подход в социальных исследованиях // Вопросы философии. 1967. № 9. С.108.

² См.: Блауберг И.В., Юдин Э.Г. Системный подход в социальном познании // Исторический материализм как теория социального познания и деятельности. С. 181; Они же. Становление и сущность системного подхода. С. 243–246.

кую степень ее развитости, ее регулятивную «энергию» и потенции в юридическом воздействии на отношения социалистического общества. И хотя эти правовые ценности непосредственно не выражают особенностей права как фактора духовной жизни общества, его глубинных ценностных характеристик, они все же представляют собой важный момент в существовании и функционировании права как высокоэффективного и целесообразного регулятора в социалистическом обществе.

Советская юридическая наука призвана в полной мере освоить юридическое богатство, воплощенное в структуре советского права. Задача, следовательно, состоит не только в том, чтобы с необходимой глубиной раскрыть все сложное переплетение закономерных связей, свойственных структуре права, соединить их освещение с характеристикой функций права, его специфических закономерностей, но и в том, чтобы осмыслить их как исторически накопленное богатство, капитал, выражающий высокоразвитый характер советского права.

Под таким, более широким, углом зрения исследование структуры советского права позволит упрочить и углубить теоретическую базу при решении и практически значимых проблем, в частности проблемы систематизации и кодификации советского законодательства, проблемы юридической техники.

Исследование структуры советского права в рассматриваемом направлении способно также придать целеустремленный характер поиску путей его дальнейшего совершенствования. Здесь, конечно, нужна предельная осторожность и бережное отношение ко всему тому, что выражают накопленные в ходе исторического развития нашего законодательства правовые ценности. Всякого рода предложения о коренных перестройках правовой системы должны быть тщательно проверены как с точки зрения их целесообразности, так и с точки зрения их совместимости со сложившимися закономерными связями, их роли в сохранении и развитии высокого уровня нашего права.

Вместе с тем выработка обоснованных предложений о совершенствовании структуры советского права, опирающаяся на познанные законы правовой системы, — это одна из перспективных стратегических линий в развитии научной юридической мысли, в служении юридической науке практике коммунистического строительства. Упрочить, умножить то юридическое богатство, которое выражено в структуре советского права, — значит придать нашей правовой системе еще более развитый характер, увеличить ее социальную ценность, ее значение как высокоэффективного и целесообразного регулятора отношений в обществе, строящем коммунизм.